

Mary Kaldor

New and Old Wars

Organised Violence in
a Global Era

Third Edition

POLITY
CAMBRIDGE · 2018

Мэри Калдор

Новые и старые ВОЙНЫ

Организованное насилие
в глобальную эпоху

Перевод с английского

АЛЕКСЕЯ АППОЛОНОВА,
МАКСИМА ДОНДУКОВСКОГО

Редакторы перевода

АРТЕМ СМИРНОВ,
ВЛАДИСЛАВ СОФРОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА · 2021

УДК 355.01

ББК 68

К17

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда Егора Гайдара

Калдор, М.

К17 Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронюк. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-93255-417-3

«Новые и старые войны» Мэри Калдор фундаментальным образом изменили подход современных ученых и политиков к пониманию современной войны и конфликта. В контексте глобализации эта прорывная книга показала: то, что мы считали войной (то есть война между государствами, в которой цель состоит в применении максимального насилия), становится анахронизмом. Вместо нее появляется новый тип организованного насилия, или «новые войны», которые можно описать как смесь войны, организованной преступности и массовых нарушений прав человека. В этих войнах принимают участие как глобальные, так и локальные, как государственные, так и частные участники. Войны ведутся ради частных политических целей с использованием тактики террора и дестабилизации, которые формально запрещены правилами ведения современных войн.

Настоящее издание «Новых и старых войн» может стать настольной книгой исследователей международных отношений, политологов и конфликтологов, а также будет интересно всем, кто хочет узнать о меняющейся природе и перспективах войн.

Copyright © Mary Kaldor 2018

© Издательство Института Гайдара, 2021

Настоящее издание публикуется по соглашению с *Polity Press Ltd.*, Cambridge.

ISBN 978-5-93255-417-3

Содержание

- Егор Соколов. Война как бриколаж · 7
- Предисловие к третьему изданию · 20
- Сокращения · 25
1. Введение · 28
 2. Старые войны · 54
Война и возникновение новоевропейского государства · 57; Клаузевиц и войны XIX столетия · 67; Тотальные войны XX столетия · 74
 3. Босния и Герцеговина: разбор примера новой войны · 83
Почему велась эта война: политические цели · 85; Как велась эта война: военные и экономические средства · 108; Характер международного участия · 131; После Дейтона · 148
 4. Новые войны и политика · 153
Характеристики глобализации · 155; Политика идентичности · 167; Космополитизм versus партикуляризм · 187
 5. Глобализированная военная экономика · 194
Приватизация вооруженных сил · 196; Модели насилия · 207; Финансирование военных действий · 217; Распространение насилия · 227; Заключение · 233
 6. По направлению к космополитическому подходу · 236
Реконструкция легитимности · 240; От дипломатии, проводимой сверху вниз, к космополитиче-

ской политике · 249; От поддержания мира и/или принуждения к миру к космополитическому правоприменению · 260; От гуманитарной помощи к реконструкции · 279

7. Новые войны в Ираке и Афганистане · 291

Наукоемкая старая война · 293; Частично недееспособные государства · 301; Новые войны · 308; Адаптация старой войны? · 333; Была ли альтернатива? Есть ли она сейчас? · 343

8. Управление, легитимность и безопасность · 350

Столкновение цивилизаций · 357; Грядущая анархия · 363; Космополитическое управление · 367; Заключение · 373

Послесловие · 378

«Новы» ли новые войны? · 380; Являются ли новые войны «войнами»? · 386; Спор о данных · 390; Спор о Клаузевеце · 400; Заключение · 411

Война как бриколаж

ЕГОР СОКОЛОВ

В 1809 ГОДУ Карл фон Клаузевиц, еще не ставший главным авторитетом по военным вопросам, пишет ответ на статью Фихте «О Макиавелли как писателе». Оба озабочены вопросом о том, как преодолеть кризис, оправиться от сокрушительного поражения, нанесенного прусской армии в 1806 году, и возродить «немецкую нацию», однако офицер критикует профессора за то, что тот (вслед за Макиавелли) слишком доверяет «древним» в военных вопросах. Война изменилась, говорит Клаузевиц, старые рецепты больше не работают. «Современное искусство войны, далекое от того, чтобы использовать людей как простые машины, должно оживить (vitalize) индивидуальную энергию, насколько это позволяет природа оружия»¹. Решение должно быть связано не с «искусственными» построениями (фаланга, легион), а с фигурой патриота, доблестного и энергичного, «сражающегося на своей земле за свободу и независимость». Клаузевиц, впоследствии определивший войну через изменчивость и неизвестность, назвавший ее «хамелеоном, в каждом конкретном слу-

1. *Clausewitz C. von. Letter to Fichte // Clausewitz C. von. Historical and Political Writings. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 282.*

чае несколько меняющим свою природу»², тоже, в общем-то, говорит здесь о «новых» и «старых» войнах. И даже противопоставляет «технический» и «социальный» подходы.

Принципиальная разница заключается в том, для чего создаются их теории: если Клаузевиц пишет «теорию для войны», то цель стимулирующей книги Мэри Калдор, напротив, заключается в том, чтобы найти возможности ограничения насилия. И хотя ее предложения базируются на «кантианском» космополитизме, они совсем не кажутся «наивными» или «идеалистичными». Книга Калдор не дает ответов на вопросы, которые неизбежно адресует ей сегодня российский читатель, однако она может помочь точнее их сформулировать, вписать в контекст — и это уже немало.

К 1999 году, когда выходит первое издание «Новых и старых войн»³, тезис о том, что «большие» межгосударственные войны (с патриотизмом, *jus in bello*, стратегией «по Клаузевицу» и т. д.) устаревают, а на смену им приходят «конфликты низкой интенсивности», «гибридные» или «постмодернистские» войны, совсем не нов. Уже описаны глобализация в качестве социально-экономической рамки, новые технологии, приватизация насилия и размывание границ между легитимным и преступным насилием, комбатантами и нонкомбатантами, меж- и внутригосударственными конфликтами⁴. Интеллектуальным событием книга Мэри Калдор стано-

2. Клаузевиц К. фон. О войне. В 2 т. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 1. С. 50.

3. Перевод сделан по третьему изданию 2012 г., включающему анализ американских кампаний в Ираке и Афганистане (глава 7) и реакцию на критику концепции «новых войн» (послесловие).

4. См. краткий обзор дискуссий на с. 75 наст. изд.

вится благодаря насыщенному описанию войны в Боснии и Герцоговине (1992–1995). Опыт ее поездок по бывшей Югославии, бесед с участниками и жертвами боевых действий кристаллизовался в объяснение причин, по которым масштабные миротворческие усилия оказались столь впечатляюще неэффективны (в том числе и послевоенные, как показал антисербский погром в Косово в марте 2004 года). Боснийская война «стала образцовым случаем, из которого в начавшийся после окончания холодной войны период были извлечены разные уроки, — тем примером, которым пользуются, чтобы поставить точку в разное принципиальных позиций, и в то же время лабораторией, в которой экспериментально отработывались разные методы управления новыми войнами»⁵. Этот «эталон» характеризуют три группы признаков. Во-первых, цели «новых» войн не являются политическими в традиционном смысле, они связаны с «политикой идентичности», а не с идеологически или «геополитически» обоснованным «национальным интересом». Во-вторых, бой (и даже контроль территории) перестает быть главным средством⁶, «новая война» — это скорее война с населением, чем с противником. В-третьих, эта война живет за счет специфической военной экономики, децентрализованной, зависящей от внешних источников (гуманитарная помощь, участие диаспор и т. д.) и криминальных доходов от торговли оружием или наркотиками.

5. См. с. 39 наст. изд.

6. Клаузевиц считал его даже единственным средством: «Средство только одно — бой [...] Это верно даже в том случае, когда фактически боя не происходило, потому что уклонение одной из сторон имело предпосылкой, что такое уничтожение оценивалось как несомненное». *Клаузевиц К. фон. О войне*. Т. 1. С. 63, 67–68.

Некоторые описания звучат сегодня пугающе знакомо:

Фактически сербская общественность пережила виртуальную войну задолго до начала реальной — виртуальную войну, мешавшую отличать истину от вымысла, так что война стала неким континуумом, где в один и тот же феномен слагались битва на Косовом поле 1389 года, Вторая мировая война и война в Боснии. Дэвид Рифф описывает обычную практику, когда солдаты из боснийских сербов, целый день обстреливавшие Сараево с близлежащих холмов, звонили потом в город своим друзьям-мусульманам. Из-за психологического диссонанса, производимого этой виртуальной реальностью, такое, выходявшее за привычные рамки, противоречивое поведение обладало для солдат абсолютным смыслом. Они стреляли не по своим личным друзьям, а по туркам. «Еще до конца лета, — говорил Риффу один из солдат, — мы выгоним турецкую армию из города. Точно так же, как они выгнали нас с Косова поля в 1389 году. Там было начало господства турок на наших землях. Здесь будет его конец, после всех этих жестоких столетий... Мы, сербы, спасаем Европу, пусть даже Европа и не ценит наших усилий»⁷.

«Новый национализм», реваншистский, рядящийся в побитую молью имперскую тогу, становится тем опаснее, чем сильнее сужается в атмосфере нагнетаемой вражды пространство гражданско-го активизма. «Космополитическая» альтернатива, которую предлагает Калдор, строится на двух принципах, военном и политическом:

1. Минимальное применение силы. Проблема использования международных сил связана с бо-

7. См. с. 99–100 наст. изд.

язню «занять сторону»⁸, а главным образом — с боязнью потерь. Западные страны, вступившие в «постгероическую эпоху»⁹, стремятся минимизировать потери. Сохранение жизней своих солдат становится приоритетом, определяющим тактику: использование бомбардировщиков, беспилотников (дронов) и т. д. В Югославии самолеты НАТО наносили удары с высоты более 4,5 километров, недостижимой для сербских ПВО, что привело к многочисленным «побочным потерям». «Настойчивые заверения западных лидеров, что бомбардировка была направлена против режима, а не против сербов, вовсе не убеждали тех, кто испытал ее действие на себе»¹⁰, — пишет Мэри Калдор. Она предлагает своего рода «средний путь» между беспомощным наблюдением и военным сокрушением, более рискованный, но и более эффективный, применение «минимальной необходимой силы», создание нового типа «солдата-полицейского, рискующего жизнью ради человечности».

2. Космополитическая политика. Простая идея: договариваться можно не только с теми, кто держит оружие. Принимать во внимание «гражданское общество», все эти НПО, женские или студенческие объединения, группы интеллектуалов? Калдор показывает, что это решение имеет прагматический смысл: «новые войны» отличаются тем, что их чрезвычайно трудно закончить «миром

8. Вообще говоря, странной, учитывая, что в любой «гуманитарной интервенции» «сторона» известна еще до ввода военного контингента. См., например, критику Ноама Хомского: *Хомский Н.* Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М.: Праксис, 2002.

9. *Люттвак Э. Н.* Стратегия: Логика войны и мира. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 96–109.

10. См. с. 277 наст. изд.

лучшим, нежели довоенный», потому что мир этот не с кем заключать. Власть полевых командиров не только дисперсна, она зависит от насилия и неопределенности, она опирается на страх, ненависть и криминальную экономику. В Сьерра-Леоне, Югославии, Нагорном Карабахе, Афганистане даже ограниченное взаимодействие с «альтернативными источниками власти», договоренности с местными сообществами, создание «зон безопасности» способствовали уменьшению насилия. Военные победы, как показывает опыт Ирака и Афганистана, сами по себе не приводят к политическому результату; мирное урегулирование, реконструкция гражданских институтов и формальной экономики требуют легитимности и участия, источником которых могут быть сообщества.

Анализ Калдор не убедит тех адептов *realpolitik*, которые считают, что если есть пистолет, то доброе слово излишне. Для незамутненно-милитаристского, «реконструкторского» сознания рассуждения о «гибридных войнах» и «асимметричных ответах» звучат музыкой, заглушающей вопросы «какой ценой?» или даже «ради чего?» Они способны причинять страдания, однако в некотором важном смысле уже проиграли.

Трансформация войны, переход от «несовременной» к «современной» войне — это не только технический сдвиг, изменение оружия и тактики¹¹, но прежде всего социальная трансформация (для Калдор — глобализация), перестройка коллективной чувствительности и субъективности, способов

11. Вариант «технологического» подхода см.: *Тоффлер Э. Война и антивойна: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века.* М.: АСТ; Транзиткнига, 2005.

репрезентации войны, конструирования ее «смысла», «необходимости», «справедливости» или «законности». Пройдя Верден, холокост, Карибский кризис, Вьетнам, 11 сентября, западный мир изменил отношение к войне. Говоря попросту,

факт остается фактом: нынешний мир видит войну другими глазами, не как она виделась в начале столетия, и, если сегодня кто-то заговорит о прелестях войны как единственно возможной гигиены мирового масштаба, он попадет не в историю литературы, а в историю психиатрии. Война — явление того же порядка, что кровная месть или «око за око»: не то чтобы они уже не существовали на практике, но общество в наши дни воспринимает эти явления отрицательно, в то время как раньше воспринимало хорошо¹².

Новоевропейское государство обосновывает себя, устанавливая контроль над вооруженным насилием, вынося войну на границы. С XIV по XVII век европейские монархии опираются на наемную пехоту в борьбе со знатью — монополия на насилие завоевывается на полях сражений, где плотные пехотные построения (баталии) наносят поражение дворянской кавалерии. И именно швейцарские гвардейцы, погибавшие в 1792 году на ступенях дворца Тюильри, оказываются последними защитниками французской монархии. Революция открывает эпоху народных армий, превращает солдат в патриотов, лояльных и инициативных. Период войн наций и националистов завершается в 1945 году — сегодня политики вынуждены считать солдатские жизни или считаться с невозможностью всеобщей моби-

12. Эко У. Осмысляя войну // Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 2007. С. 31–32.

лизации. Государство все менее способно требовать себе кровавой жертвы, а это, как говорит Мартин ван Кревельд, может означать, «что значительная часть *raison d'être* государства будет потеряна»¹³.

Война идет, однако агрессор все чаще вынужден действовать тайком, прикрывая свои намерения оруэлловским новоязом («война — это мир»), оправдывая циничную политику благородными словами, девальвирующимися и меняющими значение. Победа гражданских активистов и «наивных интеллектуалов» в том, что государство больше не может гордиться пролитой кровью. Философские проекты «вечного мира» реализованы в Лиге Наций и ООН, в пакте Келлога–Бриана, Нюрнбергском процессе и Гаагском трибунале. Антивоенные выступления стали частью мировой политики, с которой приходится считаться политикам и генералам. В XX веке не создано ни одного значительного произведения искусства, прославляющего войну, ничего сравнимого с «Похождениями бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека, «Герникой» Пабло Пикассо, «Неизвестным солдатом» Джима Моррисона или «Цельно-металлической оболочкой» Стенли Кубрика.

Но, возможно, когда говорят пушки, музы замолкают? Возможно, как предполагал Фрейд, вся эта «культура» или «цивилизованность» в значительной степени представляют собой «внешнее принуждение», которое ослабевает во время войны, открывая простор для проявления «корыстных и жестоких» влечений¹⁴?

13. *Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 414.

14. *Фрейд З.* В духе времени о войне и смерти // Фрейд З. Вопросы общества. Происхождение религии. М.: ООО «Фирма СТД», 2008. С. 40–48.

С одной стороны, «культуру» сегодня невозможно «взять в скобки» на время военных действий, потому что она определяет их ход. Дело не только в том, что телевизионная война становится симулякром, не нуждающимся в «реальности» — в некоторых случаях она оказывается реальнее самой «реальности» (в строгом прагматическом смысле — по практическим следствиям), хвост виляет собакой. Пресловутая «информационная война» давно перестала быть «выдумкой постмодернистов», на чистом советском языке она объявлена одной из главных опасностей, угрожающих сегодня России¹⁵.

С другой стороны, как показал Норберт Элиас, «цивилизованность» не исчезает во время войны, а «культура» не является чем-то противоположным «кровожадным влечениям»:

Контроль над аффектами, сформированный повседневной жизнью цивилизованного общества, и предписанная этим обществом мера сдерживания и трансформации агрессии не отменяются даже в этих анклавах [во время войн]. В любом случае агрессия освободилась бы от этого контроля быстрее, чем нам хотелось бы, если бы прямая, физическая борьба против ненавистного врага не пре-

15. «11. Наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации [...] 13. Основные внутренние военные опасности: [...] в) деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества; г) провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды». Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2014. 30 дек. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>.

вратилась в механизированную войну, требующую строгого контроля над аффектами. Даже во время войны цивилизованных стран нашего мира индивид более не может непосредственно давать волю своим эмоциям, наслаждаясь видом поверженного врага. Он должен, независимо от своего настроения, подчиняться переданным ему приказам не видимого им командира и вести бой с зачастую не видимым им врагом. Требуются сильные социальные волнения и бедствия, и прежде всего требуется сознательно ведущаяся пропаганда, для того чтобы значительные массы людей вернулись к вытесненным из цивилизованной повседневности и социально осуждаемым влечениям, к радости, получаемой от убийства и разрушения, и для того чтобы эти влечения стали легитимными¹⁶.

«Монополия на насилие» означает не только концентрацию капитала физического принуждения в руках государства (этатизацию войны), она выражается также в «цивилизации» (в смысле Элиаса), то есть в социальном давлении, «принуждении к самоконтролю», сдерживании и трансформации аффектов, дифференциации и регуляции агрессивного поведения. Быть офицером — значит не только вести войну от лица государства (а не от своего собственного, как это делали рыцари), но и делать это хладнокровно, не проявлять страха или ненависти¹⁷. Новоевропейская военная культура строится на тройном ограничении: субъекта (*legitimate*

16. Элиас Н. О процессе цивилизации. URL: http://krotov.info/library/26_ae/li/as_u.htm.

17. Подробнее об этом см.: Соколов Е. С. Оружие и тело: (не)уязвимость как социальное отличие // Вопросы философии. 2013. № 12. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=872&Itemid=52.

authority, государство), действия (*ius in bello*, законы и обычаи войны) и аффекта (*sangfroid*, дисциплина). Порожденное отнюдь не человеколюбием, а стремлением к все большей управляемости и эффективности военной машины, оно тем не менее создает условия, в которых гражданское общество может надеяться на успех в войне против войны.

Таким образом, военная агрессия дискредитирована и взята под контроль? Что же значит тогда неожиданный реванш кровожадных мачистов, гордящихся способностью разбивать головой бутылки и кирпичи? Возможно, гибридизацию и приватизацию войны стоит мыслить не только как «провал» государства, результат распада или свидетельство несостоятельности, но и как циничную стратегию, как способ вести войну чужими руками (частных военных компаний или «ополченцев»), способ удержать власть. Нельзя ли сказать в таком случае, что «новые войны» — это продолжение суверенитета другими средствами?

Книга Мэри Калдор помогает двигаться в этом направлении, предлагая работу со своего рода клубками насилия, переплетениями государственного и частного, легитимного и преступного. Она показывает, что войны 1990-х годов в Африке и Восточной Европе не являются «просто» этническими или гражданскими конфликтами, а «включают в себя несчетное число транснациональных связей, отчего трудно удержать различие между внутренним и внешним, между агрессией (нападение из-за рубежа) и репрессией (атака изнутри страны) или даже между локальным и глобальным»¹⁸. Ее анализ американских кампаний в Ираке и Афгани-

18. См. с. 29–30 наст. изд.

стане также сосредоточен на взаимодействии военных и гражданских структур, на столкновении и смешении логик войны: «обновленной старой» и «новой». Переплетения, смешения, причудливые сочетания («Microsoft сосуществует с мачете, а технологии „стелс“ противостоят террористы-смертники»); «новая война» — это бриколаж.

Если Клаузевиц называет войну пространством неопределенности, «областью случайности»¹⁹, то именно потому, что она представляет собой взаимодействие («расширенное единоборство»). Центральный «постклаузевицевский» аргумент Калдор заключается в том, что «новые войны» — это «обоюдные предприятия, а не борьба волей». «Заинтересованность воюющих сторон в предприятии войны, а не в том, чтобы победить или проиграть, имеет как политические, так и экономические основания. [...] Войны, определяемые подобным образом, создают общую самоподдерживающуюся заинтересованность в войне, воспроизводящей политическую идентичность и способствующей осуществлению экономических интересов»²⁰.

Однако кто может положить конец такой войне, которую ведут одновременно государства и военизированные, полувоенные, партизанские, криминальные организации, заинтересованные в том, чтобы она продолжалась? А в ситуациях (наиболее опасных), когда использование международного военного контингента невозможно? «Космополитическое правоприменение» предполагает решимость действовать и нести потери исходя из «интересов человечества». Но как справедливо спрашивает Джин Элштейн: «Под чьим патронажем все это будет про-

19. Клаузевиц К. фон. О войне. Т. 1. С. 78.

20. См. с. 408 наст. изд.

исходить? Кто этот миротворец, которого она призывает? Кто создает и поддерживает «независимую и надежную судебную систему и активное гражданское общество»? На каком основании?»²¹ Не говоря уже о том, что до сих пор, к сожалению, «интересы человечества» редко используются иначе, чем в качестве красивой ширмы, прикрывающей «старую» (но не стареющую) империалистическую политику.

И тем не менее подход Калдор продуктивен. Конечно, не стоит ждать от книги чудесного решения, однако она не только предлагает способ мыслить современную войну, но и напоминает нам об ответственности. «Общество» и «культура» — давно на линии фронта. Мэри Калдор цитирует предупреждение Руссо:

Нетрудно понять также, что война и завоевания, с одной стороны, и усугубляющийся деспотизм, с другой, взаимно помогают друг другу; что у народа, состоящего из рабов, можно вволю брать деньги и людей, чтобы с их помощью покорять другие народы; что война дает одновременно и предлог для новых денежных поборов и другой не менее благовидный предлог для того, чтобы постоянно содержать многочисленные армии, дабы держать народ в страхе. Наконец, каждому достаточно хорошо видно, что государи-завоеватели по меньшей мере так же воюют со своими подданными, как и со своими врагами, и что положение победителей не лучше положения побежденных²².

21. *Elshtain J. B. New Wars, Old Violence (Review of a: New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era by Mary Kaldor; Crimes of War: What the Public Should Know by Roy Gutman and David Dieff) // International Studies Review. 2001. Vol. 3. No. 1. P. 141.*

22. См. с. 65 наст. изд.

Предисловие к третьему изданию

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы ряд исследователей отмечали не только снижение потерь, связанных с боевыми действиями, но и феномен, описываемый ими как упадок войны в XXI веке. В число подобных работ входят знаменитая книга Стивена Пинкера «Лучшие стороны нашей натуры», Доклад о безопасности человека (*Human Security Report*) и книга Джона Мюллера «Обломки войны»¹.

В данных исследованиях показан упадок того, что я в этой книге называю «старой войной», то есть войны с вовлечением государств, где решающее столкновение сил представлено сражением (*battle*). Все эти исследователи основывают свои заключения на Уппсальской программе сбора данных о конфликтах, в рамках которой конфликт определяется участием в нем государств и характеризуется определенным минимумом боевых потерь (*battle deaths*). В новые войны вовлечены сети государственных и негосударственных участников, а основная масса насилия направлена против гражданского населения. Некоторые критики тезиса о «новой войне» смешивают новые войны с гражданскими и утвер-

1. *Pinker Steven*. The Better Angels of Our Nature. London: Allen Lane, 2011; *Mueller John*. The Remnants of War. Ithaca and London: Cornell University Press, 2004; Human Security Report 2009/10. URL: <http://www.hsrgroup.org/human-security-reports/human-security-report.aspx>.

ждают, что в настоящее время на убыль идут и межгосударственные, и гражданские войны. Однако новые войны, как я поясняю во введении, — это войны, в которых размыто различие между внутренним и внешним. Новые войны и глобальны, и локальны, и они отличаются как от классических межгосударственных, так и от классических гражданских войн.

Эта склонность определять войну как «старую войну» мешает увидеть реальность новых войн. Я не знаю, растет ли сейчас число новых войн. Не известен нам и масштаб потерь в новых войнах, хотя они наверняка ниже, чем в «старых войнах». Я говорю лишь о том, что нам нужно понять и проанализировать этот новый тип насилия. И хотя нам следовало бы радоваться упадку «старой войны», мы все же не можем почивать на лаврах. Нам необходимо научиться справляться с основными современными источниками возможной опасности. В крупных мировых регионах — Центральной Азии, Восточной или Центральной Африке — люди испытывают большие страдания; и отнюдь не праздный вопрос, страдают ли они больше или меньше, чем прежде. Кроме того, новые войны обусловлены слабостью государства, экстремистской политикой идентичности и международной преступностью, и существует опасность, что этот тип насилия будет распространяться по мере нарастания экономического кризиса в мире. В условиях сокращения расходов правительства склонны жертвовать именно тем, что лучше всего подходит для решения проблемы новых войн, и сохранять то, что позволяет им вести «старые войны».

Вот почему важно представить новое издание этой книги. Местами я дополнила книгу и включила в нее новый материал. Первое издание данной книги вышло до событий 11 сентября 2001 года, и я написала новую главу о войнах в Ираке и Афга-

нистане. Я полагаю, что Соединенные Штаты, видевшие в этих войнах «старые войны», своими действиями во многом способствовали развертыванию новой войны в обеих этих странах. В сущности, опыт этих войн привел к появлению нового мышления в Пентагоне. В состав пересмотренной доктрины борьбы с повстанцами вошли такие идеи, как национальное строительство и безопасность населения, объединение военных и гражданских средств и возможностей. Но оказалось, что культуру военных изменить очень сложно, и теперь США вновь обратились к кампании по борьбе с террористами в духе «старой войны» с применением, например, воздушных ударов по удаленным целям в таких местах, как Афганистан, Пакистан, Йемен и Сомали. И, несмотря на значительное повышение точности и снижение потерь от воздушных ударов среди гражданского населения по сравнению с прошлым, о чем говорится в седьмой главе, это еще более усугубляет ситуацию с безопасностью в данных местах.

Первое издание этой книги породило оживленные дебаты о новых войнах, и я включила сюда также новое предисловие, посвященное этим дебатам. Большая часть критики касается вопроса о новизне «новых войн» или обоснованности определения их в качестве войн. Моя основная мысль такова: может быть, подобные войны и не являются по-настоящему новыми, и, может быть, мы решим не называть их войнами, но все же сейчас происходит что-то, что отличается от «старой войны», и нам необходимо это «что-то» понять. Как раз таки поглощенность идеей старой войны мешает нам в деле разработки анализа, имеющего значение для формирования политической стратегии.

С момента написания этой книги моя деятельность во многом сконцентрировалась на научно-

практических исследованиях, и в частности на разработке концепции безопасности человека как способа решения проблемы «новых войн». Результаты этой исследовательской деятельности не были включены в книгу, хотя я и доработала шестую главу «На пути к космополитическому подходу», которая представляла раннюю версию моих идей по проблеме безопасности человека. Желающие больше узнать о безопасности человека могут обратиться к двум моим недавно опубликованным книгам — «Безопасность человека: размышления о глобализации и вмешательстве» и «Абсолютное оружие как отсутствие оружия: безопасность человека и новые правила войны и мира», вторая из них написана в соавторстве с кадровым офицером американской армии².

Подобно Пинкеру и другим, я горячо приветствую упадок «старой войны». Однако «старая война» в любой момент может быть вновь «открыта» заново. Многие критики указывают — и справедливо указывают — на то, что «новые войны» похожи на войны раннего Нового времени, когда государства еще не были такими сильными, как сегодня. Процесс умиротворения и ликвидации разбойничьих шаяк, грабителей с большой дороги, пиратов, полевых командиров и упразднения частных войн был обусловлен развитием того, что я называю «старыми войнами», то есть войнами эпохи модерн XIX–XX веков, как они описываются во второй главе. Как раз таки посредством войны государства смогли взять насилие под централизованный контроль. Если мы не примем меры в отношении се-

2. *Kaldor Mary*. Human Security: Reflections on Globalisation and Intervention. Cambridge: Polity Press, 2008; *Beebe Shannon D.*, *Kaldor Mary*. The Ultimate Weapon is No Weapon: Human Security and the New Rules of War and Peace. New York: Public Affairs Books, 2010.

годняшних новых войн, в любой момент опять может случиться что-то подобное.

На данный момент самое весомое основание для оптимизма — волна мирного протеста, начавшаяся на Ближнем Востоке и распространившаяся на весь мир. Этот подъем гражданского общества маргинализировал «Аль-Каиду» и прочие экстремистские воинственно настроенные группы. Как я показываю в данной книге, именно эта разновидность космополитической политики служит ключом к поиску ответа на проблему новых войн. Следовательно, многое зависит от того, насколько успешным будет институциональный ответ, порожденный этим, как часто описывают эти события, новым пробуждением. Конечно, существует огромный риск того, что, если данные события не породят некий институциональный ответ, это будет иметь самые неблагоприятные последствия. Более того, мышление в категориях «старой войны» — иначе говоря, геополитический или реалистический подходы, в центре которых стоит безопасность Израиля или угроза иранского ядерного оружия, — могло обострить «новые войны» в таких местах, как, например, Сирия и Ирак. Происходящее в настоящее время безжалостное подавление в Сирии — это не гражданская война, а война против гражданского населения и против космополитической политики.

За помощь в подготовке этого третьего издания я хотела бы поблагодарить Явора Рангелова, Сабину Зельхов и Яхью Саид за обсуждение дебатов о новых войнах, Марику Терос — за помощь в сборе новых материалов по Афганистану, Ануку Ригтеринк — за помощь по анализу данных, особенно данных по перемещению населения, Тома Кирка — за содействие в подборе последней литературы по новым войнам, и Доменику Спирату — за общую поддержку.

Сокращения

- GPS — система глобального позиционирования
MIME-NET— военно-промышленно-развлекательные сети
MPRI — американская частная военная компания Military Professional Resources Incorporated
АБиГ — Армия Боснии и Герцеговины
АБС — Армия боснийских сербов
АВП — Аппарат Верховного представителя ООН по Боснии и Герцеговине
АНК — Африканский национальный конгресс
АОК — Армия освобождения Косова
АС — Африканский союз
БЕСГВ — Бюро Европейского сообщества по гуманитарным вопросам
БПЛА — беспилотный летательный аппарат
ВВП — валовой внутренний продукт
ВИСИ — Верховный исламский совет Ирака
ВКА — Временная коалиционная администрация
ВПЛ — внутренне перемещенные лица
ВТБ — высокоточные боеприпасы
ДБЧ — Доклад о безопасности человека
ДжаМ — Джаиш аль-Махди (также известны как «сдристы»)
ДПА — дистанционно пилотируемый аппарат
ДРК — Демократическая Республика Конго
ЕС — Европейский союз
ЗЕС — Западноевропейский союз
ИРА — Ирландская республиканская армия
КС НАТО — Координационный совет НАТО
МВС — мусульманские вооруженные силы
МВФ — Международный валютный фонд
МИИЭР — Мировой институт исследования экономического развития
МИСИ — Международный институт стратегических исследований

НОВЫЕ И СТАРЫЕ ВОЙНЫ

- МКБЮ — Международная конференция по бывшей Югославии
- МККК — Международный комитет Красного Креста
- МКС — Международный комитет спасения
- МПО — межправительственная организация
- МССБ — Международные силы содействия безопасности
- МУС — Международный уголовный суд
- НАОС — Народная армия освобождения Судана
- НАТО — Организация Североатлантического договора
- НПО — неправительственная организация
- ОАЕ — Организация африканского единства
- ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
- ОМП — оружие массового поражения
- ООН — Организация Объединенных Наций
- ПАСОК — Всегреческое социалистическое движение
- ПДД — Партия демократического действия (мусульманская)
- ПРООН — Программа развития ООН
- ПСИ — Партия свободы Инката
- РАБ — Революционная армия Бугенвила
- РВД — революция в военном деле
- РДР — разоружение, демобилизация, реинтеграция
- РЕНАМО — Мозамбикское национальное сопротивление
- РСБ — резолюция Совета Безопасности
- РТС — радио и телевидение Сербии
- СВС — силы по выполнению соглашений
- СВУ — самодельное взрывное устройство
- СДП — Сербская демократическая партия
- СЕС — силы Европейского союза
- СИПРИ — Стокгольмский международный институт исследований проблем мира
- СНГ — Содружество Независимых Государств
- СООНО — силы ООН по охране
- СПС — силы по стабилизации
- ТО — территориальная оборона
- УВКБ ООН — Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев
- УООН — Университет ООН
- УПДК — Уппсальская программа по сбору данных о конфликтах
- ХА — Хорватская армия
- ХГА — Хельсинская гражданская ассамблея

СОКРАЩЕНИЯ

- ХДС — Хорватский демократический союз
ХОС — Хорватские оборонительные силы (военизированное крыло ХПП)
ХПП — Хорватская партия права
ХСО — Хорватский совет обороны
ЦМВП — Центр мониторинга внутренних перемещений
ЦРУ — Центральное разведывательное управление
ЭКОВАС — Экономическое сообщество стран Западной Африки
ЭКОМОГ — Группа мониторинга режима прекращения огня Экономического сообщества стран Западной Африки
ЮНА — Югославская народная армия
ЮНИСЕФ — Детский фонд ООН

1. Введение

Л ЕТОМ 1992 года, в самый разгар войны между Азербайджаном и Арменией, я посетила Нагорный Карабах. Именно тогда я осознала, что то, что я раньше видела в бывшей Югославии, не единственное в своем роде. Причем в этом посткоммунистическом уголке мира обнаруживался (или по крайней мере мне думалось, что обнаруживался) не рецидив балканского прошлого, а скорее некая очень непростая современная ситуация. В Книне (в то время столице самопровозглашенной Сербской Республики в Хорватии) и Нагорном Карабахе, где было полно молодых людей в кустарно пошитой униформе, отчаявшихся беженцев и начинающих политиков с повадками головорезов, довольно хорошо чувствовалась характерная атмосфера Дикого Запада. Позднее я начала исследовательский проект о характере войн нового типа, и мои коллеги, имевшие опыт пребывания в Африке, рассказали, что замеченное мной в Восточной Европе имеет много общих черт с теми войнами, которые идут в Африке, а может быть, и в других местах, например в Южной Азии. Более того, опыт войн в других местах позволил мне по-новому взглянуть на то, что происходило на Балканах и в бывшем Советском Союзе¹.

1. Данный исследовательский проект был выполнен для Мирового института исследования экономического развития

Центральное положение моей книги состоит в том, что в последние десятилетия XX века был сформирован новый тип организованного насилия (особенно в Африке и Восточной Европе), который представляет собой некий аспект текущей глобализированной эпохи. Этот тип насилия описывается мной как «новая война». Я использую слово «новая», чтобы отличить понятие о подобных войнах от преобладающих представлений о войне, берущих начало в более ранней эпохе, что в общих чертах намечено мной во второй главе. Слово «война» я использую, чтобы подчеркнуть политическую природу этого нового типа насилия, даже несмотря на то, что — как станет ясно на следующих страницах — новые войны влекут за собой размывание различий между войной (определяемой обычно как насилие по политическим мотивам между государствами или организованными политическими группами), организованным преступлением (насилие, на которое идут организованные в частном порядке группы ради частных целей, обычно ради финансовой выгоды) и крупномасштабными нарушениями прав человека (насилие, осуществляемое государством или политически организованными группами против частных лиц).

В соответствующей литературе новые войны по большей части описаны как внутренние или гражданские войны или иначе как «конфликты низкой интенсивности». И все же, несмотря на то что большинство этих войн носят локальный характер, они включают в себя несчетное число транснациональ-

Университета ООН (УООН/МИИЭР). Результаты опубликованы в: Mary Kaldor and Basker Vashee (eds). *Restructuring the Global Military Sector. Vol. I: New Wars*. London: Cassell/Pinter, 1997.

ных связей, отчего трудно удержать различие между внутренним и внешним, между агрессией (нападение из-за рубежа) и репрессией (атака изнутри страны) или даже между локальным и глобальным. Термин «конфликт низкой интенсивности» был придуман американскими военными в период холодной войны для описания партизанской войны или терроризма. Хотя и возможно проследить эволюцию новых войн от того, что во времена холодной войны называли конфликтами низкой интенсивности, все же у них есть отличительные характеристики, которые скрыты, в сущности, слишком общим термином. Некоторые авторы описывают новые войны как приватизированные или неформальные войны². Тем не менее, несмотря на то что приватизация насилия — важный элемент этих войн, на практике нельзя с легкостью провести различие между публичным и частным, государственным и негосударственным, формальным и неформальным, сделанным по экономическим и сделанным по политическим мотивам. Возможно, более подходящим является термин «постсовременные» (post-modern), используемый рядом авторов³. Подобно термину «новые войны», он предлагает некий способ, позволяющий отличить эти войны от тех войн, которые, скажем так, характерны для классической эпохи модерна. Впрочем, этот термин используется и для обозначения виртуальных войн и войн в киберпространстве⁴; кроме

-
2. *Keen David*. When war itself is privatized // Times Literary Supplement. 29 December 1995.
 3. *Duffield Mark*. Post-modern conflict: warlords, post-adjustment states and private protection // Journal of Civil Wars (April 1998); *Ignatieff Michael*. The Warrior's Honor: Ethnic War and the Modern Conscience. London: Chatto & Windus, 1998.
 4. См. *Gray Chris Hables*. Post-Modern War: The New Politics of Conflicts. London and New York: Routledge, 1997.

того, новые войны несут в себе элементы не только эпохи модерна, но и досовременности (pre-modernity). Более поздним понятием, используемым Фрэнком Хоффманом и получившим широкое хождение, в частности у военных, является термин «гибридные войны»⁵; он очень хорошо схватывает ту размытость публичного и частного, государственного и негосударственного, формального и неформального, которая так свойственна новым войнам. Он также используется для обозначения тех конфликтов, для которых характерно смешение разных типов войны (например, войны с применением обычных вооружений, борьбы с повстанцами, гражданской войны), и в этом качестве, возможно, упускает специфическую логику новых войн. Наконец, Мартин Шоу использует термин «вырожденная война» (degenerate warfare), тогда как Джон Мюллер говорит об «обломках» войны⁶. С точки зрения Шоу, тотальные войны XX века неразрывно связаны с характеризующим их геноцидом, и сам термин «вырожденная война» обращает внимание на разложение базовых общенациональных структур — вооруженных сил в особенности. Мюллер полагает, что война вообще (то, что я называю «старыми войнами») пошла на убыль, оставляя вместо себя простой бандитизм, зачастую скрывающийся под маской политического конфликта.

Критики идеи «новой войны» дали понять, что многие черты новых войн встречаются и в войнах более ранних времен и что доминирующая роль холодной войны затмила значимость «малых войн» или конфликтов «низкой интенсивно-

5. *Hoffman Frank*. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Potomac Institute for Policy Studies, 2011.

6. *Mueller John*. The Remnants of War.

сти»⁷. В этом утверждении есть доля истины. В различении новых и старых войн главным было изменить устоявшиеся представления о войне, особенно среди лиц, принимающих политические решения. В частности, я хотела особо выделить нарастающую нелегитимность таких войн и необходимость дать на это политический ответ в духе космополитизма — ответ, который в центр любого международного вмешательства (политического, военного, гражданского или экономического) ставит права отдельного человека и принцип верховенства права. Как бы то ни было, мне кажется, что идея «новой войны» отображает новую действительность — действительность, которая стала возникать перед концом холодной войны. Для описания разнообразных изменений, характеризующих современный период и оказавших влияние на характер войны, хорошо подходит обобщающее понятие глобализации⁸.

Среди американских авторов, пишущих по вопросам военной стратегии, не прекращаются споры о так называемой революции в военном деле или трансформации оборонной политики⁹. Основ-

7. См., например, различные главы (включая мою собственную «Elaborating the „new war“ thesis») в: *Angstrom Jan, Duyvesteyn Isabelle. Rethinking the Nature of War. London and New York: Frank Cass, 2005*; см. также: *Henderson Errol A., Singer David. «New wars» and rumours of «new wars» // International Interactions. 2002. Vol. 7. No. 2; Kalyvas Stathis N. «New» and «old» civil wars: a valid distinction? // World Politics. 2001 (October). Vol. 54.*

8. *Shaw Martin. War and globality: the role and character of war in the global transition // Ho-Won Jeong (ed.). Peace and Conflict: A New Agenda. Aldershot: Ashgate, 2000.*

9. См.: *Jablonsky David. The Owl of Minerva Flies at Night: Doctrinal Change and Continuity and the Revolution in Military Affairs // US Army War College, Carlisle Barracks, PA, 1994; Cohen Elliott. A revolution in warfare // Foreign Affairs (March/*

ная идея заключается в том, что наступление эпохи информационных технологий имеет такое же значение, какое имело наступление эпохи танков и аэропланов (или даже переход от конной тяги к механической энергии), и влечет за собой глубокие последствия для будущих способов ведения войны. В частности, есть основания полагать, что эти изменения сделали современную войну гораздо более точной и ведущейся с гораздо большей избирательностью. Впрочем, эти новые понятия разрабатываются в рамках унаследованных от прошлого институциональных структур, связанных с войной и вооруженными силами. Войны в них представляются по традиционному образцу, согласно которому развитие новых приемов ведения войн происходит в более или менее линейном порядке из прошлого к современности. Кроме того, они предназначены для того, чтобы поддерживать тот образ военного конфликта, каким он виделся в эпоху холодной войны и где их целью было сведение к минимуму собственных потерь. Предпочтительные приемы — эффективная воздушная бомбардировка или быстрые и поражающие внезапностью сухопутные маневры, а с недавних пор — применение роботов и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), в особенности дронов. Для внешнего наблюдателя это создает видимость классической войны, оказываясь при этом довольно неуклюжим, а в некоторых случаях (если говорить о влиянии на реальную обстановку) и откровенно контрпродуктивным методом. Отсюда и известное замечание

April 1996); *Bunker Robert J.* Technology in a neo-Clausewitzian setting // Gert de Nooy (ed.). *The Clausewitzian Dictum and the Future of Western Military Strategy*. The Hague and London: Kluwer Law International, 1997.

Бодрийяра о том, что «войны в Заливе не было»¹⁰. Первоначально эти сложные, технически изощренные приемы были применены в ходе войны в Заливе 1991 года; в дальнейшем они получили развитие на последних фазах войны в Боснии и Герцеговине, в Косово и уже совсем недавно — в войнах в Ираке, Афганистане, Пакистане, Йемене и Сомали.

Я разделяю мнение о том, что в военном деле произошла революция, но это революция имела место не в области технологий, а в области социальных отношений, связанных с методами ведения войны, даже если на эти изменения в социальных отношениях и оказали влияние новые технологии. За этим эффектным фасадом кроются действительные войны — даже в случае войны в Ираке 1991 года, где погибли тысячи курдов и шиитов, — что лучше всего можно объяснить с точки зрения моей концепции новых войн. В это третье издание включена новая глава о войнах в Ираке и Афганистане, где на их примере показано столкновение между «новой войной» и тем, что я называю технологически обновленной «старой войной».

Новые войны должны быть поняты в контексте процесса, известного как глобализация. Говоря о глобализации, я имею в виду следующее: интенсивно растет и укрепляется глобальная взаимосвязанность (политическая, экономическая, военная и культурная) и вместе с тем меняется природа политической власти. Я согласна с тезисом о том, что своими корнями глобализация уходит в эпоху модерна или даже в еще более ранние времена, но тем не менее считаю, что глобализация 1980–1990-х годов была качественно новым феноменом.

10. *Baudrillard Jean*. The Gulf War. London: Power Publishers, 1995.

Его можно объяснить, по крайней мере отчасти, как следствие революции в информационных технологиях, сопровождавшейся разительным улучшением средств сообщения и обработки данных. Этот интенсивный рост взаимосвязанности является противоречивым процессом, включающим в себя одновременно интеграцию и фрагментацию, гомогенизацию и диверсификацию, глобализацию и локализацию. Зачастую утверждается, что новые войны — это следствие окончания холодной войны, что в них отражается вакуум власти, типичный для переходных периодов в международных отношениях. Несомненно, что последствия окончания холодной войны — наличие избыточных вооружений, дискредитация социалистических идеологий, дезинтеграция тоталитарных империй, отзыв сверхдержавами их поддержки клиентарным режимам — во многом способствовали появлению новых войн. Однако окончание холодной войны можно с тем же успехом рассматривать как обстоятельство, благодаря которому Восточный блок стал жертвой неизбежного наступления глобализации: это был момент крушения последних бастионов территориальной автаркии — момент, когда Восточная Европа «открылась» остальному миру.

Во многих новых войнах наблюдается влияние глобализации. Глобальное присутствие в этих войнах может быть представлено международными репортерами, отрядами наемников и военными советниками, добровольцами из диаспоры, равно как настоящей «армией» международных учреждений, начиная с неправительственных организаций (НПО), таких как Oxfam, «Спасем детей», «Врачи без границ», Human Rights Watch и Международный Красный Крест, и кончая такими международными институтами, как Управление Верховного ко-

миссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), Европейский союз (ЕС), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Африканский союз (АС) и собственно сама Организация Объединенных Наций (ООН), включая силы по поддержанию мира. Более того, эти войны являют собой новую разновидность водораздела «глобальное/локальное» между представителями глобального класса, которые говорят по-английски, имеют доступ к Интернету и спутниковому телевидению, пользуются долларами и евро либо кредитными картами и могут свободно путешествовать, и теми, кто исключен из глобальных процессов, живет за счет того, что может продать или обменять либо получить в виде гуманитарной помощи, чье передвижение ограничивают блокпосты, визы и стоимость путешествия и кто страдает от осадного положения, вынужденного перемещения, голода, мин и т. д.

В литературе о глобализации центральный вопрос касается тех следствий, которыми глобальная взаимосвязанность обернется для будущей судьбы территориального суверенитета, то есть для будущей судьбы новоевропейского государства (*modern state*)¹¹. Контекстом возникновения новых войн является эрозия автономного государства, а в некоторых крайних случаях и дезинтеграция государства. В частности, таким контекстом является эрозия монополии на легитимное организованное насилие. Эта монополия разрушается как сверху, так и снизу. Сверху ее разъедают транснационализация вооруженных сил, начавшаяся во время двух

11. См.: *Waters Malcolm*. Globalization. London: Routledge, 1995; *Held David*. Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance. Cambridge: Polity, 1995.

мировых войн и институализированная во время холодной войны в виде системы блоков, и бесчисленные транснациональные связи между вооруженными силами, сформировавшиеся в послевоенный период¹².

На данный момент способность государств в одностороннем порядке применить силу против других государств значительно ослабла. Отчасти это произошло ввиду практических причин — повышения разрушительного эффекта продуктов военной технологии и роста взаимосвязанности государств, особенно в военной сфере. В наши дни трудно представить, что государство или группа государств подвергли бы себя риску крупномасштабной войны, которая, возможно, была бы даже более разрушительной, нежели все, через что прошло человечество в ходе двух мировых войн. Кроме того, некая форма глобальной военной интеграции уже образовалась благодаря военным альянсам, международным производству и торговле оружием, различным формам военной кооперации и обмена, соглашениям по контролю за вооружениями и т. д. Ослабление способности государств применять одностороннюю силу обязано также и эволюции международных правовых норм. Принцип незаконности односторонней агрессии впервые был кодифицирован в пакте Бриана—Келлога 1928 года, после Второй мировой войны закреплен в Уставе ООН и усилен благодаря аргументации, развернутой на судебных процессах по делам о военных преступлениях в Нюрнберге и Токио.

В то же время снизу монополию на организованное насилие разъедает приватизация. Более того,

12. См.: *Kaldor Mary*. Ulrich Albrecht and Asbjorn Eide // *The International Military Order*. London: Macmillan, 1978.

есть основания полагать, что новые войны — это часть процесса, который в большей или меньшей степени является инверсией того эволюционного движения, которое осуществили новоевропейские государства. Как я утверждаю во второй главе, восход новоевропейского государства был теснейшим образом связан с войной. Для того чтобы вести войны, правителям понадобилось увеличить налогообложение и денежные займы, ликвидировать «утечки» вследствие преступлений, коррупции и неэффективности, создать регулярные вооруженные силы и полицию, упразднить частные армии, а также мобилизовать народную поддержку в целях привлечения финансовых и людских ресурсов. Поскольку война стала исключительной компетенцией государства, постольку рост разрушительного эффекта в войнах против других государств сопровождался параллельным ростом безопасности внутри стран. Именно так у слова «гражданский» появилось значение «внутренний». Это новоевропейское государство было воспроизведено также и в других местах. Новые войны случаются в ситуациях, когда из-за спада экономики, равно как по причине распространения преступности, коррупции и неэффективности, снижаются государственные доходы, когда в результате роста организованной преступности и появления военизированных формирований все больше приватизируется насилие и когда исчезает политическая легитимность. Так рушатся различия между внешним варварством и внутренними цивилизованными порядками (*civility*), между комбатантом как легитимным носителем оружия и нонкомбатантом, между солдатом или полицейским и преступником. Варварство межгосударственных войн, возможно, уже отошло в прошлое. Теперь это место занимает но-

вый тип организованного насилия, более всеохватный и более долговременный, но все же, наверное, менее экстремальный.

Чтобы проиллюстрировать главные особенности новых войн, в третьей главе я привожу пример войны в Боснии и Герцеговине, в первую очередь потому, что на момент написания книги эта война была мне знакома лучше других. Многие характеристики войны в Боснии и Герцеговине напоминают войны в других местах. Но в некотором смысле эта война исключительна: в 1990-е годы она стала центром мирового и европейского внимания. Там было сконцентрировано больше ресурсов — правительственных и неправительственных, — чем на какой-либо другой новой войне до начала нынешних войн в Ираке и Афганистане. С одной стороны, это значит, что, как разбираемый случай, она обладает атипичными чертами. С другой стороны, это также значит, что она стала образцовым случаем, из которого в начавшийся после окончания холодной войны период были извлечены разные уроки, — тем примером, которым пользуются, чтобы поставить точку в разное принципиальных позиций, и в то же время лабораторией, в которой экспериментально отработывались разные методы управления новыми войнами.

Новые войны и войны более ранних времен могут быть противопоставлены с точки зрения их целей, методов ведения и того, как они финансируются. В противоположность геополитическим или идеологическим целям прежних войн цели новых лежат в области политики идентичности (*identity politics*). В четвертой главе я формулирую положение, согласно которому идеологические и/или территориальные разногласия прежней эпохи в условиях глобализации все больше вытесня-

ются возникающим политическим расхождением между тем, что я называю космополитизмом, базирующимся на инклюзивных, универсалистских, мультикультурных ценностях, и политикой партикуляристских идентичностей¹³. Этому расхождению можно дать объяснение с точки зрения нарастающего размежевания между теми, кто участвует в глобальных процессах, и теми, кто исключен из них, однако приравнивать его к этому делению не следует. И среди членов глобального класса имеются представители транснациональных сетей, базирующихся на эксклюзивистской идентичности, в то время как на локальном уровне есть много мужественных личностей, отвергающих политику партикуляризма.

Под политической идентичности я понимаю приращение на власть на основе партикулярной идентичности — будь то национальной, клановой, религиозной или языковой. В определенном смысле все войны несут в себе столкновение идентичностей — англичане против французов, коммунисты против демократов. Однако суть моей мысли в том, что эти идентичности прежних времен связывались либо с понятием государственного интереса, либо с некоторым проектом прогрессивного толка — скажем, идеями о том, как должно быть организовано общество. Например, европейский национализм XIX века или постколониальный национализм преподносили себя в качестве освободительных проектов национального строительства.

13. Энтони Гидденс выдвигает похожий аргумент относительно нового политического расхождения космополитизма и фундаментализма. См.: *Giddens Anthony. Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics.* Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.

В новой политике идентичности речь идет о притязании на власть на основе присвоения ярлыков — в той мере, в какой имеются какие-либо планы относительно политического или социального преобразования, они, как правило, связаны с идеализированным ностальгическим представлением о прошлом. Часто можно слышать, что новая волна политики идентичности — это всего лишь рецидив прошлого, возрождение древней ненависти, которую колониализм и/или холодная война держали под контролем. Притом что нарративы политики идентичности действительно зависят от памяти и традиции, также верно и то, что в условиях несостоятельности или коррозии прочих источников политической легитимности их «переизобретают» заново. Примером может служить дискредитация социализма либо риторика национального строительства первого поколения постколониальных лидеров. Эти регрессивные политические проекты возникают в том вакууме, который создан отсутствием проектов прогрессивного толка. В отличие от политики идей, открытых всему и потому, как правило, служащих делу объединения, этот тип политики идентичности по своей сути является исключительным и потому тяготеет к фрагментарности.

У новой волны политики идентичности есть два аспекта, которые напрямую связаны с процессом глобализации. Во-первых, новая волна политики идентичности одновременно локальна и глобальна, национальна и транснациональна. Существует множество сообществ, живущих в диаспоре, чье влияние значительно усилилось благодаря легкости путешествий и совершенствованию средств общения. Оторванные от жизни на исторической родине диаспоры в развитых промышленных или богатых нефтью странах являются поставщика-

ми идей, денежных средств и практических методов, тем самым навязывая другим свои собственные фрустрации и фантазии в ситуациях, которые зачастую требуют совсем иных подходов. Во-вторых, в этой политике находят свое применение новые технологии. С использованием электронных медиа сильно возросла скорость политической мобилизации. Нельзя переоценить влияние, которое телевидение, радио или видео оказывают на аудиторию, зачастую даже не умеющую читать. Протагонисты этой новой политики часто выставляют напоказ символы глобальной массовой культуры — автомобили Mercedes, часы Rolex, солнцезащитные очки Ray-Ban, — вкупе с ярлыками, отсылающими к их собственному бренду партикуляристской культурной идентичности. В создание политических сетей огромный вклад вносит использование мобильных телефонов и/или Интернета и социальных медиа.

Второй характеристикой новых войн является изменившийся образ ведения военных действий¹⁴, то есть те средства, при помощи которых ведутся новые войны. В стратегиях ведения новых войн сказывается опыт как партизанской войны, так и операций по борьбе с повстанцами и партизанами, несмотря на то что у того и другого есть свои характерные особенности. В войне с применением обычных вооружений или регулярной войне цель состоит в захвате территории военными средствами. Решающими столкновениями такой войны являются более или менее крупные сражения (battles). Партизанская война разрабатывалась в качестве способа, позволяющего уклониться от встре-

14. О понятии образа ведения войны (the mode of warfare) см.: *Kaldor Mary. Warfare and capitalism // Thompson E. P. et al. Exterminism and Cold War. London: Verso, 1981.*

чи с массовыми скоплениями войск, характерными для войны с применением обычных вооружений. В партизанской войне захват территории происходит не при помощи продвижения войск, а посредством установления над населением политического контроля, и по мере возможности в ней избегают сражений. Новая война также, как правило, избегает сражений и контроль над территорией устанавливает через политический контроль над населением, однако из операций по борьбе с повстанцами она заимствует техники дестабилизации, призванные насаждать «страх и ненависть», тогда как партизанская война, по крайней мере в теории, изложенной Мао Цзэдуном или Че Геварой, была нацелена на завоевание «сердец и умов». Новая война стремится контролировать население, расправляясь с любым носителем иной идентичности (и более того — иных взглядов) и нагнетая атмосферу террора. Следовательно, стратегическая цель этих войн состоит в том, чтобы мобилизовать политику экстремизма, базирующуюся на страхе и ненависти. Зачастую это включает в себя изгнание населения при помощи разнообразных средств, таких как массовые убийства и насильственное переселение, не считая целого ряда политических, психологических и экономических приемов запугивания. Именно этим объясняется высокая численность беженцев и перемещенных лиц и использование насилия главным образом против гражданского населения в этих войнах. В стратегиях, реализуемых согласно новому образу ведения войны, существенный момент составляет поведение, которое было описано в законах войны в конце XIX — начале XX столетия и запрещено как нелегитимное в соответствии с классическими правилами ведения войны, как то: преступления против мирного населения, оса-

ды, уничтожение исторических памятников и т. д. Примером этой новой стратегии могут также служить террористические атаки, которым подверглось население не только в таких местах, как Израиль или Ирак, но и в таких, как Нью-Йорк, Мадрид или Лондон: здесь речь идет об использовании рассчитанного на внешний эффект, зачастую ужасающего насилия, создающего атмосферу страха и порождающего конфликты.

В противоположность вертикально организованным иерархическим боевым единицам, типичным для «старых войн», участвующие в новых войнах формирования представлены разнородным множеством групп разного типа, среди которых, например, военизированные формирования, местные полевые командиры, криминальные банды, полицейские силы, группы наемников, а также регулярные армии, включая отколовшиеся от них формирования. С организационной точки зрения эти силы крайне децентрализованы и действуют смешанным образом, используя как конфронтацию, так и — даже оставаясь противниками — кооперацию. Они используют развитые технологии, пусть даже это не то, что принято называть «высокими технологиями» (например, бомбардировщики-невидимки или крылатые ракеты). За последние пятьдесят лет был сделан существенный прорыв в области более легких видов оружия, например мин, не поддающихся обнаружению, или стрелкового оружия — легкого, точного и настолько простого в использовании, что управляться с ним могут даже дети. Для координации, посредничества и ведения переговоров эти разнородные боевые формирования также используют современные средства сообщения — сотовые телефоны или компьютерные сети.

Третий момент, в котором новые войны можно противопоставить войнам более ранних времен, — это то, что я называю новой «глобализованной» военной экономикой; этой теме я подробно касаюсь в пятой главе наряду с темой образа ведения войны (the mode of warfare). Новая глобализованная военная экономика почти диаметрально противоположна военным экономикам двух мировых войн. Последние были централизованными, подчиняющими все одному общему интересу и автаркическими. Новая военная экономика децентрализована. Степень участия в войне низка, а уровень безработицы чрезвычайно высок. Кроме того, эта экономика сильно зависит от внешних ресурсов. В этих войнах ввиду международной конкуренции, физического уничтожения или перебоев в нормальной торговле резко падает уровень внутреннего производства, то же самое происходит и с налоговыми поступлениями. В данных обстоятельствах боевые формирования сами обеспечивают себя средствами с помощью грабежа, захвата заложников, черного рынка или внешнего содействия. Последнее может иметь следующие формы: денежные переводы членов диаспоры, изъятие части гуманитарной помощи, поддержка со стороны соседних правительств, незаконная торговля оружием, наркотиками или ценным сырьем, например нефтью или алмазами, либо торговля людьми. Поддерживаться все эти источники могут лишь через непрерывное насилие, поэтому логика войны встроена в само функционирование экономики. Этот набор диких социальных отношений, лишь укрепленный войной, имеет тенденцию распространяться через границы вместе с беженцами, организованной преступностью или этническими меньшинствами. Распознать кластеры военных или близким к военным экономик возмож-

но в таких местах, как Балканы, Кавказ, Центральная Азия, Африканский Рог, Центральная Африка или Западная Африка.

Поскольку различные воюющие стороны разделяют общее стремление сеять «страх и ненависть», они действуют методами, которые взаимно усиливают друг друга, помогают друг другу создать атмосферу тревоги и подозрительности — более того, примеры взаимной кооперации в военных и экономических целях можно обнаружить и в Восточной Европе, и в Африке, равно как в Ираке и Афганистане¹⁵. Часто в качестве первых мишеней среди гражданского населения оказываются те, кто отвержен иной политикой, кто пытается поддерживать недискриминационные социальные отношения и хоть какую-то общественную нравственность. Таким образом, несмотря на то что, по-видимому, новые войны ведутся между разными языковыми, религиозными или племенными группами, их также можно описать как войны, в которых представители партикуляристской политики идентичности кооперируются друг с другом, подавляя ценности цивилизованного поведения и мультикультурализма. Иными словами, подобные войны могут быть поняты как войны между эксклюзивизмом и космополитизмом.

Следствия, вытекающие из данного анализа новых войн, имеют значение для управления конфликтами, о чем и идет речь в шестой главе. В рамках политики идентичности невозможно какое-либо долгосрочное решение. Учитывая, что новые войны — это конфликты, чреватые обширными социальными и экономическими последствиями,

15. См. напр.: *Keen David. Conflict and Collusion in Sierra Leone. Oxford: James Currey, 2005.*

навязываемые «сверху» подходы скорее всего не дадут никаких положительных результатов. В начале 1990-х годов с большим оптимизмом смотрели на перспективы гуманитарной интервенции, призванной защитить гражданское население. Концепция «Обязанность защищать» (Responsibility to Protect), разработанная в 2001 году созданной при содействии канадского правительства Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, в 2005 году была одобрена Генеральной Ассамблеи ООН и в настоящее время имеет большое значение в рамках ООН¹⁶. Тем не менее практика гуманитарной интервенции была, с одной стороны, подорвана событиями в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года и последовавшей за ними «войной против терроризма». С другой стороны, развитию «обязанности защищать» помешала, я бы сказала, своего рода близорукость относительно характера новых методов ведения войны. Не секрет, что гуманитарная интервенция часто не справляется с задачей предупреждения войн — и, откровенно говоря, может так или иначе способствовать тому, что они не прекращаются — например благодаря оказанию гуманитарной помощи (это является важным источником поступлений для воюющих партий) или в связи с легитимацией военных преступников, приглашенных за стол переговоров, или посредством настойчивого поиска политического компромисса, базирующегося на эксклюзивистских предпосылках. Основная причина этого — унаследованный от прошлого мандат, не утративший своей силы, и тенденция интерпре-

16. The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty, 2001. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>.

тировать подобные войны с точки зрения традиционного восприятия. Даже когда ясно, что цели носят гуманитарный характер (как в войнах в Косове и Ливии), средствами зачастую являются средства обновленной старой войны, которые ведут к проблематичным последствиям.

Путь к любому долгосрочному решению этой проблемы лежит через восстановление легитимности и повторное установление органами власти (будь то локальные, общенациональные или глобальные органы) контроля над организованным насилием. Это предполагает сочетание и политических (воссоздание доверия к органам власти и поддержки этих органов), и правовых процессов (повторное учреждение верховенства права, в рамках которого функционируют органы власти). На основе партикуляристской политики все это не выполнимо. Политике эксклюзивизма должен быть противопоставлен альтернативный политический проект в прогрессивном космополитическом духе, который преодолевал бы водораздел глобального/локального и восстанавливал легитимность на основе недискриминационного демократического набора ценностей. Во всех новых войнах среди местного населения есть люди, ведущие борьбу против политики эксклюзивизма: те хуту и тутси, которые называли себя хутси (Hutsis) и пытались защитить свои родные места от геноцида; не являющиеся националистами жители крупных городов Боснии и Герцеговины, в частности Сараева и Тузлы, поступки которых свидетельствовали об актуальности гражданских мультикультурных ценностей; те старейшины в северо-западном Сомалиленде, которые вели переговоры о мире; активисты гражданского общества в Ираке и в Афганистане, настаивающие на идее Афганистана и Ирака.

То, что было необходимо, так это альянс между локальными защитниками цивилизованных порядков и транснациональными институтами, которые возглавили бы стратегию, нацеленную на контроль насилия. Подобная стратегия включала бы политические, военные и экономические элементы. Она действовала бы в рамках международного права, в основе которого лежит такой корпус международного права, который заключает в себе как «законы войны», так и законы, касающиеся прав человека (что, пожалуй, можно было бы терминологически обозначить как «космополитическое право»), и делала бы особый акцент на разнообразные формы правосудия переходного периода. В данном контексте, деятельность по поддержанию мира могла бы быть концептуально переосмыслена как деятельность космополитического правоприменения. Новые войны — это в определенном смысле некая смесь войны, криминала и нарушений прав человека, поэтому агенты космополитического правоприменения должны представлять собой сочетание солдат и полицейских. Я также полагаю, что новая стратегия реконструкции, включающая в себя реконструкцию социальных, гражданских и институциональных отношений, должна занять место господствующих в настоящее время подходов структурной перестройки или гуманизма.

То, каким образом неправильные представления о природе войны обостряют «новые войны», хорошо иллюстрируется на примере войн в Ираке и Афганистане. Казалось, падение Талибана в декабре 2001 года явило новый образец того, как наносить поражение авторитарным режимам. Администрация Буша была убеждена, что этот образец можно применить в отношении Ирака — при помощи новых технологий, заменяющих живую силу, быстро

разбить Саддама Хусейна и установить новый режим по образцу послевоенных Германии и Японии. Однако в обеих странах она угодила лишь в нарастающий штопор новой войны, с вовлечением как государственных, так и негосударственных участников, с включением политики идентичности, криминализованной военной экономики и растущего числа потерь среди гражданского населения. Все это — предмет седьмой главы, написанной специально для этого нового издания.

В заключительной главе своей книги я обсуждаю следствия выдвинутого мной тезиса с точки зрения глобального порядка. Хотя новые войны и сосредоточены в Африке, Восточной Европе и Азии, они представляют собой глобальный феномен не только по причине глобальных сетей или из-за того, что о них сообщается в глобальных масштабах. Описанные мной характеристики новых войн можно обнаружить и в Северной Америке, и в Западной Европе. Ополченческие формирования правого толка в США не сильно отличаются от военизированных формирований в других местах. Более того, сообщается, что в США число сотрудников частных охранных фирм в 2 раза превосходит число полицейских. Не является специфически южным или восточным феноменом ни такая особенность, как политика идентичности, ни рост разочарования в формальной политике. В некотором смысле в качестве примера новых войн может быть описано насилие в городах Западной Европы и Северной Америки. В конце концов, террористы-смертники, ответственные за взрывы в Лондоне 7 июля 2005 года, были местными. Порой говорят, что развитый промышленный мир переживает процесс интеграции, а более бедные уголки мира — противоположный процесс — процесс фрагментации. Я полагаю,

что все стороны света характеризуются сочетанием интеграции и фрагментации, пусть даже тенденция к интеграции сильнее на Севере, а тенденция к фрагментации, возможно, сильнее на Юге и Востоке.

После событий 11 сентября 2001 года стало ясно, что невозможно дальше изолировать одни части мира от других. Если мой анализ меняющегося характера организованного насилия имеет под собой некоторые действительные основания, значит равно не выполнимы как идея того, что мы заново сможем построить какую-то разновидность биполярного или многополярного мирового порядка, основывающуюся на идентичности (христианство против ислама, например), так и та идея, что в некоторых местах, например в Африке и Восточной Европе, «анархию» можно будет обуздать. Именно поэтому космополитический проект должен быть глобальным проектом, даже если его применение — как ему и подобает — имеет локальный или региональный характер.

Эта книга изначально основывалась на непосредственном опыте новых войн, в особенности на Балканах и в Закавказье. Я много поездила в этих местах, будучи одним из председателей Хельсинской гражданской ассамблеи (ХГА), и многое из того, что известно мне сейчас, я узнала от критически мыслящих интеллектуалов и активистов, участвующих в работе местных филиалов ХГА. В частности, в Боснии и Герцеговине ХГА получила статус исполнительного органа Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), что во время войны дало мне возможность при поддержке местных активистов перемещаться по стране. Также мне весьма повезло с доступом к различным институтам, ответственным

за осуществление выработанного международным сообществом курса. Среди прочих одной из моих задач в качестве сопредседателя ХГА было представление идей и предложений местных отделений правительствам и таким международным институтам, как ЕС, НАТО, ОБСЕ и ООН. Совсем недавно я включилась в проекты, нацеленные на оказание поддержки гражданскому обществу в Ираке и Афганистане. Будучи академическим работником, благодаря чтению, обмену с работающими в смежных областях коллегами и благодаря исследовательским проектам, запущенным для Университета ООН (УООН), Европейской комиссии и Программы развития ООН (ПРООН), я смогла дополнить и соотнести это знание с контекстом¹⁷. В частности, мне сильно помогли информационные бюллетени, новостные дайджесты, просьбы о помощи и мониторинговые доклады, которые сейчас можно получать по Интернету ежедневно.

Эта книга написана не просто для того, чтобы дать некую информацию, хотя я и постаралась сделать ее информативной и подкрепить свои утверждения соответствующими примерами. Цель книги состоит в том, чтобы изложить альтернативную точку зрения — точку зрения, вытекающую из опыта

17. Помимо исследовательского проекта для УООН/МИИЭР, я и мои коллеги из Европейского института Сассекса начали в 1995 г. исследовательский проект для Европейской комиссии по реконструкции на Балканах. См.: *Bojicic Vesna, Kaldor Mary, Vojvoda Ivan*. Post-war reconstruction in the Balkans // SEI Working Paper, Brighton: Sussex European Institute, 1995. A shorter updated version is published in *European Foreign Affairs Review*. Autumn 1997. Vol. 2. No. 3. См. также доклад проекта ПРООН «Evaluation of UNDP support to conflict-affected countries». URL: <http://www.undp.org/evaluation/documents/thematic/conflict/ConflictEvaluation2006.pdf>.

ВВЕДЕНИЕ

критически мыслящих людей в реальной обстановке, одобренного моим собственным опытом участия в различных международных форумах. Это мой вклад в то концептуальное переосмысление моделей насилия и войны, за которое обязательно предстоит взяться, коль скоро трагедиям, вторгающимся в человеческую жизнь во многих частях света, должны быть положены препоны. Я не оптимистка, хотя мои практические рекомендации, возможно, кажутся утопичными. В надежде (а не в уверенности) я предлагаю их как единственную альтернативу мрачному будущему.

2. Старые войны

КАК ЛЮБИЛ подчеркивать Клаузевиц, война — это социальная деятельность¹. Она включает в себя мобилизацию и организацию мужчин (и практически никогда — женщин) в целях причинения физического насилия, предполагает определенные типы регулирования социальных отношений и обладает своей собственной особой логикой. Клаузевиц, являвшийся, должно быть, величайшим истолкователем войны нововременной эпохи, настаивал на том, что войну нельзя сводить ни к искусству, ни к науке. Порой он уподоблял войну экономической конкуренции и часто пользовался экономическими аналогиями, чтобы проиллюстрировать суть своей мысли.

У каждого общества есть его собственная характерная форма войны. То, что, как правило, воспринимается нами в качестве войны, то, что получает определение войны у формирующих политический курс политиков и военачальников, на деле представляет собой специфический феномен, чер-

1. Согласно Клаузевицу, «война относится не к области искусств и наук, а к области общественной жизни. [...] Скорее, чем с каким-либо из искусств, ее можно сравнить с торговлей, которая также является конфликтом человеческих интересов и деятельностей» (*Clausewitz Karl. On War* [first publ. 1832]. Harmondsworth: Penguin, 1968. P. 202; *Клаузевиц К. О войне*. М.: Госвоениздат, 1934. С. 78–79).

СТАРЫЕ ВОЙНЫ

ТАБЛИЦА 2.1. Эволюция старых войн

XVII–XVIII вв.	XIX в.	Первая пол. XX в.	Вторая пол. XX в.
ТИП ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА			
Абсолютистское государство	Национальное государство	Коалиции государств; многонациональные государства; империи	Блоки
цели войны			
Государственные интересы; династический конфликт; консолидация границ	Национальный конфликт	Национальный и идеологический конфликт	Идеологический конфликт
тип армии			
Наемная/профессиональная	Профессиональная/воинская повинность	Массовые армии	Военно-научная элита/профессиональные армии
военная техника			
Использование огнестрельного оружия, оборонительные маневры, осады	Железные дороги и телеграф, быстрая мобилизация	Массированная огневая мощь; танки и самолеты	Ядерное оружие
военная экономика			
Регулярное налогообложение и займы	Расширение администрации и бюрократии	Мобилизационная экономика	Военно-промышленный комплекс

ты которого сложились в Европе где-то между XV и XVIII веком (хотя с тех пор он и прошел в своем становлении несколько разных фаз). Это был

феномен, теснейшим образом сопряженный с эволюцией новоевропейского государства. Как я попыталась показать в табл. 2.1, в своем развитии он прошел через несколько фаз — от относительно ограниченных войн XVII–XVIII веков, обусловленных нарастающей мощью абсолютистского государства, через главным образом революционные войны XIX столетия, такие как Наполеоновские войны или Гражданская война в Америке (они были связаны с образованием национальных государств), до тотальных войн первой половины XX века и так называемой холодной войны второй половины XX столетия, которые были войнами альянсов, а позднее — блоков.

Каждая из этих фаз характеризовалась отличным от других образом военных действий, включавшим различающиеся типы вооруженных сил, различающиеся стратегии и приемы, отличающиеся друг от друга военные средства и отношения. Однако, несмотря на эти различия, война распознавалась как один и тот же феномен — построение централизованного, «рационализованного», иерархически упорядоченного, привязанного к одной определенной территории новоевропейского государства. Так как централизованное, территориализованное новоевропейское государство уступает дорогу новым типам политического устройства (polity), возникающим на фоне новых глобальных процессов, война, как она мыслится нами сегодня, становится анахронизмом.

Задача этой главы — дать стилизованное описание старых войн. Реальные военные действия никогда в точности не совпадали с этим стилизованным описанием. Данный тип войны был преимущественно европейским. И в Европе, и в других местах всегда были восстания, колониальные

или партизанские войны, которые иногда получали описание «нерегулярной войны», а то и вовсе не назывались войнами. Вместо этого их называли мятежами, повстанческими движениями или, в последнее время, конфликтами низкой интенсивности. Как бы то ни было, это стилизованное понятие войны по-прежнему глубоко воздействует на наше мышление о войне и даже сегодня преобладает в том, как лица, ответственные за принятие политических решений, мыслят национальную безопасность.

Война и возникновение новоевропейского государства

Клаузевиц определял войну как «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»². В то время эта дефиниция подразумевала, что «мы» и «наш противник» — это государства и «воля» одного государства может быть ясно определена. Следовательно, та разновидность войны, которую анализирует Клаузевиц (даже притом, что у него есть работы, посвященные малым войнам), по преимуществу представляла собой войну между государствами ради достижения поддающейся определению конечной политической цели, то есть государственного интереса.

Понятие войны как деятельности государства прочно установилось лишь к концу XVIII века. Единственным прецедентом такого типа войны являлся Древний Рим, хотя даже в данном случае этот прецедент односторонний: государство (то

2. Ibid. P. 101. Там же. С. 1.

есть Рим) сражалось против варваров, у которых не было отдельного понятия для государства и отдельного понятия для общества. Ван Кревельд полагает, что война между греческими полисами не считалась войной между государствами, поскольку между гражданами и государством не существовало ясного различия. Войны велись ополчениями граждан, а оценки военных действий современниками, как правило, относились к войне между «афинянами» и «спартанцами», а не между «Афинами» и «Спартой»³. В период между падением Римской империи и поздним Средневековьем войны велись множеством разнообразных участников: церковь, феодальные бароны, племена варваров, города-государства, — и у каждого из этих участников были свои собственные, характерные для него военные формирования. Способ ведения войны у варваров основывался, как правило, на воинских культах, а ключевой военной единицей был отдельный воин. Феодальные бароны опирались на рыцарей, с их кодексами чести и рыцарской доблести, за которыми стояли крепостные. Города-государства Северной Италии, как правило, опирались на ополчения граждан, во многом напоминая греческие полисы более ранней эпохи.

На ранних стадиях формирования европейского государства для ведения войн монархи собирали армию, прибегая к помощи коалиций феодальных баронов, что, в общем-то, напоминает сегодняшний день, когда Генеральному секретарю ООН приходится мобилизовывать добровольное содей-

3. *Van Creveld Martin*. The Transformation of War. New York: Free Press; Oxford: Maxwell Macmillan International, 1991; *Ван Кревельд Мартин*. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

стве отдельных государств для того, чтобы собрать силы по поддержанию мира. Постепенно они смогли укрепить территориальные границы и централизовать власть, используя для этого свои растущие экономические активы, состоящие из таможенных пошлин, различных форм налогообложения и заимствования средств у зарождающейся буржуазии, а также собрать наемные армии, давшие им определенную степень независимости от баронов. Впрочем, наемные армии оказались ненадежными, и рассчитывать на их верность было нельзя. Кроме того, после войны или на зимний период они распускались. Издержки расформирования и новой вербовки часто были недопустимо высоки, а в период бездействия наемники всегда могли найти другие, не вполне безупречные способы заработать на жизнь. Таким образом, наемные армии приблизились к рубежу, когда их должны были заменить постоянные армии, которые дали возможность монархам создать специализированные, профессиональные вооруженные силы. Введение муштры и военной подготовки (у их истоков стояли Густав Адольф Шведский и принц Вильгельм Оранский) позволяло армии быть занятой в периоды без явных военных действий. Согласно Кигану, учреждение постоянной пехоты, создание *compagnies d'ordonnance*, или полков, стало «механизмом обеспечения контроля государства над вооруженными силами». Войска размещались в гарнизонных городах, ставших «школами нации»⁴. Чтобы отличать солдат от гражданского населения, была введена униформа. По выражению Майкла Робертса, «солдат стал солдатом короля, ибо он носил мундир

4. *Keegan John*. A History of Warfare. London: Hutchinson, 1993. P. 12.

короля»⁵, — как оказалось буквально, потому что короли, как правило, все чаще носили военную униформу, желая показать себя в роли военачальников.

Новый тип военной организации должен был стать типичным для возникающих административных механизмов, обусловленных эпохой модерна. Солдат был агентом того, что Макс Вебер называл «рационально-легальной властью»:

Офицер нововременной эпохи — это тип назначенного чиновника, который явно отмечен определенными классовыми отличиями... И поэтому офицеры подобного рода радикально отличаются от выборных военачальников, от харизматических кондотьеров, от того типа офицеров, которые вербуют наемные армии и возглавляют их как некое капиталистическое предприятие, и, наконец, от носителей купленных офицерских чинов. Между этими типами возможны постепенные переходы. Пионерами современного типа бюрократии, наряду с частным капиталистическим предпринимателем, стали патримониальный «домочадец», отделенный от средств выполнения своих обязанностей, и обладатель наемной армии, употребляемой в капиталистических целях⁶.

Учреждение постоянных армий под контролем государства было неотъемлемой частью монополизации легитимного насилия, составлявшей сущностную черту новоевропейского государства. Легитимным оправданием войны стал государственный интерес,

5. *Michael Roberts. The military revolution 1560–1660 // Ralston David B. Soldiers and States: Civil-Military Relations in Modern Europe. Boston: Heath & Co., 1966. P. 18.*

6. *Weber Max. The Theory of Social and Economic Organization / trans. and ed. A. M. Henderson and Talcott Parsons. New York: Free Press, 1947. P. 326.*

заяв место концепций справедливости, *jus ad bellum*, пришедших из теологии. Настойчивое утверждение Клаузевица, что война — это рациональный инструмент преследования государственного интереса («продолжение политики другими средствами»), отражало секуляризацию легитимности, параллельно происходившую в других областях. Как только господствующим оправданием войны стал государственный интерес, негосударственные участники уже не могли претендовать на осуществление правого дела насильственными средствами.

В том же русле формировались правила в отношении законных способов ведения войны, кодифицированные позже в виде законов войны. Все типы ведения военных действий характеризуются определенными правилами. К необходимости правил взывает сам факт, что военные действия — это социально санкционированная деятельность и она должна быть организована и оправдана. Между общественно допустимым убийством и убийством, которое подвергается общественному ostracismu, проходит тонкая разделительная линия. Однако в разные периоды эта линия определяется по-разному. В Средние века источником правил ведения военных действий, *jus in bello*, являлся папский авторитет. В условиях новоевропейского государства должен был сформироваться новый набор секулярных правил. Согласно ван Кревельду,

дабы терминологически отделить войну от просто преступления, она была определена как нечто, ведущееся суверенными государствами, и только ими. Солдаты определялись как служащие, имеющие право участвовать в вооруженном насилии от имени государства. [...] Для того чтобы получить и сохранять за собой это право, солдаты должны были тщательно регистри-

роваться, носить знаки различия и контролировать — во избежание каперства. Считалось, что сражаться они могут только в военных мундирах, оружие должны носить «открыто» и обязаны выполнять приказы командира, который мог быть привлечен к ответственности за их действия. Солдаты также не должны были совершать такие «низкие» поступки, как нарушение перемирия; снова братья за оружие после ранения или взятия в плен и т. п. Предполагалось, что гражданское население не будет затронуто действиями военных, если это не будет обусловлено «военной необходимостью»⁷.

Финансирование постоянных армий требовало упорядочивания в сферах администрирования, налогообложения и привлечения займов. На протяжении всего XVIII века в большинстве европейских стран военные расходы составляли почти три четверти государственного бюджета. Для усовершенствования механизмов сбора налогов пришлось начать административную реформу: надо было ограничить (если не ликвидировать) коррупцию, чтобы предотвратить «течь» в бюджете⁸. Для организации и повышения эффективности государственных расходов пришлось учредить военные ведомства и ввести должности военных министров. Чтобы увеличить займы, необходимо было упорядочить банковскую систему и процесс создания денег, отделить королевскую казну от финансов государства и, наконец, учредить центральные банки⁹.

7. *Van Creveld Martin*. The Transformation of War. P. 41; *Ван Кревельд М.* Трансформация войны. С. 75.

8. Некоторыми из этих наблюдений я обязана Роберту Нейдлу. См.: *Neidl Robert*. Public Corruption: The Dark Side of Social Evolution. London: Anthem Press, 2002.

9. См.: *Tilly Charles*. Coercion, Capital and European States AD 990–

Подобным же образом понадобилось найти и другие средства для установления правопорядка и правосудия на территории государства как в целях обеспечения надежной базы для налогообложения и займов, так и в целях обеспечения законности. Была введена некая разновидность неявного договора, посредством которого короли предлагали защиту в обмен на денежные средства. Благодаря ликвидации и/или признанию вне закона разбойничьих шаек, каперов и грабителей с большой дороги были устранены частные формы «покровительства» (резко увеличив этим королевские возможности пополнения казны) и была заложена основа для законной экономической деятельности. Параллельно переопределению войны в качестве войны между государствами, в качестве внешнеполитической деятельности шел процесс, который Энтони Гидденс называет «внутренним умиротворением». Оно включало в себя введение денежных отношений (например, заработной платы и ренты) вместо более простого и непосредственного принуждения, постепенное упразднение насильственных форм наказания (таких, как порка и повешение) и создание гражданских органов для сбора налогов и внутригосударственного правоприменения. Особенно важным было появление различия между войсками и гражданской полицией, ответственной за внутренний правопорядок¹⁰.

Процесс монополизации насилия вовсе не был гладким, и в разных европейских государствах он

1990. Oxford: Blackwell, 1990; *Тилли Чарльз*. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009; *Mann Michael*. States, War and Capitalism. Oxford: Blackwell, 1988.

10. *Giddens Anthony*. The Nation-State and Violence. Cambridge. Polity, 1985.

протекал в разное время и по-разному. Образцом часто считается прусское государство, созданное после заключения Вестфальского мира из различных кусков территории, которой владел дом Гогенцоллернов. Это государство, всецело являвшееся искусственным образованием, благодаря решительному сочетанию военной реформы с рациональным администрированием, введенным «великим курфюрстом» Фридрихом Вильгельмом и его преемниками, в XVIII веке смогло сравняться по численности своих войск с Францией, имея лишь пятую часть ее населения. Французские же короли, напротив, сталкивались с постоянными возмущениями среди дворянства и испытывали огромные трудности с упорядочением механизмов администрирования и сбора налогов. С্কочпол полагает, что главной причиной Великой французской революции была неспособность «старого режима» развить административный и финансовый потенциал, необходимый для осуществления его военных амбиций¹¹.

Данный процесс не был ни столь рационален, ни столь функционален, как предполагает это стилизованное описание. Майкл Робертс настаивал, что к формированию постоянных армий привела военная логика. Однако сложно провести различие между военными нуждами и потребностями внутригосударственной консолидации. Кардинал Ришелье благосклонно относился к учреждению постоянной армии, поскольку смотрел на нее как на способ взять дворян под контроль. Сообразно этому Руссо полагал, что война направлена против подданных в той же мере, что и против других государств:

11. *Skocpol Theda. States and Social Revolutions. Cambridge. Cambridge University Press, 1979.*

Нетрудно понять также, что война и завоевания, с одной стороны, и усугубляющийся деспотизм, с другой, взаимно помогают друг другу; что у народа, состоящего из рабов, можно вволю брать деньги и людей, чтобы с их помощью покорять другие народы; что война дает одновременно и предлог для новых денежных поборов и другой не менее благовидный предлог для того, чтобы постоянно содержать многочисленные армии, дабы держать народ в страхе. Наконец, каждому достаточно хорошо видно, что государи-завоеватели по меньшей мере так же воюют со своими подданными, как и со своими врагами, и что положение победителей не лучше положения побежденных¹².

Хотя целью войны был объявлен рациональный государственный интерес, для того чтобы внушить верность и убедить мужчин рисковать своими жизнями, всегда были нужны причины, сильнее возбуждающие дух. Все-таки именно религиозный пыл воодушевлял армию нового образца Кромвеля, которая представляла собой наиболее ранний пример профессиональной военной силы Нового времени. Прусский успех часто приписывают силе лютеранства.

К концу XVIII века стало возможным определить ту специфическую социально организованную деятельность, которая воспринимается нами в качестве войны. Ее можно было бы взять в контексте целой серии новых различений, характерных для эволюционирующего государства. В их число входят:

12. *Rousseau Jean-Jacques*. Abstract and judgment of Saint-Pierre's project for perpetual peace' (1756). In: *Hoffman Stanley, Fidler David P.* Rousseau on International Relations. Oxford: Oxford University Press 1991. P. 90–91; *Руссо Жан-Жак*. Суждение о вечном мире // Руссо Жан-Жак. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 144.

- Различение между публичным и частным, между сферой государственной и негосударственной деятельности.
- Различение между внутривнутриполитическим и внешнеполитическим, между тем, что происходит в пределах четко определенной территории государства, и тем, что происходит за ее пределами.
- Различение между экономическим и политическим, обусловленное подъемом капитализма, отделением частной экономической деятельности от публичной государственной деятельности и устранением из экономической деятельности физического принуждения.
- Различение между гражданским и военным, между внутривнутригосударственными ненасильственными правовыми сношениями и внешнеполитической насильственной борьбой, между гражданским обществом и состоянием варварства.
- Различение между законным носителем оружия и нонкомбатантом или преступником.

Прежде всего возникло само различение между войной и миром. Вместо более или менее непрерывающейся насильственной деятельности война стала дискретным событием, отклонением в том, что представлялось поступательной эволюцией по направлению к гражданскому обществу, — не в сегодняшнем смысле активных граждан и организованных НПО, а в смысле повседневной безопасности, мира в стране, уважения закона и правосудия. Стало возможным помыслить «вечный мир». Несмотря на то что связь между консолидацией государства и войной была понятна многим великим либеральным мыслителям, они все же предвидели, что увеличение взаимобмена между государствами и рост ответственности государств перед инфор-

мированной общественностью могут предвещать появление более целостной Европы и более мирного состояния всего мира, равно как расширение гражданского общества за пределы национальных границ. В конце концов, именно Кант в 1795 году указал на то, что глобальное сообщество сжалось до того предела, когда «нарушение права в одном месте чувствуется во всех других»¹³.

Клаузевиц и войны XIX столетия

Клаузевиц начал писать свой трактат «О войне» в 1816 году, спустя год после окончания Наполеоновских войн. В этих войнах он участвовал на проигравшей стороне, побывал в плену, и пережитое им оказало на книгу глубокое влияние. Наполеоновские войны стали первым примером народной войны. В 1793 году Наполеон ввел воинскую обязанность, *levée en masse*, и в 1794 году у него был уже 1 миллион 169 тысяч человек под ружьем — крупнейшая когда-либо созданная в Европе военная сила.

Центральный тезис трактата «О войне», особенно первой главы, единственной, которую Клаузевиц считал завершенной, состоит в том, что война — это социальная деятельность, в которой примиряются разные стремления или эмоции: рассудок, случай и стратегия, а также страсть, которые можно связать соответственно с государством или политическими лидерами, армией или генералами и народны-

13. *Kant Immanuel. Perpetual peace (1795) // Kant's Political Writings*/ed. Hans Reiss. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Кант Иммануил. К вечному миру // Кант Иммануил. Сочинения. В 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 26.*

ми массами. Из этой тройственной картины войны Клаузевиц вывел свою концепцию абсолютной войны. Лучше всего интерпретировать абсолютную войну как гегельянское абстрактное или идеальное понятие, это внутреннее стремление войны, которое может быть выведено из логики трех разных стремлений. Оно имеет собственное существование, которое состоит с эмпирическими реалиями в отношении напряженности.

Эта логика получила выражение в терминах трех «взаимодействий». На политическом (или рассудочном) уровне государство, стремясь реализовать свои намерения, всегда сталкивается с сопротивлением, а следовательно, должно действовать жестче. На военном уровне цель должна состоять в разоружении противника ради реализации политического намерения, в противном случае всегда остается опасность контратаки. И наконец, сила воли зависит от чувств и настроений народных масс. Война выпускает на волю страсть и вражду, которые могут оказаться неконтролируемыми. С точки зрения Клаузевица, война — это рассудочная деятельность, даже если на службу ей призваны эмоции и настроения. В этом смысле война — это также и нововременная деятельность, основывающаяся на секулярных соображениях и не ограниченная запретами, исток которых лежит в области дорациональных представлений о мире.

Действительная война отличается от абстрактной войны по двум основным причинам — политической и военной. Во-первых, политическое намерение может оказаться ограниченным и/или народная поддержка может быть недостаточной.

Чем сильнее натянутость отношений, предшествовавших войне, тем больше война приблизит-

ся к своей абстрактной форме, тем больше вопрос сведется к тому, чтобы сокрушить врага, тем более военная и политическая цели совпадут, тем больше война представится чисто военной, менее политической. Чем слабее мотивы войны и напряжение, тем меньше естественное направление военного элемента (насилия) будет совпадать с линией, которая диктуется политикой, и, следовательно, тем значительнее война будет отклоняться от своего естественного направления¹⁴.

Во-вторых, война всегда характеризуется тем, что Клаузевиц называет «трением»: проблемы материально-технического обеспечения, плохая осведомленность, неустойчивая погода, недисциплинированность, труднопроходимая местность, не соответствующая требованиям организация и т. д. — все это замедляет войну и делает ее в действительности иной, нежели она спланирована на бумаге. Война, говорит Клаузевиц, это «противодействующая среда», в которой свою роль играет и неопределенность, и косность мышления, и непредвиденные обстоятельства. Действительная война — это результат напряженности, существующей между внутренним стремлением к абсолютной войне и сдерживающими факторами политического и практического свойства.

По мере того как вооруженные силы увеличивались в масштабе, осуществлять организацию и командование в единоличном порядке становилось все труднее. Отсюда — растущая потребность в стратегической теории, которая могла бы заложить основу общего военного дискурса, посредством которого можно было бы привести в войну элемент организации.

14. Clausewitz K. On War. P. 119–120; Клаузевиц К. О войне. С. 16.

По выражению Симпкина, существовала потребность в жаргоне, способном определить направление общих военных доктрин и тех мер, которые позднее стали называться типовым порядком действий»¹⁵.

Клаузевиц заложил ту основу, на которой в течение XIX–XX веков было возведено здание стратегического мышления. В трактате «О войне» первоначальное развитие получили две главные теории ведения войны — теория войны на истощение и теория маневренной войны, — наряду с обсуждением вопросов наступления и обороны и сосредоточения и рассредоточения. Теория войны на истощение подразумевает, что победа достигается изматыванием врага, навязыванием врагу условий, при которых он имеет более высокий процент потерь или «степень истощения личного состава». Обычно она сопряжена с оборонной стратегией и большими скоплениями сил. Теория маневренной войны опирается на факторы внезапности и упреждения. В данном случае для создания неопределенности и обеспечения скорости важное значение имеют мобильность и рассредоточение. Как указывал Клаузевиц, обе эти теории необходимым образом комплементарны. Добиться решающей победы посредством истощения очень сложно. В то же время для успешности стратегии, в основе которой лежит маневр, крайне необходимо превосходство в силе.

Самый примечательный вывод трактата «О войне» состоит в констатации важности двух моментов: подавляющей силы (*overwhelming force*) и готовности применить силу — сочетания физических и моральных факторов. В начале XIX века, когда писал Клаузевиц, эта, казалось бы, простая мысль

15. См.: *Simpkin Richard. Race to the Swift: Thoughts on Twenty-First Century Warfare. London: Brasseys, 1985.*

не была очевидна. Войны в XVIII веке велись в общем и целом с разумной осторожностью, чтобы избежать профессиональные военные кадры. Существовала тенденция избегать сражения. Предпочтение отдавалось не наступательным прорывам, а оборонительным осадам. На зимний период кампании приостанавливались, и нередко были стратегические отступления, — Клаузевиц отзывался об этих войнах как о «половинчатых». С точки зрения Клаузевица, «единственное действие на войне» — это сражение; это тот решающий момент, который он сравнивал с расплатой наличными в торговых рядах. Мобилизация и применение сил — наиболее важные факторы, определяющие исход войны.

Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия, и нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами¹⁶.

Наполеоновской модели, при которой мобилизации подлежали все граждане, суждено было повториться только с началом Первой мировой войны. Впрочем, благодаря нескольким событиям в течение XIX века, клаузевицевская версия нововременной войны стала ближе к действительности. Одним из этих событий был заметный прогресс промышленных технологий, которые стали применять-

16. Clausewitz K. On War. P. 102; Клаузевиц К. О войне. С. 2.

ся в военной сфере. Особенно важным было развитие железных дорог и телеграфа, благодаря чему мобилизация армий могла происходить в гораздо больших масштабах и темпах; с большим успехом эти приемы использовались на Франко-прусской войне, финалом которой стало объединение Германии в 1871 году. Массовый выпуск огнестрельного, особенно стрелкового, оружия был впервые начат в США, поэтому Гражданскую войну в Америке часто называют первой индустриализированной войной. Развитие военных технологий стало одной из причин распространения активности государства на промышленную сферу. Гонка военно-морских вооружений как в Германии, так и в Великобритании конца XIX века являлась признаком возникновения того феномена, который в дальнейшем был описан как военно-промышленный комплекс.

Вторым событием был рост важности альянсов. Коль скоро на войне значение имела подавляющая сила, значит прирост силы можно было обеспечить при помощи альянсов. В конце XIX века альянсы начали приобретать четкую конфигурацию, это было важной причиной того, почему все крупные державы оказались втянуты в Первую мировую войну.

Третьим весомым событием стала кодификация законов войны, начало которой было положено в середине XIX века Парижской декларацией (1856 год), регулировавшей морскую торговлю в военное время. Во время Гражданской войны в США к делу привлекли известного немецкого юриста, составившего так называемый Кодекс Либера, в котором были изложены правила и базовые принципы сухопутной войны, а повстанцы приравнивались по своему статусу к международному противнику. Женевская конвенция 1864 года (вдохновленная Анри Дюнаном, основателем Международного Красного Кре-

ста), Петербургская декларация 1868 года, Гаагские конференции 1899 и 1907 годов и Лондонская конференция 1908 года — все они внесли свой вклад в расширение корпуса международного права, касающегося ведения войны. Было не только сформулировано представление о «военной необходимости» и определены виды оружия и тактические приемы, не соотносящиеся с этим представлением, но и освещены вопросы обращения с пленными, больными и ранеными и нонкомбатантами. Хотя эти правила не всегда соблюдались, тем не менее они внесли существенный вклад в оформление того, что собой представляют законные военные действия, и обрисовали те пределы, внутри которых могла применяться неограниченная сила (*unsparring force*). В некотором смысле они были попыткой консервации понятия войны как рационального инструмента государственной политики в условиях, когда сама логика войны и стремление войны к крайностям вкупе с растущим технологическим потенциалом приводили к постоянному увеличению разрушительного эффекта¹⁷.

17. Петербургская декларация 1868 г., наложившая ограничение на вооружение, причиняющее ненужные страдания, звучит следующим образом.

- Принять во внимание, что успехи цивилизации должны иметь последствием уменьшение по возможности бедствий войны;
- что единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил неприятеля;
- что для достижения этой цели достаточно выводить из строя наибольшее по возможности число людей;
- что употребление такого оружия, которое по нанесении противнику раны без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает смерть их неизбежною, должно признавать не соответствующим упомянутой цели;

Подводя итог, можно сказать, что нововременная война, как она сложилась в XIX веке, подразумевала войну между государствами, с постоянно растущей ролью масштабов и мобильности и обострением необходимости в «рациональной» организации и «научной» доктрине, благодаря которым можно было бы управлять этими крупными скоплениями сил.

Тотальные войны XX столетия

В работе Клаузевица всегда чувствовалась напряженность между его настойчивым утверждением рассудка и тем акцентом, который он делал на воле и эмоциях. Центральные персонажи трактата «О войне» — гении и герои войны; ткань книги пронизана такими чувствами, как патриотизм, честь и храбрость. Не менее значимы, однако, и его рассуждения об инструментальном характере войны, о важности оценки масштабов и необходимости аналитической концептуализации войны. В действительности напряжение между рассудком и эмоциями, искусством и наукой, войной на истощение и маневренной войной, обороной и наступлением, инструментализмом и стремлением к крайностям образует ключевой элемент мысли в традиции

-
- что употребление подобного оружия было бы противно законам человеколюбия (цит. по: *Howard Michael. Constraints on warfare* // Michael Howard, George J. Andreopoulos and Mark R. Shulman (eds). *Constraints on Warfare in the Western World: The Laws of War*. New Haven, CT, and London: Yale University Press, 1994. Рус. текст см.: Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль от 29 ноября (11 декабря) 1868 г. // Действующее международное право. В 3 т. Т. 2. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1997. С. 573).

Клаузевица. В XX веке это напряжение, можно сказать, достигло предела прочности.

Во-первых, войны первой половины XX века — это тотальные войны, включавшие широчайшую мобилизацию сил всей нации как для того, чтобы сражаться, так и для того, чтобы оказывать поддержку сражающимся, производя оружие и предметы первой необходимости. Клаузевиц едва ли мог представить себе это грандиозное сочетание массового производства, массовой политики и массовых коммуникаций, подчиненных цели массового уничтожения. Как бы то ни было, в XX веке война невероятно приблизилась к клаузевицевскому понятию абсолютной войны: кульминацией этого стало изобретение ядерного оружия, которое (теоретически) могло безо всякого «трения» привести к тотальному уничтожению. Но в то же время в тотальных войнах XX века проступили некоторые характерные черты новых войн. В тотальной войне публичная сфера стремится охватить собой все общество в целом, таким образом упраздняя само различие между публичным и частным. Соответственно, начинает стираться и различие между военными и гражданскими, между комбатантами и некомбатантами. Во время Первой мировой войны экономические объекты рассматривались в качестве законных военных целей. В результате истребления евреев в ходе Второй мировой войны в юридический язык вошел термин «геноцид»¹⁸. Неизбирательные бомбежки, ко-

18. Как указывает Адам Робертс, это преступление против человечности, получившее данное обозначение после войны, формально не считалось нарушением законов войны XIX в., так как оно происходило на оккупированной территории. См.: *Roberts Adam. Land warfare: from Hague to Nuremberg* // Michael Howard, George J. Andreopoulos and Mark R. Shulman (eds). *Constraints on Warfare in the West-*

торым союзники подвергали гражданское население, оправдывались «военной необходимостью». Эти действия, приведшие к опустошениям, масштаб которых был соразмерен масштабу геноцида (пусть даже он и не был равен масштабу истребления, осуществленного нацистами), объяснялись тем, что таким образом можно будет сломить боевой дух врага.

Во-вторых, по мере того как война вовлекала все большее количество людей, все более тщетным становилось оправдание войны ссылками на государственственный интерес (если только у этого оправдания вообще когда-нибудь была убедительная сила). По словам ван Кревельда, война — это доказательство неэгоистичности людей. Индивидуалистический утилитарный расчет не может служить оправданием того, почему люди подвергают себя смертельной опасности. Неадекватность (по самой его природе) экономических стимулов в качестве мотива для начала военных действий — главная причина пресловутой неудовлетворительности наемных армий. То же верно и для «государственного интереса» — понятия, происходящего из той же школы позитивистского мышления, из которой вышла новоевропейская экономика. Мужчины идут на войну из-за множества личных причин (приключение, честь, страх, товарищеский дух, защита «дома и очага»), однако для социально организованного легитимного насилия нужна некая общая цель, в которую поверит отдельный солдат и которая будет объединять его с остальными. Коль скоро к солдатам надо относиться как к героям, а не как к преступникам, чтобы мобилизовать их энергию, убедить их убивать и рисковать жизнью, необходимо героическое оправдание.

ern World: The Laws of War. New Haven, CT, and London: Yale University Press, 1994.

Во время Первой мировой войны патриотизм казался достаточно мощной силой, чтобы требовать самопожертвования, и миллионы молодых мужчин записывались в добровольцы, чтобы сражаться во имя Короля и Страны. Ужасный опыт этой войны привел к разочарованию и отчаянию и вызвал влечение к более мощным абстрактным целям — тому, что Геллнер именуется «светскими религиями»¹⁹. Вторая мировая война для государств-союзников буквально была войной против зла. Все страны были мобилизованы, и они увидели войну в таком виде, в каком она была незнакома их предшественникам в Первую мировую войну. Это была борьба с нацизмом и защита своего собственного образа жизни. Они воевали против фашизма во имя демократии и/или социализма. Во время холодной войны те же самые идеологемы призваны были оправдать непрекращающуюся гонку вооружений. Для оправдания угрозы массового уничтожения холодная война преподносилась как борьба добра со злом в духе пережитого опыта военного времени. Однако холодная война была лишь воображаемой войной; настоящие войны, такие, например, как война американцев во Вьетнаме или СССР в Афганистане, поставили под сомнение убежденность в важности этой борьбы.

В действительности идея о незаконности войны начала получать признание уже после травматического опыта Первой мировой войны. Пакт Бриана–Келлога 1928 года отказался признать войну «инструментом политики», за исключением целей самообо-

19. См.: *Gellner Ernest. The Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals.* London: Hamish Hamilton, 1994; *Геллнер Эрнест. Условия свободы.* М.: Московская школа политических исследований, 2004.

роны. Этот запрет был закреплен Нюрнбергским и Токийским процессами, на которых за «планирование агрессивной войны» преследовались германские и японские лидеры, и кодифицирован в Уставе ООН. В настоящее время получило широкое признание положение, согласно которому применение силы может быть оправдано только в случае самообороны либо только в случае, когда оно санкционировано международным сообществом (в частности Советом Безопасности ООН). Даже при Джордже Буше-младшем американская администрация ощущала необходимость оправдывать войну в Ираке, ссылаясь на новую доктрину «упреждающей самообороны» (*preemptive self-defence*), и по крайней мере поддерживать видимость «добровольной коалиции».

В-третьих, методы и приемы войны эпохи модерна достигли такой стадии развития, когда их полезный эффект резко идет на убыль. В Первую мировую войну более или менее бесполезными оказались большие линкоры конца XIX века. Значение имела огневая мощь массового производства. Первая мировая война была оборонительной войной на истощение, в которой пулеметный огонь косил шеренги молодых мужчин под водительством генералов, стратегической мыслью XIX века приученных применять силу, не считаясь с жертвами. Введение к концу войны танков и самолетов позволило совершить наступательный прорыв, сделавший возможным тот тип маневренной войны, которым характеризовалась впоследствии Вторая мировая война. Благодаря революции в электронике (по крайней мере отчасти) увеличение в послевоенный период поражающей способности и точности всех видов боеприпасов сильно повысило уязвимость всех систем вооружений. Оружейные платформы Второй мировой войны стали необы-

чайно сложны и дорогостоящи, а соответственно, — из-за стоимости и издержек технического обслуживания вкупе с постоянно уменьшающимся числом улучшений тактико-технических характеристик — снижался их полезный эффект²⁰. В послевоенный период умножились проблемы, связанные с мобилизацией и неготовностью оперативно реагировать на изменения обстановки (*inflexibility*), увеличились риски естественной убыли личного состава, делая проведение крупной операции против симметричного противника почти невыполнимой задачей.

Конечным пунктом в логике технологического развития нововременной войны является, без сомнения, оружие массового поражения, а именно ядерное оружие. Ядерная война была бы войной, в которой за считанные минуты применяется предельная сила. Но какая рациональная цель могла бы в принципе оправдать использование ядерных сил? В послевоенный период с этой проблемой столкнулись многие стратегические аналитики. Не аннулирует ли ядерное оружие саму предпосылку нововременной войны — государственный интерес²¹?

И последнее, в послевоенный период жестко обозначились альянсы, поэтому различие между внутривосточным и внешнеполитическим также оказалось подорвано. Уже во время Второй мировой войны стало очевидным, что отдельные национальные государства не могут вести войны в одностороннем порядке. Этим уроком воспользовались при построении послевоенных альянсов — НАТО и Варшавского договора. Комплексные системы командо-

20. Это исследуется в моей книге: *Kaldor Mary. The Baroque Arsenal*. London: Andre Deutsch, 1982.

21. См., напр.: *Freedman Lawrence. The Evolution of Nuclear Strategy*. London: Macmillan, 1981.

вания и управления породили военное разделение труда, при котором самостоятельным потенциалом для ведения полномасштабных войн обладали лишь сверхдержавы. В сущности, европейские страны в послевоенный период лишились одного из фундаментальных атрибутов суверенитета, а именно монополии на легитимное организованное насилие, и то, что фактически было транснациональным гражданским обществом (по крайней мере в Западной Европе), распространилось на группу наций. Широко обсуждается распространенное в социальных науках представление, согласно которому демократии не воюют друг с другом²². Одно из объяснений этого (что любопытно, редко обсуждаемое в литературе) — интеграция вооруженных сил на транснациональной основе, на практике служащая сдерживающим фактором войны. Нечто подобное отмечает Клаус Оффе в отношении революций 1989 года в Восточной Европе. Он полагает, что их мирный характер был обусловлен интеграцией вооруженных сил в рамках Варшавского договора (и этим же, кстати, объясняется румынское исключение)²³.

Вне европейских альянсов военные связи налаживались посредством создания более произвольных по своему составу альянсов, торговли оружием, предоставления военной поддержки и обучения,

22. Данный вопрос оживленно обсуждается на страницах американского журнала *International Security*. Ключевые исследования включают работы: *Doyle Michael*. Liberalism and world politics // *American Political Science Review*. 1986. Vol. 80. No. 4 (December); *Russett Bruce*. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

23. *Offe Claus*. Western nationalism, Eastern nationalism, and the problems of post-communist transition // *Europe and the Balkans International Network*. Bologna, 1996.

чем формировался некий комплекс патрон-клиентских отношений, которые тоже подавляли способность вести войну в одностороннем порядке. После 1945 года межгосударственных войн было очень мало, и, как правило, эти войны (Индия и Пакистан, Греция и Турция, Израиль и арабские государства) обуздывались вмешательством сверхдержав. Исключением, подтверждающим правило, была ирано-иракская война. Она продолжалась восемь лет и благодаря нефтяным поступлениям могла вестись в одностороннем порядке. Обе стороны узнали, что такое лишения нововременной войны с применением обычных вооружений. Еще раз процитирую ван Кревельда:

Потеряв миллион (или около того) человек, воюющие стороны опять оказались в исходном положении. Иранцам преподали тот урок, что их фанатичные молодые войска, столкнувшись с массивной огневой мощью, поддержанной химическим оружием, не смогут достичь какого-либо прорыва, не считая прорыва на небеса. Иракцы узнали, что при помощи одного только превосходства в обычных вооружениях нельзя нанести ощутимое поражение крупной стране с населением, которое почти в 3 раза превышает их собственное²⁴.

Размывание различий между публичным и частным, военным и гражданским, внутривнутриполитическим и внешнеполитическим ставит под сомнение и само различие войны и мира. Вторая мировая война была тотальной войной, представлявшей из себя сплав войны, государства и общества — сплав, все еще характеризующий тоталитарные общества. Холодная война поддерживала атмосферу своеобразного

24. *Van Crevelde Martin. The Transformation of War. P. 16.*

перманентного военного психоза, в основе которого лежала теория устрашения, лучше всего переданная лозунгом «Война — это мир» из романа «1984» Оруэлла. Холодная война не давала идее войны умереть, избегая в то же время ее действительного осуществления. Предполагалось, что мир обеспечивался содержанием больших постоянных армий, объединенных в военные альянсы, непрерывной гонкой вооружений и такими объемами военных расходов, которых донныне не знало мирное время, ведь на европейской почве не вспыхивали войны того стилизованного типа, который был описан в настоящей главе. В то же время по всему миру, включая Европу, шло множество войн, в которых людей погибло больше, чем во Вторую мировую войну. Однако из-за несоответствия этих войн нашим представлениям о войне в расчет они не принимались.

Нерегулярные, неформальные войны второй половины XX века (начиная с движений сопротивления военного времени и партизанской войны Мао Цзэдуна и его преемников) — это «первые ласточки» новых форм ведения войны. После того как нововременной образ ведения войны дал трещину, из разломов возникли те участники, приемы и контрприемы, которым было суждено заложить основу новых способов социальной организации насилия. Во время холодной войны они оставались в тени господствующего конфликта Востока и Запада и считались некоей периферией центрального конфликта. Лишь перед концом холодной войны, когда угроза очередной «нововременной войны» действительно начала отступать, мы стали приходить к осознанию того, что Люттвак называет «новой воинственностью» (*the new bellicosity*)²⁵.

25. *Luttwak Edward N.* Towards post-heroic warfare // *Foreign Affairs*. 1995. Vol. 74. No. 3.

3. Босния и Герцеговина: разбор примера новой войны

В ОЙНА в Боснии и Герцеговине продлилась с 6 апреля 1992 года по 12 октября 1995 года, когда в действие вступило соглашение о прекращении огня, заключенное при посредничестве заместителя американского госсекретаря Ричарда Холбрука. С родных мест было перемещено почти две трети всего населения, погибло от 100 тысяч до 260 тысяч человек. В массовом масштабе имели место нарушения прав человека, включая принудительные задержания, пытки, изнасилования и оскпления. Были уничтожены многие бесценные исторические памятники.

Война в Боснии и Герцеговине стала архетипическим примером, прообразом нового типа военных действий, возникшего после холодной войны. Как бесстрастно заметил Бутрос Бутрос-Гали жителям Сараева, посетив город 31 декабря 1992 года, во всем мире в это же время шло много других войн. Более того, если человеческая трагедия поддается количественной оценке, то можно утверждать (как это и сделал Бутрос-Гали), что в других местах происходили более ужасные вещи¹. Однако

1. Он сказал: «Я понимаю ваше огорчение, но в мире есть десяток мест, где ситуация еще хуже, чем у вас... Могу дать вам список». Цит. по: *Rieff David. Slaughter House: Bosnia and the Failure of the West. New York: Vintage, 1995. P. 24.*

на глобальное сознание война в Боснии и Герцеговине повлияла больше, чем какая-либо другая война последнего десятилетия XX века.

Эта война не только привлекла пристальное внимание мировых СМИ, но и мобилизовала огромные международные усилия, включая политические переговоры на высшем уровне с участием всех основных правительств и гуманитарные усилия международных институтов и НПО. В отличие от личных карьер, которые то создавались, то рушились, мировое положение после холодной войны выглядело, по крайней мере в каких-то аспектах, однозначно: удручающая неспособность ЕС выработать адекватный внешнеполитический курс, неловкие попытки ООН повлиять на ситуацию, возвращение США на отыгранные позиции, переопределение роли России, даже зарождение широко распространенной убежденности, что мусульмане — это мировые жертвы. И начальное широкомасштабное развертывание войск НАТО и стран «Партнерства ради мира», и последовавшая военная миссия ЕС обернулись далеко идущими последствиями, повлиявшими на роль НАТО, институциональные основы европейской безопасности и то, как мы представляем себе деятельность по поддержанию мира.

По этим причинам война в Боснии и Герцеговине могла бы считаться одним из тех определяющих событий, благодаря которым ставятся под вопрос и перекраиваются укоренившиеся политические предпосылки, стратегическое мышление и международные договоренности. Несмотря на то что первым после окончания холодной войны международным кризисом стала война в Заливе 1991 года, боснийский кризис длился дольше и оказался более репрезентативным для войн 1990-х годов. Когда эта война началась, у ключевых игроков, представ-

ляющих так называемое международное сообщество, уже не было времени, чтобы откорректировать унаследованные ими установки мышления как в отношении проявившегося характера войны, так и относительно их восприятия Югославии. Международная реакция была в лучшем случае путаной, а порой и глупой; в худшем же — на ней лежала вина за то, что произошло. Однако во время войны некоторые установки изменились, особенно среди тех, кто участвовал в операциях на местах. Нескольким дальновидным людям как в самой Боснии, так и внутри международных институтов удалось, возможно и незначительными средствами, оказать стимулирующее влияние на появление нового образа мышления. В частности, опыт войны в Боснии и Герцеговине помогает найти объяснение некоторым глубоким различиям между США и Европой по вопросам безопасности.

В данной главе разбираются истоки ущербности унаследованных из прошлого способов восприятия войны и разъясняется необходимость нового типа анализа как политических и военных предпосылок того, почему и как ведутся войны в наступившем столетии, так и последствий с точки зрения международного участия.

Почему велась эта война: политические цели

Босния и Герцеговина была самой этнически неоднородной республикой бывшей Югославии. Согласно переписи 1991 года, ее население состояло из мусульман (43,7%), сербов (31,4%) и хорватов (17,3%), с остатком, который составляли югославы, евреи, цыгане и люди, описавшие себя несколько

замысловатым образом, например «жирафы» или «абажуры». Фактически около четверти всего населения состояло в смешанных браках, а в городских районах процветала секулярная плюралистическая культура. Главным различием между этническими группами была религия: сербы были православными, а хорваты — католиками. На первых демократических выборах в ноябре 1990 года партии, претендовавшие представлять интересы тех или иных этнических групп, получили свыше 70% голосов и стали контролировать Национальное собрание (Народную Скупщину). Это были Партия демократического действия (ПДД), являвшаяся партией исламских националистов, Сербская демократическая партия (СДП) и Хорватский демократический союз (ХДС). И хотя в ходе избирательной кампании они обещали, что их цель — сделать так, чтобы всем трем сообществам жилось мирно друг с другом, именно эти три группы и стали сторонами конфликта.

Политической целью боснийских сербов и боснийских хорватов, спонсируемых соответственно Сербией и Хорватией, были «этнические чистки». Экспертная комиссия ООН определяет этот феномен как «использование силы или угроз для изгнания лиц, входящих в те или иные группы, из какого-либо района, с тем чтобы сделать его этнически однородным»². Они хотели создать этнически однородные территории, которые в конечном счете вошли бы в состав Сербии и Хорватии, и разделить

2. Заключительный доклад Комиссии экспертов, созданной во исполнение резолюции 780 (1992) Совета Безопасности, от 27 мая 1994 года (S/1994/674), § 129. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N94/200/62/PDF/N9420062.pdf>.

этнически неоднородную Боснию и Герцеговину на сербскую и хорватскую части. Для оправдания этих целей они использовали язык самоопределения, который был взят из прежней коммунистической риторики, касавшейся национально-освободительных войн в третьем мире. Цель боснийского правительства, контролируемого боснийскими мусульманами, состояла в сохранении территориальной целостности Боснии и Герцеговины, так как в Боснии и Герцеговине большинство населения составляли мусульмане, терявшие от территориального раздела больше других. Время от времени боснийское правительство было готово рассматривать идею исламского государства из оставшихся мусульман или идею этнической кантонизации.

Этнические чистки были характерной чертой восточноевропейского национализма в XX веке. Впервые этот термин был употреблен для описания изгнания греков и армян из Турции в начале 1920-х годов. Этнические чистки имеют множество различных форм, начиная с экономической и правовой дискриминации и кончая шокирующими формами насилия. После выборов 1990 года Хорватия практиковала более мягкую форму: сербы начали терять свои рабочие места, в районах с сербским большинством были заменены сербские полицейские. Та форма насильственных этнических чисток, которой было суждено стать типичной для войны в Боснии и Герцеговине, впервые была использована хорватскими сербами вместе с Югославской народной армией (ЮНА) и различными военизированными формированиями, получила систематическое употребление у боснийских сербов и их союзников в Боснии и Герцеговине и была заимствована хорватами в Боснии и Герцеговине и в Хорватии.

Как можно объяснить эту форму вирулентного этнического национализма? Господствующее восприятие этой войны выражается терминами «балканизация» или «трайбализм». Балканы, находящиеся в месте слияния цивилизаций и столетиями зажатые между изменчивыми границами Османской и Австро-Венгерской империй, надо полагать, всегда характеризовались этническими расколами и соперничеством, древней враждой, подспудно дожившей до настоящего времени. В коммунистический период эти разногласия на время были подавлены только для того, чтобы вновь заявить о себе на первых же демократических выборах. В качестве фактического подтверждения подобного взгляда широко цитируется «Письмо, датированное 1920 годом», короткий рассказ, написанный Иво Андричем между двумя мировыми войнами. В этом рассказе молодой человек решает навсегда уехать из Боснии, потому что она — «страна страха и ненависти»³.

Подобное восприятие этой войны, очевидное, например, в книге Дэвида Оуэна, пронизывало европейские политические круги и ощущалось в переговорах на высшем уровне⁴. Некоторые сторо-

-
3. Этот рассказ опубликован в сборнике Иво Андрича «Проклятый двор и другие рассказы» (The Damned Yard and Other Stories. London and Boston: Forest Books, 1992). Рассказ заканчивается тем, что молодой человек добровольцем идет на гражданскую войну в Испании, где он гибнет во время воздушного налета. «Так окончил свои дни человек, бежавший от ненависти», — пишет Андрич. Значит ли это, что ненависть повсюду? Или что, идя добровольцем в Испанию, он надеялся на преодоление ненависти?
 4. Наверное, так было потому, что это восприятие соответствовало мировоззрению самих европейских политиков. Книга Дэвида Оуэна усеяна ремарками, свидетельствующими о том, что он сам делил людей по национальному призна-

ны конфликта сами умышленно подпитывали его. Так, Караджич, лидер боснийских сербов, сравнивал сербов, хорватов и мусульман с «кошками и собаками», а Туджман, хорватский президент, неоднократно подчеркивал, что сербы и хорваты не могут жить вместе, так как хорваты — европейцы, а сербы — восточные люди, наподобие турок или албанцев⁵. (Похоже, что ему, по крайней мере временами, кажется, что с мусульманами можно сосуществовать, так как в его глазах они на самом деле хорваты, а Хорватия и Босния и Герцеговина традиционно едины. С другой стороны, сербы считают, что мусульмане подобны туркам, иными словами, подобны самим сербам, согласно хорватским представлениям! Более того, еще один аргумент, распространенный среди сербских интеллектуалов, состоял в том, что мусульмане — это на самом деле сербы, которые при османах были обращены в ислам.)

ку. Так, например, Чосич, тогдашний югославский президент, описывается как человек, являющий «ряд качеств, которые сделали и еще сделают в будущем сербов настоящим народом (substantial people)». Он пишет о том, что труднейшая задача этих переговоров состоит в том, чтобы придумать такую структуру, которая сбережет целостность Боснии и Герцеговины, но также позволит сербам «сберечь и сохранить неприкосновенной свою национальную идентичность». См.: *Owen David. A Balkan Odyssey*. London: Victor Gollancz, 1995. P. 48, 67.

5. «Хорваты принадлежат иной культуре, иной цивилизации, нежели сербы. Хорваты — часть Западной Европы, часть средиземноморской традиции. Наши писателей переводили на европейские языки задолго до времен Шекспира и Мольера. Сербь принадлежат Востоку. Они жители Востока, как турки и албанцы. Они принадлежат византийской культуре... Несмотря на языковые сходства, мы не можем жить вместе». Цит. по: *Cohen Leonard J. Broken Bonds: Yugoslavia's Disintegration and Balkan Politics in Transition*. Oxford and Boulder, CO: Westview Press, 1995. P. 211.

Этот взгляд соответствует примордиальным воззрениям национализма, согласно которым национализм внутренне присущ социальности и глубоко укоренен в человеческих обществах, происходящих из органически сложившихся «этнических общностей» (*ethnies*)⁶. Эти воззрения не объясняют ни того, почему имеют место длительные периоды сосуществования разных сообществ или народностей, ни того, почему волны национализма приходятся на какие-то конкретные моменты времени. Они не объясняют несомненное существование альтернативных представлений о боснийском и даже югославском обществе как богатой, но единой культуре, в отличие от мультикультурализма, который включает различные религиозные сообщества и языки, а также значимые элементы секулярности⁷. Несомненно, Босния и Герцеговина имеют мрачную историю, особенно в XX веке, однако такую историю имеют и другие части Европы. Тот взгляд, согласно

6. См., напр: *Smith A. D. Theories of Nationalism. London: Duckworth, 1971.*

7. По словам Сеяда Фетахаджича, члена Круга 99, объединения независимых интеллектуалов в Сараеве, «многие из нас были против такого мультикультурализма, потому что мультикультурализм усвоил тот образ, в котором его усвоил Запад, — одна культура рядом с другой культурой, а рядом еще третья культура. Но у нас в Боснии и Герцеговине была всегда одна культура. Я вырос внутри сербской, хорватской, мусульманской, еврейской, чешской, европейской и американской культуры. Мы считаем, что существует одна культура, а не несколько, развивающихся рядом друг с другом» (*The Force of Ig reality // HCA Quarterly. Winter/Spring 1996. Vol. 15. No. 16*). Подобным образом, согласно социологическому исследованию, проведенному в 1939 г., «чувство действительного этнического и характерологического единства остается в силе при всей исторической и национально-политической дифференциации»; цит. по: *Cohen Leonard J. Broken Bonds. P. 19–20.*

которому агрессивный национализм так или иначе специфичен для Балкан, позволяет нам допустить, что остальная Европа невосприимчива к боснийскому феномену. Бывшая Югославия, вопреки тому факту, что раньше она считалась самым либеральным коммунистическим режимом и первым кандидатом на вступление в ЕС, стала темным пятном посреди Европы, окруженным другими, предположительно более «цивилизованными», обществами: Грецией — на юге, Болгарией и Румынией — на востоке, Австрией, Венгрией и Италией — на севере и западе. Но что, если нынешняя волна национализма обусловлена современными причинами? Не являются ли воззрения примордиализма своего рода близорукостью, извращением бездействия или чем-то похуже?

Существует альтернативный взгляд, полагающий, что национализм был реконструирован в политических целях. Этот взгляд лучше согласуется с «инструменталистской» концепцией национализма, согласно которой националистические движения, стремясь выстроить новые культурные формы, которые могут быть использованы для политической мобилизации, заново изобретают какие-то особые версии истории и исторической памяти⁸. В Югославии произошла дезинтеграция государства — как на федеративном, так и на республиканском (в случае Хорватии и Боснии и Герцеговины) уровне. Если определять государство в веберовском смысле как организацию, которая «претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия», то здесь возможно проследить, во-первых, коллапс легитимности и, во-вторых, коллапс монополии на насилие. Вышедший наружу виру-

8. См.: Gellner Ernest. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983.

лентный национализм действительно выстраивал себя на базе традиционных социальных разногласий и предрассудков — разногласий, которые никоим образом не покрывали все общество современной Югославии в целом. Однако его появление должно быть понято с точки зрения борьбы готовых на все (и чем дальше, тем больше) коррумпированных элит за контроль над останками государства — на фоне растущего чувства экономической неуверенности и утраты собственного достоинства, обусловленного той атмосферой незащищенности, которая сделала людей уязвимыми для идей относительно национальной идентичности. Кроме того, в посттоталитарном обществе контроль имеет гораздо больший охват, нежели в более открытых обществах, простираясь на все основные общественные институты — предприятия, школы, университеты, больницы, СМИ и т. д.

Чтобы понять, почему государство разошлось по национальному «шву», лучше всего обратиться к недавней истории Югославии, не закапываясь в докоммунистическом прошлом. Режим Тито был тоталитарным режимом — в смысле централизованного контроля над всеми аспектами общественной жизни. Он был либеральнее других режимов в Восточной Европе и допускал определенную степень экономического плюрализма: с 1960-х годов югославским гражданам разрешалось путешествовать и держать счета в иностранной валюте, деятели искусств и интеллектуалы пользовались гораздо большей свободой, чем их коллеги в других коммунистических странах. Истоки политической идентичности югославского режима, обладавшего своим собственным, «местным» изводом социализма и являвшегося лидером движения неприсоединения, лежали отчасти в партизанской борьбе вре-

мен Второй мировой войны, отчасти в его способности обеспечить приемлемый жизненный уровень для населения, а отчасти в его особенной международной роли моста между Востоком и Западом. По мере того как угасала память о Второй мировой войне и начинали исчезать экономические и социальные выгоды послевоенного периода, легитимность этого режима неизбежно должна была быть подвергнута сомнению. Падение Берлинской стены, демократические движения в прочих странах Восточной Европы и исчезновение деления на Восток и Запад нанесли финальный удар по бывшей югославской идентичности.

Хотя югославские партизаны сражались под лозунгом «Братство и единство» и их целью было создать новых социалистических югославов и югославок, как в Советском Союзе, режим все же встроил в механизмы своего функционирования сложную систему сдержек и противовесов, гарантировавшую, что никакая этническая группа не станет доминирующей. Этим он фактически институализировал этническую дифференциацию. Для того чтобы уравновесить численное превосходство сербов, было образовано шесть республик, каждая (за исключением Боснии и Герцеговины) — с определенной господствующей национальностью: Сербия, Черногория, Хорватия, Босния и Герцеговина, Словения и Македония. Помимо этого, в Сербии существовали две автономные провинции: Косово (с албанским большинством) и Воеводина (со смешанным населением из сербов, хорватов и венгров). Несмотря на это, вплоть до 1980-х годов опросы показывали рост поддержки югославизма. Эта система была дополнительно усилена конституцией 1974 года, передавшей власть республикам и автономным провинциям и установившей механизм ротации элит

на основе этнической арифметики. Хотя Союз коммунистов Югославии удерживал свою монопольную позицию, после 1974 года размежевания по национальной линии все чаще охватывали уже саму партию. В ситуации, когда не признавались иные политические проблемы, единственной формой ведения легитимных дебатов стал националистический политический дискурс. Фактически существовало десять коммунистических партий: по одной на каждую республику и автономную провинцию, одна — для федерации и одна — для ЮНА. Как указывает Иван Вейвода, конституция 1974 года усилила позиции коллективных игроков, в особенности *номенклатуры* республиканского уровня и уровня провинций, притом что отдельные граждане и дальше лишались индивидуальных прав. Это была децентрализация тоталитаризма⁹. В данном контексте явными кандидатами на заполнение вакуума, созданного утратой духа югославизма, стали национальные коммунитарные идентичности.

Югославия испытала на себе тяготы экономического перехода примерно на десять лет раньше, чем другие восточноевропейские страны¹⁰. В течение 1950–1960-х годов страна пережила быстрый экономический рост, в основе которого лежала мо-

9. См.: *Vejvoda Ivan*. Yugoslavia 1945–1991 — from decentralisation without democracy to dissolution // Dyker D. A., Vajvoda I. Yugoslavia and After: A Study in Fragmentation, Despair and Rebirth. London and New York: Longmans, 1996.

10. Более широкое обсуждение этого можно найти в книгах: *Woodward Susan*. Socialist Unemployment: The Political Economy of Yugoslavia 1945–1990. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995; *Bojicic Vesna, Kaldor Mary*. The political economy of the war in Bosnia-Herzegovina // Mary Kaldor and Basker Vashee (eds). Restructuring the Global Military Sector. Vol. 1: *New Wars*. London: Cassell/Pinter, 1997.

дель ускоренного развития тяжелой промышленности, ориентированной на оборонные нужды; эта модель была типична для экономик с централизованным планированием. В югославском случае это в какой-то мере сглаживалось моделью самоуправления, а также тем фактом, что сельское хозяйство по большей части оставалось в частных руках. В этот период Югославия получала существенные объемы иностранной помощи, так как ее рассматривали в качестве буфера против возможного советского нападения на Юго-Восточную Европу. В 1970-е годы западная помощь начала сокращаться и ее заменили коммерческие ссуды, которые после нефтяного кризиса было относительно легче получить. Как и в случае других экономик с центральным планированием, Югославия испытывала большие трудности с реструктуризацией своей экономики. Этот процесс сопровождался замедлением экономического роста в западных странах, затормозившим рост экспорта и уменьшившим поступления в виде денежных переводов от работающих за границей югославы, и ростом автономии республик и самоуправляемых провинций, не ощущавших ответственности за платежный баланс и конкурировавших друг с другом за создание денег.

К 1979 году внешний долг достиг кризисных размеров — около 20 миллиардов долларов США. В 1982 году был согласован План восстановления Международного валютного фонда (МВФ); он одновременно включал либерализацию и меры жесткой экономики. Этот план обострил конкуренцию за финансовые средства на республиканском уровне, а также внес свой вклад в рост криминализации экономики. Это стало его основным результатом. Федерация не способна была контролировать процесс создания денег, и к декабрю 1989 года уровень ежемесячной

инфляции достиг 2500%. Средний уровень безработицы на протяжении всего десятилетия составлял 14%. Особенно тяжелый удар пришелся по городскому среднему классу, в основном зависевшему от заработной платы в государственном секторе и пенсий, и промышленным рабочим с землей в деревне, которые вынуждены были выживать за счет выращенного на их небольших сельскохозяйственных наделах. Серия коррупционных скандалов в конце 1980-х годов (особенно в Боснии и Герцеговине) обнаружила растущие связи между деградирующей правящей элитой и новым классом мафиозных персонажей. Типичным в этом отношении был скандал с фирмой «Агрокоммерц», вскрывший гнусные дела Фикрета Абдича, многолетнего партийного босса в Бихаче, которому суждено было стать ключевой фигурой в будущей войне. Националистические лозунги позволили канализировать экономическое недовольство, воззвать к жертвам экономической незащищенности и скрыть крепнувший альянс номенклатуры и мафии.

К концу 1980-х годов разрушение югославской государственности уже набрало темп. Последний федеральный премьер-министр Анте Маркович попытался вновь установить контроль на федеральном уровне, введя в январе 1990 года программу «шоковой терапии». Несмотря на успех этой программы в деле сокращения инфляции, на республиканском уровне она вызвала острое неприятие, так как фактически аннулировала в республиках «право печатать деньги»¹¹. К ноябрю 1990 года Югославия как единое экономическое пространство

11. См.: *Dyker David*. The degeneration of the Yugoslav Communist Party as a managing elite — a familiar East European story? // *Dyker D. A., Vojvoda I.* Yugoslavia and After.

оказалась в затруднительном положении из-за односторонних экономических действий различных республик, и прежде всего массированного сербского заимствования средств для установления сербского правления в Косове, известного как «Великое ограбление банка», а также словенского отказа вносить средства в Фонд помощи отстающим регионам и односторонней отмены Хорватией акцизного сбора на автомобили, фактически подкупавшей избирателей посулом более дешевых иномарок.

Югославия разрушалась так же, как и единое коммуникативное пространство. К 1970-м годам у каждой республики и провинции под контролем были свои собственные телевидение и радио. На первом канале шли периодически сменявшие друг друга новостные программы, а новости из других республик и автономных провинций можно было увидеть (поочередно) на втором канале. В конце 1980-х годов этот порядок нарушился¹². Вопреки отчаянной попытке Марковича основать всеюгославское телевидение «Ютел», СМИ фактически приобрели узконациональный характер, обеспечив мощную базу для националистической пропаганды.

К 1990 году легитимность федерации была оспорена и на законодательном, и на судебном уровнях. Первые демократические выборы были проведены в республиках, а не на федеральном уровне. Когда федеральный конституционный суд оспорил решения, принятые только что избранными парламентами республик (например, словенское решение не вносить средства в Фонд помощи отстающим регионам или словенские и хорватские декларации независимости), данные судебные решения были

12. См.: *Thompson Mark. Forging War: The Media in Serbia, Croatia, and Bosnia-Herzegovina.* London: Article XIX, 1994.

проигнорированы. Подобное же неуважение конституционных решений, принятых на республиканском уровне, было продемонстрировано теми сербами в Хорватии, которые хотели провозгласить «сербскую автономную область».

И наконец, в 1991 году, когда рухнула монополия на организованное насилие, был устранен последний рудимент югославской государственности. Оплотом югославизма была ЮНА¹³. Уже к 1970-м годам в республиках были основаны части территориальной обороны (ТО), ставшие результатом новой системы «тотальной народной обороны», введенной после советского вторжения в Чехословакию в 1968 году. К 1991 году ЮНА все чаще использовалась как орудие президента Сербии Слободана Милошевича, тогда как словенцы и хорваты, используя растущий черный рынок избыточного оружия, появлявшегося тогда в Восточной Европе, тайно организовывали и вооружали их собственные независимые силы на основе частей ТО и полиции. Сербывали свои собственные военизированные формирования. В частности, они инициировали свой план «РАМ» («Рамка»), чтобы тайно вооружить и организовать сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине. ЮНА потерпела полный провал в своей попытке разоружить военизированные формирования (хорваты и словенцы претендовали на то, чтобы их силы считались не просто какими-то военизированными формированиями, а легальными силами обороны) и в конце концов примкнула к сербским военизированным формированиям в Хорватии и Боснии¹⁴.

13. См.: *Gow James*. Legitimacy and the Military: The Yugoslav Crisis. London: Pinter, 1992.

14. См.: *Vasic Milos*. The Yugoslav Army and the post-Yugoslav armies // Dyker D. A., Vajvoda I. Yugoslavia and After.

Появление новой формы национализма происходило параллельно с дезинтеграцией Югославии. Новым национализм был в том смысле, что он был обусловлен дезинтеграцией государства (в противоположность «новоевропейскому» национализму прежних времен, целью которого было строительство государства) и что, в отличие от прежнего национализма, ему недоставало прогрессистской идеологии (a modernizing ideology). Он был нов и с точки зрения техник мобилизации и форм организации масс. Милошевич был первым, кто широко использовал электронные медиа для пропаганды националистической вестн. База для популистского политического обращения к массам поверх голов существующей коммунистической иерархии была подготовлена его «антибюрократической революцией», целью которой было демонтировать титоистскую систему сдержек и противовесов, воспринимавшуюся в качестве дискриминирующей сербов. При помощи массовых митингов он легитимировал свое пребывание у власти. Виктимная ментальность, зачастую характерная для преобладающих групп населения, ощущающих себя меньшинствами, была возвращена на электронной диете из сказок о «геноциде» в Косове (сначала турками в 1389 году, потом ближе к нашему времени албанцами) и о холокосте в Хорватии и Боснии и Герцеговине, с нарезками из событий Второй мировой войны вперемешку с текущими событиями. Фактически сербская общественность пережила виртуальную войну задолго до начала реальной — виртуальную войну, мешавшую отличать истину от вымысла, так что война стала неким континуумом, где в один и тот же феномен слагались битва на Косовом поле 1389 года, Вторая мировая война и война в Боснии. Дэвид Рифф описывает обычную практику, когда солдаты из бос-

нийских сербов, целый день обстреливавшие Сараево с близлежащих холмов, звонили потом в город своим друзьям-мусульманам. Из-за психологического диссонанса, производимого этой виртуальной реальностью, такое, выходявшее за привычные рамки, противоречивое поведение обладало для солдат абсолютным смыслом. Они стреляли не по своим личным друзьям, а по туркам. «Еще до конца лета, — говорил Риффу один из солдат, — мы выгоним турецкую армию из города. Точно так же, как они выгнали нас с Косова поля в 1389 году. Там было начало господства турок на наших землях. Здесь будет его конец, после всех этих жестоких столетий... Мы, сербы, спасаем Европу, пусть даже Европа и не ценит наших усилий»¹⁵.

Если Милошевич в совершенстве овладел техникой использования СМИ, то Туджман разрабатывал горизонтальную транснациональную форму организации масс. В отличие от Милошевича, у него было диссидентское прошлое: в начале 1970-х годов он провел какое-то время в тюрьме из-за своих националистических взглядов, хотя прежде был генералом ЮНА. У его партии (ХДС) было мало времени для подготовки к первым демократическим выборам, и она не контролировала СМИ. К тому времени, однако, Туджман уже мобилизовал поддержку среди хорватской диаспоры в Северной Америке. Он заявлял, что у ХДС были отделения в 35 крупных североамериканских городах, каждое с численностью от 50 до нескольких сотен членов, а некоторые — и до 2 тысяч членов. Коммунистические власти всегда относились к диаспоре с большим подозрением; считалось, что по большей части эмигранты — это бывшие *уста-*

15. *Rieff David*. Slaughter House. P. 103.

ши (хорватские фашисты военного времени). Туджман потом признался, что его самым ответственным политическим решением было приглашение эмигрантов на конгресс ХДС в феврале 1990 года¹⁶. Эта транснациональная форма организации была весьма существенным источником денежных фондов и предвыборных техник, а впоследствии оружия и наемников. Ею индуцировалась еще одна форма виртуальной реальности, возникающая из факта пространственно-временного дистанцированности членов партии из диаспоры, которые фактически навязывали современной ситуации образ Хорватии, относящийся к временам, когда они уехали из страны.

Процесс дезинтеграции и зарождения новой формы вирулентного национализма был наиболее полно выражен в Боснии и Герцеговине, которая всегда представляла собой смешанное общество. Дифференциация сообществ по религиозному признаку (православные, католики, мусульмане и иудеи) была институализирована еще во времена османского владычества посредством системы миллетов, и этот, как его называет Ксавье Бугарель¹⁷,

16. «Приглашение эмигрантов обратно на родину для участия в большом съезде было до такой степени рискованным делом, что даже те люди, которые впоследствии оказались в моем руководящем составе, до последней минуты не были уверены, арестуют их или нет. Именно поэтому, если говорить о принятии решений, это стало поворотной точкой моей жизни... Великие дела — и в плане личного самоосуществления, и особенно в плане социальных инноваций, и даже военного дела — свершаются на тонкой грани между возможным и невозможным». Цит. по: *Silber Laura, Little Alan. The Death of Yugoslavia. London: Penguin, 1995. P. 91.*

17. *Bougarel Xavier. «Etat et communautarisme en Bosnie-Herzegovina»*, unpublished MS; English version in *Dyker D. A., Vevoda I. Yugoslavia and After.*

«институализированный коммунитаризм» в различных формах сохранялся на протяжении всего австро-венгерского правления (1878–1914 годы) и во времена Первой и Второй Югославий. Тем не менее в послевоенный период заключалось много смешанных браков, и логика коммунитаризма, преимущественно в крупных городах, была вытеснена новоевропейской светской культурой. Особенно силен югославизм был в Боснии и Герцеговине. Именно в этой республике «Ютел» было более всего популярным, и именно на этой республике остановил свой выбор Маркович, приступая к формированию своей реформаторской партии.

«Институализированный коммунитаризм» Бугарель отличает от политического и территориального национализма. Первый опирается на некий баланс между сообществами, который известен как *комшилук* (добрососедство) и которому угрожает политическая или военная мобилизация, что и происходило во время двух мировых войн. Повторное же возникновение политического национализма в конце 1980-х годов происходило, как и раньше, ввиду неких инструментальных причин. Согласно Бугарелю, это был отклик на общее недовольство на фоне неравномерного экономического развития и на углубление размежевания между экономической и научной элитой и отсталыми сельскими регионами. Это размежевание было особенно остро в Боснии и Герцеговине, и на протяжении 1980-х годов оно только усугубилось. Это был отклик также и на утрату правящей партией ее легитимности.

Проведенный в Боснии и Герцеговине за полгода до выборов 1990 года опрос показал, что 74% населения благосклонно относятся к запрету националистических партий. Однако же, когда выборы были

проведены, 70% голосовавших поддержали эти партии. Данное расхождение можно объяснить, используя аргумент Бугареля. В основном люди страшились той угрозы *комшилуку*, олицетворением которой были националистические партии. Но как только началась политическая мобилизация, они посчитали необходимым сплотиться со своим сообществом. Впрочем, при этом нужно учитывать и другие факторы. С одной стороны, традиционно считалось, что Союз коммунистов в Боснии и Герцеговине придерживается жесткой линии и будет медленно приспосабливаться к той волне демократии, под действием которой находилась вся остальная Восточная Европа, — наиболее очевидную альтернативу коммунистам представляли националистические партии. Кроме того, Союз коммунистов был дискредитирован серией коррупционных скандалов в конце 1980-х годов. С другой стороны, скорость националистической мобилизации отчасти объясняется той ролью, которую играли Хорватия и Сербия. ХДС, националистическая партия хорватов, была, вообще говоря, ответвлением партии Туджмана, а СДП, националистическая партия сербов, — ответвлением Сербской националистической партии, основанной в Краине, той части Хорватии, где преобладали сербы. Помимо этого, активную роль в мобилизации националистических настроений (вместе с религиозными институтами) играли и «Матица хорватская», хорватский культурный центр в Загребе, и Сербская академия наук, ответственная за печально известный меморандум 1986 года, впервые излагающий сербскую националистическую программу.

На выборах победили националистические партии, сформировавшие некую неустойчивую коалицию, что неудивительно, учитывая конфликтующий характер их политических устремлений.

В частности, ПДД и ХДС неоднократно имели перевес голосов над СДП в Скупщине. Ненационалистические гражданские партии завоевали 28% голосов (в основном их поддерживали городские интеллектуалы и промышленные рабочие). Решение международного сообщества признать Словению и Хорватию — и любую другую бывшую югославскую республику при условии, что в ней будет проведен референдум и признаны права меньшинств (то, чем пренебрегли в хорватском и боснийском случаях), — приблизило войну. ПДД и ХДС предпочли самостоятельность, сербы же — нет.

Бугарель приходит к заключению, что противоречащие друг другу описания Боснии и Герцеговины то как страны толерантности и мирного сосуществования, то как земли страха и ненависти в действительности одинаково верны. Страх и ненависть не эндемичны для данной местности, однако в определенные периоды их мобилизуют в политических целях. Эта мобилизация «страха и ненависти» в конкретные периоды принимает особые формы и должна объясняться особыми причинами. Иными словами, новый национализм — это современный феномен, возникающий в недавней истории, черты которого сформированы нынешним контекстом. Более того, сам размах насилия может быть проинтерпретирован не в качестве следствия «страха и ненависти», но скорее как отражение трудности реконструирования «страха и ненависти». По выражению Живановича, либерала с независимыми взглядами, всю войну остававшегося в контролируемых сербами районах, «войне пришлось быть кровавой, ведь узы между нами были крепки»¹⁸.

18. Частная беседа с автором.

Иногда утверждают, что исламский национализм — это иной феномен, нежели сербский и хорватский национализм. Те, кто не разделяет господствующее представление об этой войне как о гражданской, зачастую полагают, что это была сербская и — в меньшей степени — хорватская агрессия. Без сомнения, агрессорами в этой войне были националисты из боснийских сербов, которым помогали и которых подталкивали сербские и югославские государственные власти, и именно они инициировали и наиболее систематично и масштабно проводили политику этнических чисток. Подобным же образом, хотя и в меньшем масштабе, их примеру следовали хорватские националисты, спонсируемые хорватскими государственными властями. При этом ПДД, исламская националистическая партия, всегда выступала за единую мультикультурную Боснию и Герцеговину. Впрочем, мультикультурализм для исламских националистов означал политическую организацию в духе коммунитаризма, отсюда попытки Изетбеговича организовать «приемлемые» этнические группировки, такие, например, как Сербский гражданский совет или Хорватская крестьянская партия. Кроме того, в ПДД проявлялись некоторые склонности других националистических партий, такие как стремление ставить все институты под жесткий политический контроль или использовать СМИ для развязывания виртуальной войны против других сообществ: особенно назойливым в своих призывах к националистическому насилию был журнал ПДД «Дракон Боснии»¹⁹. Комиссия экспертов ООН счи-

19. Например, в одной из его редакционных колонок говорилось: «Каждый мусульманин инстинктивно хотел бы спасти своего соседа-сербя, а не, наоборот, убить, и тем

тает, что боснийские силы не принимали участия в этнических чистках, хотя и совершали военные преступления. Как бы то ни было, несомненно, что хорваты были изгнаны (либо сами решили уехать) из областей Центральной Боснии, захваченных боснийскими силами во время мусульмано-хорватского конфликта; то же происходило и с сербами в районах, захваченных в последние дни войны. Иными словами, это была сербская и хорватская агрессия, но в то же время и новая националистическая война.

То, что страх и ненависть не были эндемичны для боснийского общества как такового, стало ясно по вспышке гражданского активизма в преддверии войны²⁰. При решительной поддержке со стороны боснийских СМИ, профсоюзов, интеллектуалов, студентов и женских групп развернулось массовое движение за мир. В июле 1991 года десятки тысяч человек образовали живую цепь через каждый мост в Мостаре. В августе 1991 года на организованный с помощью «Ютела» митинг в Сараеве пришло 100 тысяч человек. В сентябре к тысячам боснийцев, стоящим в живой цепи, связавшей мечеть, православный храм, католический костел и синагогу в Сараеве, присоединились 400 европейских активистов за мир, путешествующих в качестве «Каравана мира» Хельсинской гражданской ассамблеи. Подобные же демонстрации были организованы в Тузле, Баня-Луке и других городах и деревнях.

не менее каждый мусульманин обязан назвать имя серба и дать клятву убить его». 1 April 1993, цит. по: Mazowiecki Report E/CN.4/1994/3, 5 May 1993.

20. Детальной информацией о довоенном движении за мир я обязана моему докторанту Невену Анджеличу. См.: Bosnia-Herzegovina: The End of a Legacy. London: Frank Cass, 2003.

Высшая точка и конец этого движения пришлось на март и апрель 1992 года. 5 марта активистам за мир удалось разобрать баррикады, возведенные мусульманскими и сербскими националистическими группами после убийства сербского жениха, застреленного на своей свадьбе. 5 апреля по Сараеву к зданию парламента прошли от 50 до 100 тысяч демонстрантов, требуя отставки правительства и международного протектората. Еще тысячи прибывали в битком набитых автобусах из Тузлы, Зеницы и Какани, но не могли войти в город из-за баррикад сербов и мусульман. Война началась, когда с гостиницы *Holiday Inn* огонь по демонстрантам открыли сербские снайперы — первым погибшим был 21-летний студент-медик из Дубровника (Хорватия)²¹. На следующий день европейские государ-

21. По словам одного из ее товарищей:

Сейчас многие будут вам рассказывать о том, что они уже тогда понимали, что близится война, но я этого не понимал и не думаю, что это понимала Суада [погибшая студентка]... В мае медики должны были выпуститься, и Суада запросто могла бы в тот день не участвовать в демонстрации. Она была не из Сараева. Она не была даже боснийкой... Толпа не была разгневанной... Люди вокруг нас, большинство молодежь, были в хорошем настроении и желали мирно отстоять свою позицию. Я был в пятидесяти метрах от моста, когда прозвучало несколько выстрелов, может быть пять или шесть. Все бросились бежать. Как только мы укрылись за зданием, я невероятно разозлился. Со мной такого еще не бывало, чтобы кто-то открыл огонь по группе невооруженных демонстрантов. Странно сказать, война все еще не казалась неизбежной. А спустя всего лишь несколько дней уже казалось, что пути назад нет, и мы начали говорить о Суаде как о первом человеке, погибшем в боснийской войне. То, что казалось случайным актом насилия, большой личной трагедией, понемногу приняло в наших умах облик первого инцидента в гораздо большей драме: самой тяжелой

ства признали Боснию и Герцеговину и сербы покинули боснийскую скупщину. Государство получило признание как раз в момент своей дезинтеграции.

Согласно Бугарелю, боснийская война была гражданской войной в том смысле, что она была войной *против* гражданского населения и *против* гражданского общества²². По сообщениям же Тадеуша Мазовецкого, специального представителя Комиссии ООН по правам человека, некоторые наблюдатели были уверены в том, что «нападающие решительно настроены „похоронить“ город [Сараево] и ту традицию толерантности и этнической гармонии, которую он олицетворяет»²³. Иначе говоря, эту войну можно было бы рассматривать как войну эксклюзивистских националистов против светского мультикультурного плюралистического общества.

Как велась эта война: военные и экономические средства

Югославия была, вероятно, самой милитаризованной страной в Европе, исключая Советский Союз. До 1986 года военные расходы составляли 4% ВВП —

европейской войне за пятьдесят лет (цит. по: *Silber Laura, Little Alan. The Death of Yugoslavia. P. 251–252*).

22. «Зарождающееся боснийское гражданское общество из последних сил попыталось вытеснить коммуитаризм из политической сферы. Националистические партии в момент нестабильности наверстывают упущенное, принося войну в повседневную жизнь». *Bougarel Xavier. Etat et communitarisme*.
23. Доклад о ситуации с правами человека на территории бывшей Югославии. Report on the Situation of Human Rights in the Territory of Former Yugoslavia, United Nations, E/CN.4/1992/S-1/. New York, 28 August 1992, par. 17.

больше, чем в любой другой несоветской стране в Европе, кроме Греции²⁴. Сама ЮНА состояла почти из 70 тысяч кадровых офицеров и персонала плюс около 150 тысяч призывников. Помимо этого, каждая республика и автономная провинция отвечала за организацию и снабжение частей ТО — в основном резервных сил, насчитывавших, по сообщениям, один миллион человек.

Вплоть до 1991 года ЮНА оставалась югославским образованием. Армия контролировала сеть взаимосвязанных баз, оружейных складов и предприятий, которые, в отличие от остальной экономики, были организованы на общегославской основе. Несмотря на то что партизанская стратегия, придавшая форму организации ЮНА, основывалась на децентрализованных локальных боевых единицах, общий контроль оставался централизованным на югославском уровне. В момент, когда в других сферах общественной жизни югославизм шел на убыль, среди офицеров ЮНА, 70% которых были сербами или черногорцами, он продолжал расти. На содержание ЮНА шла основная часть федерального бюджета, и к 1991 году казалось, будто ЮНА и Союз коммунистов — это фактически все, что осталось от югославской идеи; соответственно, югославизм начал ассоциироваться с тоталитаризмом и милитаризмом.

С 1986 по 1991 год произошло резкое сокращение военных расходов (с 2,491 миллиона долларов США в неизменных ценах 1988 года до 1,376 миллиона)²⁵, что способствовало нарастанию внутри ЮНА чувства виктимизации и паранойи по по-

24. Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI Yearbook 1992: World Armaments and Disarmament. Oxford: Oxford University Press, 1992.

25. Ibid.

воду внутренних и внешних врагов. (Выражением этой паранойи стал арест — и последовавший печально известный суд — молодого словенского журналиста, в 1988 году подвергнувшего критике экспорт оружия в страны третьего мира.) История войн в Словении, Хорватии, и прежде всего Боснии и Герцеговине, — это также история развала югославского военно-промышленного комплекса. В результате дезинтеграции ЮНА и частей ТО образовалось сочетание регулярных и нерегулярных сил, в которое влились преступники, добровольцы и иностранные наемники, конкурирующие за контроль над военными активами бывшей Югославии.

В начале войны в Боснии и Герцеговине многообразие военных и военизированных формирований сбивало с толку. Теоретически в этом конфликте участвовали три стороны: сербы, хорваты и боснийцы. На практике же разные силы кооперировались друг с другом в тех или иных сочетаниях. Так, на ранних стадиях войны хорваты кооперировались с боснийцами против сербов. Затем, после обнаружения в 1993 году плана Вэнса—Оуэна, который основывался на этнической кантонизации, друг против друга начали воевать хорваты и мусульмане, так как хорваты хотели установить контроль над «своими» кантонами. Потом было принято навязанное американцами Вашингтонское соглашение между мусульманами и хорватами, и на заключительных стадиях войны мусульмане снова скооперировались с хорватами, по крайней мере официально. В ходе войны силы каждой из сторон конфликта приобретали все более централизованный и регулярный характер. К концу войны главными регулярными силами были Армия боснийских сербов (АБС), Хорватский совет обороны (ХСО) и Армия Боснии и Герцеговины (АБиГ).

После десятидневной войны в Словении в июне 1991 года ЮНА отвела свои части в Хорватию (бросая за собой свое вооружение). К середине июля 1991 года войска ЮНА (примерно 70 тысяч человек) уже вошли в Хорватию. Объединившись с нерегулярными сербскими силами численностью около 12 тысяч человек, состоявшими как из местных добровольцев, так и завезенных из самой Сербии групп (зачастую преступных), они опробовали там стратегию, которая затем стала применяться в Боснии и Герцеговине. После прекращения огня в Хорватии ЮНА отошла в Боснию и Герцеговину, забирая с собой свою боевую технику. В мае 1992 года ЮНА официально вывела войска из Боснии и Герцеговины. На практике в Сербию и Черногорию ушло только около 14 тысяч человек; остальные войска перешли в Армию боснийских сербов.

ХСО был образован из ополчения при ХДС. Он действовал вместе с Хорватской армией (ХА), сформированной на основе хорватских сил территориальной обороны и отточившей в ходе войны свое мастерство благодаря инструкторам из созданной отставными американскими генералами частной военной компании *Military Professional Resources Incorporated (MPRI)*²⁶.

Когда началась война, боснийской армии не существовало. По сути, оборону боснийской территории организовывали на местах. Сараево защищала сборная солянка из патриотических союзов и дру-

26. Эта же самая компания после заключения Дейтонского соглашения привлекалась для обучения армии Федерации Боснии и Герцеговины. См.: *David Shearer. Private Armies and Military Intervention, Adelphi Paper 316, London: International Institute for Strategic Studies, 1998.*

НОВЫЕ И СТАРЫЕ ВОЙНЫ

ТАБЛИЦА 3.1. Регулярные вооруженные силы в Боснии и Герцеговине (1995 год)

	АБиГ	ХСО	АВС
Вооруженные силы	92 000	50 000	75 000
Основные танки	31	100	370
Артиллерия	100	200	700
Реактивные системы залпового огня	2	30	70
Минометы	200	300	900

Источник: Military Balance 1995–1996, International Institute for Strategic Studies. London, 1996.

гих военизированных формирований, в основном организованных сараевским подпольем. Тузлу обороняли местные силы полиции, усиленные местным же патриотическим союзом. Несмотря на то что в мае 1992 года Изетбегович заявил о формировании регулярной армии, до осени 1993 года, когда премьер-министром стал Силайджич, командование армии не было централизовано, а разнообразные бандитские группы никем не контролировались. Даже в ту пору, согласно оценке экспертной комиссии ООН, из 70 тысяч человек личного состава были вооружены только 44 тысячи²⁷.

Как видно из табл. 3.1, АВС была оснащена боевой техникой гораздо лучше, чем другие регулярные силы. В частности, у нее было заметное преимущество в тяжелом вооружении: танках, артиллерии, установках залпового огня и минометах. Она унаследовала боевую технику ЮНА и, что более важно, контролировала большую часть оружей-

27. Final Report of the Commission of Experts.

ных складов ЮНА. Склады были размещены в горах Боснии и Герцеговины, так как считалось, что это — «сердце» партизанской обороны Югославии, и были хорошо укомплектованы на случай длительной войны. АБИГ, хуже всего оснащенная техникой и особенно страдавшая от нехватки тяжелых вооружений, зависела от хорватских путей снабжения, по которым приобреталось оружие²⁸. ХСО получал боевую технику из Хорватии. Помимо поступления боевой техники из оружейных запасов в Хорватии, техника, главным образом излишки, оставшиеся в странах бывшего Варшавского договора, приобреталась из различных источников на черном рынке. (Что любопытно, имелись свидетельства, что бывшие предприятия ЮНА в Хорватии, Словении и Сербии продолжали кооперироваться для выпуска запчастей и боевой техники²⁹.)

Помимо регулярных сил, можно выделить три главных типа нерегулярной военной силы: полувойенные (военизированные) организации, как пра-

28. Этот пункт обычно упускали те, кто выступал за снятие с Боснии и Герцеговины эмбарго на поставки оружия в качестве решения проблемы войны. Какое бы символическое значение это ни имело, от этого было бы мало практической пользы, так как вопрос, получила бы или нет боснийская армия оружие, зависел от отношения хорватского правительства. Наверное, наиболее положительное следствие состояло бы в том, что нелегальные торговцы оружием в Загребе остались бы без дела.

29. Сообщения как в хорватской, так и в сербской прессе указывают на кооперацию между ЮНА и хорватскими заводами по выпуску танков М-84. Также имелись сообщения о том, что в Боснии и Герцеговине в производстве боеприпасов кооперируются все три стороны, поскольку даже пули калибра 7,62 мм содержат такие компоненты, которые производятся на разных сторонах. См.: *Nikolic Milan*. «The Burden of the Military Heritage», unpublished paper produced for WIDER. Helsinki, 1993.

вило контролируемые одним лицом, группы иностранных наемников и местная полиция, усиленная вооруженными гражданскими лицами. Экспертная комиссия ООН выявила на территории бывшей Югославии 83 военизированных формирования (из них 56 были сербскими, 13 — хорватскими и 14 — боснийскими). Примерная численность этих сил равнялась соответственно 20–40 тысяч, 12–20 тысяч и 4–6 тысяч человек. Подавляющее большинство групп действовали локально, но были и группы, проводившие гораздо более масштабные операции в союзе с регулярными силами и стяжавшие громкую недобрую славу.

На стороне сербов двумя самыми известными группами были «Тигры Аркана» и четники Шешеля, или «Белые орлы». Аркан, чье настоящее имя было Желько Ражнатович, был крупной фигурой преступного мира Белграда. Он владел рядом кафе-мороженых, по слухам, служивших прикрытием для его контрабандистской деятельности, которая значительно расширилась во время войны. До войны, по всей видимости, он был завербован одной из спецслужб югославского правительства с целью физического устранения эмигрантов. Он также владел фан-клубом футбольной команды «Красная Звезда», и из клуба же рекрутировались его «тигры». Изначально «тигры» действовали в Хорватии. Сообщалось, что в Боснии и Герцеговине они действовали в 28 общинах. Согласно сообщениям, собранным комиссией экспертов ООН, «они коротко стриглись, носили черные шерстяные шапки, черные перчатки с обрезанными пальцами и черные эмблемы на плече. По другим сообщениям, они носили камуфлированную униформу, изображение красных стрел, вязаные шапочки, нашивку с сербским флагом на пра-

вой руке и эмблему с тигром и словами „Arkanove delije“³⁰ на плече»³¹. «Тигры» были хорошо вооружены (включая танки и минометы). Шешель же был диссидентом. Он преподавал в Сараевском университете и, по слухам, провел год в Университете Мичигана³². В начале 1980-х годов из-за своих антикоммунистических статей он оказался в тюрьме. Освободившись, он переехал в Белград, где присоединился к сербским националистам. Его партия «Сербское национальное обновление» получила места на выборах 1990 года и была особенно успешна на федеральных выборах в мае 1992 года, завоевав 33 из 138 мест. Как и «тигры», четники первоначально активизировались в Хорватии. Сообщалось, что в Боснии и Герцеговине они действовали в 34 общинах. Люди Шешеля были «бородачами». Они носили сербские военные береты с сербским военным знаменем спереди или черные меховые шапки с сербской кокардой. Поговаривали, что они были всегда пьяны и набирали дополнительных «бойцов на выходные».

По-видимому, и Аркан, и Шешель проводили свои операции совместно с ЮНА. Согласно Докладу Комиссии экспертов ООН, «во многих из этих общин Шешель и Аркан осуществляли контроль над другими силами, действовавшими в той местности. Эти силы состояли из местных военизированных формирований, а иногда и частей ЮНА. В некоторых общинах силы Шешеля и Аркана действо-

30. «Делие Аркана». «Делие» — название объединенной группировки фанатов «Красной Звезды». — *Примеч. пер.*

31. Final Report of the Commission of Experts, Annex IV, «Ethnic Cleansing», par. 238.

32. Его докторская диссертация, которую он завершил в 1976 г., была посвящена теме марксистских оправданий войны.

вали под командованием ЮНА»³³. Шешель всегда настаивал, что его силы вооружил и оснастил техникой Милошевич.

Самым известным хорватским военизированным формированием были Хорватские оборонительные силы (ХОС), крыло Хорватской партии права (ХПП). Их члены носили черную униформу с хорватским шахматным щитом наподобие *усташей* военного времени. Вплоть до 1993 года, когда за попытку свержения хорватского правительства был арестован их лидер Доброслав Парада, ХОС действовали в союзе с ХСО. Еще одним хорватским военизированным формированием были «Волки» во главе с Юсуфом Празиной, известным как Юка. До войны он был известной фигурой сараевского преступного мира, уже отсидевшим в тюрьме пять сроков. «Волки» имели «стрижку бокс, носили черные комбинезоны, солнцезащитные очки и иногда маски»³⁴. До августа 1992 года они действовали вместе с АБиГ, а потом работали с ХСО.

Вплоть до осени 1993 года в Сараеве орудовали два печально известных бандита — Цацо и Чело. Цацо был клубным музыкантом, его звали Мушан Топалович, а Чело — недавно освободившимся преступником, который отсидел восемь лет за изнасилование. С боснийской стороны в качестве основных военизированных формирований, действовавших, по слухам, под командованием АБиГ, наибольшую известность приобрели «Зеленые береты» или мусульманские вооруженные силы (МВС).

Среди других военизированных формирований можно упомянуть «Черных лебедей», «Желтых му-

33. Final Report of the Commission of Experts, Annex IV, «Ethnic Cleansing», par. 103.

34. Ibid., Annex III A, «Special Forces», par. 68.

равьев» (намек на их мародерские способности), «Крошек Мечета» (Mečet's Babies), «Голубей мечети», «Рыцарей», «Сербских соколов» и т. д. Среди наемников чаще всего встречались *моджахеды*, в основном ветераны афганских войн. Предполагалось, что по условиям Дейтонского соглашения они должны были быть высланы. Имелись сообщения об их операциях в Зенице, Травнике, Нови-Травнике, Мостаре и Коньнице. Согласно данным хорватской разведки, за их организацию отвечал человек по имени Абдула, владевший видеомагазином «Пальма» в Травнике. По мнению комиссии экспертов ООН, *моджахеды* действовали более или менее независимо от АБиГ. Прочие наемники включали в себя «отряд Гарибальди» (итальянцы, сражавшиеся плечом к плечу с хорватами) и русских, воевавших на сербской стороне, а также наемников из Дании, Финляндии, Швеции, Великобритании и США. Как в боснийских, так и в хорватских силах должности инструкторов занимали британские солдаты, ставшие ненужными у себя на родине из-за сокращения штатов после окончания холодной войны.

Муниципалитеты, как в Тузле, или крупные предприятия, как в Велика-Кладуше («Агрокоммерц» Фикрета Абдича) или в Зенице, где бывшие коммунисты все еще контролировали сталелитейные заводы, организовывали отряды местного ополчения.

Во время войны формальная экономика находилась в состоянии упадка. Это было вызвано рядом факторов: физическое уничтожение, невозможность привлечения вложений и потеря рынка. Согласно оценкам, промышленное производство равнялось 10% от своего довоенного уровня, а безработица составляла от 60 до 90%. Национальная

валюта обвалилась, обмен основывался на сочетании бартера с немецкими марками. В большинстве своем люди столкнулись с мучительным выбором: они могли еле-еле сводить концы с концами за счет гуманитарной помощи, могли уйти добровольцами в армию либо стать преступниками (либо и то и другое), могли попытаться уехать. Уехали многие, особенно молодые и образованные, отчего сокращение населения было еще более значительным, чем говорят цифры по этническим чисткам.

Разнообразные вооруженные силы всецело зависели от сторонних источников помощи. Эти источники включали в себя прямую поддержку от иностранных правительств, «налогообложение» гуманитарной помощи и денежные переводы от отдельных лиц. Регулярные силы финансировались и оснащались техникой в основном правительствами-спонсорами. АБС финансировалась сербским правительством вплоть до эмбарго, наложенного Милошевичем в августе 1994 года. ХСО финансировался Хорватией, а АБиГ получала поддержку от исламских государств и негласно от США. Военизированные формирования пополняли свои средства мародерством и вымогательством у изгоняемого населения, а также конфискациями на завоеванных территориях, обложением гуманитарной помощи «налогом», который они собирали на многих контрольно-пропускных пунктах, и использованием черного рынка. Отряды местного ополчения финансировались муниципалитетами, которые получали собранные на их территории «налоги» с гуманитарной помощи, продолжая при этом облагать налогами граждан (включая живущих за границей) и предприятия на своей территории. Как в военном, так и в экономическом плане все три типа военной силы поддерживали сотрудничество друг с другом.

Стратегия, принятая этим сочетанием регулярных и нерегулярных сил, — стратегия, наиболее последовательно и систематически проводившаяся боснийскими сербами и боснийскими хорватами, — состояла в том, чтобы осуществлять территориальные приобретения не путем военных наступательных операций, а через политический контроль. Насилие применялось для установления контроля над населением, а не для захвата территории. То, как трудно овладеть территорией при помощи военных наступательных операций, выяснилось на ранних стадиях войны в Хорватии. ЮНА испытывала классические проблемы наступления, уже ставшие типичными для нововременной войны, — иллюстрацией чего может служить ирано-иракская война. Двухмесячная — с сентября по октябрь 1991 года — осада Вуковара, города в Восточной Славонии (Хорватия), показала, каким образом для захвата относительно небольшого города может быть недостаточно крупного превосходства в огневой мощи и живой силе. К моменту, когда 20 ноября 1991 года Вуковар наконец пал, он уже был превращен в руины. Сорвалась попытка взять Дубровник, составлявшая, по воспоминаниям тогдашнего министра обороны генерала Кадиевича, часть плана оккупации Сплита и побережья Далмации³⁵. Характерной особенностью войны в Боснии была осада главных боснийских городов. Их нельзя было захватить, зато можно было отрезать от поставок и непрерывно обстреливать артиллерией.

В чужие руки отошло немного территорий, исключая начальную стадию войны в Боснии и Герцеговине, когда боснийские сербы встречали весь-

35. См.: *Vasic Milos. The Yugoslav Army and the post-Yugoslav armies.* P. 129.

ма малое сопротивление, и последние стадии, когда они уже очень ослабли. По сути, война велась не между самими враждующими сторонами, а против гражданского населения. Этим объясняется отсутствие линии фронта. Вместо этого разные районы контролировались разными участниками конфликта, и «шахматная» (по описанию комиссии экспертов ООН) карта военных действий была тут и там испещрена различными силами; линии конфронтации проходили в городах и вокруг них, охватывая контролируемые районы. Действительно, в конце 1993 года, еще до подписания между мусульманами и хорватами Вашингтонского соглашения, территория, находившаяся под боснийским контролем, состояла, в сущности, из нескольких анклавов, окруженных вражескими силами; некоторые описывали ее как «леопардовую шкуру». Кроме Бая-Луки, оказавшейся под контролем сербов, и Мостара, поделенного между хорватами и мусульманами, основная часть городов оставалась под боснийским контролем, в то время как сельская местность была поделена между сербами и хорватами.

За исключением нескольких стратегических пунктов (например, коридора в округе Брчко, соединявшего территории сербов и потенциально способного стать путем сообщения из Северной Боснии в Загреб), бои между противоборствующими сторонами были относительно немногочисленны. Более того, имели место различные примеры кооперации, главным образом на черном рынке, но, впрочем, также и той или иной краткосрочной и локальной военной кооперации между разными партиями. Был случай, когда Силы ООН по охране (СООНО) перехватили телефонный разговор местного командира мусульман в Мостаре и местного сербского командира, обсуждавших сумму в немец-

ких марках, которую должны были получить сербы, если обстреляют хорватов из артиллерии. Высшая точка была достигнута, когда в июле 1993 года сербы взяли гору Игман, господствующую над Сараевым: военизированные формирования, в тот момент защищавшие гору Игман, были готовы «продать» свои позиции, для того чтобы контролировать маршруты черного рынка. Большая часть насилия (артиллерийские обстрелы крупных городов и городишек вкупе со снайперским огнем и различными формами злодеяний в городах и селах) была направлена против гражданского населения, по сути и став тем, что известно как этнические чистки.

Боснийские сербы хотели создать свою автономную территорию. Однако поскольку районов с численным доминированием сербов (и, что, пожалуй, еще важнее, численным доминированием сербов-экстремистов), за исключением Баня-Луки, практически не было, то для осуществления этого намерения пришлось прибегнуть к этническим чисткам. Эти районы, как представляется, были выбраны по стратегическим причинам: чтобы связать территории сербов в Краине с Сербией и чтобы контролировать базы и оружейные склады ЮНА. Данная тактика учреждения «сербских автономных районов», по-видимому, следовала некоей устойчивой модели, впервые выработанной на войне в Хорватии. Описание этого процесса можно найти в многочисленных сообщениях журналистов, отчетах органов ООН и независимых НПО, например Helsinki Watch.

Эта типичная модель применялась в сельской местности — деревнях и небольших городках. Обычно район сначала обстреливался артиллерией регулярных сил и в нем распространялись пугающие слухи, чтобы вызвать панические настроения. Сообщения о терроре в соседних деревнях усиливали

панику. Потом туда стягивались военизированные формирования и терроризировали местных жителей из несербов беспорядочными убийствами, изнасилованиями и мародерством. Затем над местной администрацией устанавливался контроль. В более крайних случаях несербов-мужчин отделяли от женщин и убивали или отправляли в центры задержания. Женщин грабили и/или насиловали и отпускали на все четыре стороны или забирали в специальные центры задержания, где они подвергались изнасилованиям. Дома и здания, имеющие культурное значение (например, мечети), разграблялись, сжигались или взрывались. Кроме того, у этих военизированных формирований, по-видимому, были списки известных людей (лидеров общин, интеллектуалов, членов ПДД, богатых людей), которых отделяли от остальных и казнили. «Это был сознательный отсев явной оппозиции и носителей политически умеренных взглядов. Это было также уничтожением сообщества, начиная с лучших»³⁶. Телевизионный журналист Майкл Николсон именуется этот процесс «элитоцидом», а мэр Тузлы использовал выражение «интеллектуальные чистки».

О существовании центров задержания стало известно в августе 1992 года. Экспертная комиссия ООН выявила примерно 715 таких центров, из которых 237 находились в ведении боснийских сербов, 89 — АБиГ и правительства, а 77 — боснийских хорватов. Согласно экспертной комиссии, они были местом совершения «бесчеловечных деяний», включая массовые казни, пытки, изнасилования и другие формы сексуальных посягательств. (Хотя имелись сообщения о серьезных нарушениях Же-

36. *Silber Laura, Little Alan. The Death of Yugoslavia. P. 270.*

невской конвенции и в боснийских лагерях, соответствующих заявлений было меньше, и они носили менее систематический характер, чем в случае сербских и хорватских лагерей.) Специфической стороной процесса этнических чисток стали широко распространенные изнасилования. Хотя массовые изнасилования случались и в других войнах, их систематический характер (в центрах задержания и в конкретных местах, и в конкретное время) наводит на мысль, что это, возможно, было частью продуманной стратегии³⁷.

В городских районах, в частности Бания-Луке, этнические чистки представляли собой более медленный, более юридически формализованный процесс. Несербы были вынуждены жить в невыносимых условиях. Например, их выгоняли с работы, лишая доступа к медицинскому обслуживанию, они были отрезаны от коммуникации, им не разрешалось собираться группами более четырех человек. Во многих городах были созданы по-разному описываемые бюро по обмену населения, через которые несербы или нехорваты могли отказаться от своего имущества и получить разрешение уехать, заплатив крупную сумму³⁸.

Подобные же приемы были приняты в районах, подконтрольных хорватам. В отношении районов,

37. *Hadj-Nassar Shems*. «Has Rape been Used as a Systematic Weapon of War in the Conflict in the Former Yugoslavia?», unpublished Master's thesis, University of Sussex, 1995.

38. Этнические чистки продолжались в Бания-Луке и в Биелине и Яне вплоть до самого конца войны. УВКБ ООН передало слова одного мужчины, приехавшего в Тузлу в конце 1994 г.: «Нет больше ни детей, ни друзей, ни информации о них, нет больше жизни, нет мечетей и нет могоил». UNHCR, Information Notes on Former Yugoslavia, 11/1994, Zagreb, November 1994.

ТАБЛИЦА 3.2. Этнические чистки в Боснии и Герцеговине

	Перепись 1991 г.				Оценки ноября 1995 г. ^а [ноября 1994 г.]			
	Сербы	Хорваты	Мусуль- мане	Всего	Сербы	Хорваты	Мусуль- мане	Всего
Бихач	29 398	6 470	202 310	238 178	1 000	5 000	174 000	180 000
Сев. Босния и Герцеговина	624 840	180 593	355 956	1 161 389	719 000	9 000	13 000 [38 000]	741 000
Зеница	79 355	169 657	328 644	577 656	16 000	115 000	439 000	570 000
Тузла	82 235	38 789	316 000	437 024	15 000	19 000	659 000 [629 000]	693 000
Сараево	157 526	35 867	259 685	432 478	н/д ^б	н/д	н/д	455 000
Анклавы	20 000		80 000	10 000			50 000 [115 000]	50 000
Зап. Герцеговина/Цент. Босния	43 595	245 586	1 111 128	403 039	5 000	320 000	160 000	485 000
Вост. Босния/Юж. Герцеговина	304 017	40 638	261 003	605 658	450 000		4000 ^в	454 000
Всего	1 340 966	717 600	1 655 300	3 972 692	1 206 000 ^г	470 000	1 497 000	3 628 000

а. Данные цифры почти наверняка завышены, так как страну покинуло более миллиона боснийских беженцев.
б. н/д — нет данных.

в. Эта цифра относится к сообществам и хорватов, и мусульман.

г. Исключая Сараево.

Источники: УВКБ ООН (UNHCR, Information Notes on Former Yugoslavia 11/95, Zagreb, 1995).

контролируемых боснийцами, нет свидетельств умышленных этнических чисток, хотя многие немусульмане, особенно сербы, уезжали оттуда по множеству причин, включая психологическое давление, дискриминацию и принудительный набор в армию³⁹. К концу 1995 года этнические чистки почти завершились, как видно из табл. 3.2. По оценкам УВКБ ООН, в Северной Боснии из первоначального мусульманского населения, в целом насчитывавшего около 350 тысяч человек, осталось только 13 тысяч мусульман, а в Восточной Боснии и Южной Герцеговине из первоначальных 300 тысяч человек — только 4 тысячи мусульман и хорватов. Из Тузлы и Зеницы также уехало много сербов и хорватов.

Представляется, что самые тяжкие злодеяния — уж точно на начальных стадиях войны — были совершены военизированными формированиями. Согласно экспертной комиссии ООН, «существует... строгая корреляция между сообщениями о действиях военизированных формирований и сообщениями об изнасилованиях и сексуальных посягательствах, местах принудительного содержания и массовых захоронениях. Эти типы действий (то есть действия военизированных формирований и серьезные нарушения Женевской конвенции), как правило, имели место в одних и тех же общинах и свидетельствовали о локализованной природе этих действий»⁴⁰. Хорошо известна соответствующая деятельность Аркана и Шешеля с сербской стороны. Экспертная комиссия ООН предполагает, что эта деятельность координировалась с действиями ЮНА (АБС), тогда как военизированные

39. Mazowiecki Report E/CN.4/1994/3, 5 May 1993.

40. Final Report of the Commission of Experts, Annex III A, «Special Forces», par. 70.

формирования с хорватской и боснийской сторон действовали с большей независимостью от регулярных сил. Говорят, что с хорватской стороны Парадой были организованы лагеря для задержанных в Чаплине и Дретеле, а Юка, как сообщалось, убил около 700 мусульман в Мостаре и был ответствен за лагерь для задержанных на мостарском вертодроме⁴¹. С боснийской стороны самые тяжкие злодеяния совершались *моджахедами*.

Мотивация военизированных формирований, как представляется, носила в основном экономический характер, хотя среди них были и явно националистические фанатики. Согласно Васичу, вооруженные формирования приблизительно на 80% состояли из обычных преступников и на 20% — из фанатичных националистов: «Последние надолго не задерживались (фанатизм плох для бизнеса)»⁴². По слухам, у Аркана был список богатых мусульман, обладавших золотом и деньгами. «Право грабить первым» рассматривалось как некая форма платежа⁴³. Многие некогда криминальные группы смогли расширить свой довоенный ре-

41. В Дретеле: «Пострадавшие утверждали, что они подвергались сексуальным пыткам, избиваниям дубинками и палками, прижиганиям сигаретами и свечами, были вынуждены пить мочу и питаться травой. Одна пострадавшая сообщила, что ее десять дней держали в комнате с еще тремя профессионалками, в течение которых женщин неоднократно насильовали». Ibid., par. 67.

42. Vasic Milos. The Yugoslav Army and the post-Yugoslav armies. P. 134.

43. Final Report of the Commission of Experts, Annex III, par. 239.

Любопытно, во время войны в Хорватии во внутренней служебной записке ЮНА утверждалось, что Аркан и Шешель представляют опасность для «боевого духа» и что их «основной мотив состоял не в том, чтобы сражаться с врагом, а в том, чтобы разграблять частную собственность

кет. Большинство военизированных формирований были вовлечены в операции на черном рынке и, более того, кооперировались друг с другом, невзирая на вроде бы существующие линии конфронтации, чтобы извлечь выгоду из ситуации в осажденных анклавах. Фактически военизированные формирования «подряжались» делать грязную работу, необходимую, чтобы внушить «страх и ненависть», которые еще не были эндемичны для боснийского общества. Таким образом, в само ведение военных действий была встроена мафиозная экономика, определяющая логику самоподдержания этой войны. Война обеспечивала как сохранение прибыльных источников дохода, так и защиту преступников от возможного уголовного преследования в мирное время.

В тех немногих местах, где сумел сохраниться местный государственный аппарат, ситуация была получше. Один из примеров — это Тузла, где выборы 1990 года выиграли ненационалисты. Тузлу защищали местная полиция и местные добровольцы, позднее ставшие местной бригадой боснийской армии, и в Тузле энергично продвигалась идеология мультикультурных гражданских ценностей. Всю войну в городе сохранялись местные источники энергии и какое-то местное производство, включая горнодобычу. В разгар войны, когда город был полностью отрезан, люди жили за счет гуманитарной помощи и натуральной ренты от СООНО. К концу войны налоги, собираемые в Тузле, составляли 60% совокупных налоговых поступлений боснийского правительства. Тем не менее оказалось, что этим островкам относительной цивилизованности

и бесчеловечно обращаться с хорватскими гражданами». Ibid., par. 100.

очень трудно сохраниться в условиях, которые Бугарель называет «коммунитаризованной хищнической экономикой»⁴⁴.

Ближе к концу войны регулярная армия вобрала в себя отряды местного ополчения и военизированные формирования. Первые стали местными бригадами, а вторые — «спецподразделениями». Захват Сребреницы в июле 1995 года, классическая операция этнической чистки, был полностью произведен АБС. На третий день в город были посланы спецподразделения, которые взяли на себя наиболее чудовищную задачу — истребление 8 тысяч мужчин и мальчиков. У всех сторон были неудавшиеся попытки создать мобилизационную экономику. В частности, после наложения Сербией блокады на боснийских сербов в августе 1994 года АБС была переведена на самофинансирование. Правительство боснийских сербов пыталось централизовать финансы и взять в свои руки контроль над ключевыми отраслями, но против этого выступил так называемый сербский парламент, члены которого были замешаны в криминальной экономике. В конце войны боевой дух был очень низок у всех сторон, но особенно у сербской стороны. Васич предполагает, что в АБС было только 30 тысяч действительно боеспособных солдат. Многие, в особенности молодежь, уже уехали. Привычными были бедность, преступность и отсутствие дисциплины.

Была ли стратегия этнических чисток спланирована заранее — и насколько заранее? Или же она случайно подвернулась под руку сербским силам в Хорватии? По сведениям комиссии экспертов ООН, у отдела психологических операций ЮНА

44. *Bougarel Xavier. L'Anatomie d'un conflit. Paris: La Decouverte, 1995.*

«имелись планы по использованию сил специального назначения, контролируемых министерством внутренних дел, для локальных провокаций и „этнических чисток“»⁴⁵. Комиссия ссылается на статью в словенской газете «Дело», в которой утверждается, что наряду с планом «РАМ» (вооружение сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине) у ЮНА был дополнительный план массовых убийств мусульман и массовых изнасилований в качестве оружия психологической войны: «Как показал анализ поведения мусульман, легче всего сломить их боевой дух, желание сражаться и волю можно было с помощью изнасилования женщин, особенно несовершеннолетних и даже детей, и убийств представителей мусульманской национальности в местах отправления религиозного культа»⁴⁶.

Иногда высказывались мнения, что ЮНА заимствует приемы из своего исторического прошлого, когда она была партизанским движением. Несомненно, что локализованный и децентрализованный характер этой войны имеет много параллелей с партизанской войной. Самой организацией частей ТО подразумевалось, что в войне можно задействовать многих обученных резервистов на местном уровне и что стрелковое оружие на местных складах легко доступно. Впрочем, этнические чистки во многих отношениях являются диаметральной противоположностью партизанской войны, которая опирается на поддержку местного населения. Предполагалось, что партизан это, говоря словами Мао, «рыба в море». Целью же этнических чисток было полное уничтожение сообществ, производство «страха и ненависти». Высказывалось

45. Final Report of the Commission of Experts, Annex III, par. 102.

46. Ibid., Annex IV, par. 142.

даже предположение, что на мышление ЮНА, возможно, повлияли доктрины борьбы с повстанцами, разработанные американцами во Вьетнаме и испытанные в конфликтах низкой интенсивности 1980-х годов. Алекс де Вааль полагал, что эти доктрины оказали влияние на африканских военных стратегов, и этим, возможно, отчасти объясняются сходства боснийской войны с войнами в Африке⁴⁷. Несомненно, что штабной состав ЮНА изучал эти войны. Последний министр обороны Югославии генерал Кадиевич шесть месяцев провел в стенах Военной академии Вест-Пойнт, хотя борьба с повстанцами и занимала там только малую часть цикла обучения; также в США обучались и другие офицеры ЮНА. Вероятно, более убедительным было бы утверждение, что стратегия этнических чисток разрабатывалась «на земле», хотя предшествующие дискуссии и опыт должны были иметь к этому отношение.

В стратегии этнических чисток мишенями оказались не только члены других этнических групп. Равным образом это были люди умеренных взглядов, все те, кто отказывался ненавидеть. Впервые это выяснилось в Хорватии, когда Бабиц и Мартич, лидеры сербов Краины, взяли под свой контроль город Пакрач и сняли со всех должностей в органах власти не только людей других национальностей, но и сербов. На протяжении всей войны с каждой стороны были люди, отказавшиеся быть втянутыми в трясину «страха и ненависти». В докладах специального представителя комиссии ООН по правам человека все время отмечаются действия отважных сербов, пытавшихся защитить своих соседей из му-

47. *De Waal Alex. Contemporary warfare in Africa // Kaldor and Vashee (eds). Restructuring the Global Military Sector.*

сультан и хорватов. Газета *The Guardian* сообщала о сербском «Шиндлере», жившем в Приедоре, который организовал своих друзей и соседей для защиты мусульман. Еврейская община в Мостаре помогала мусульманам спастись бегством. В разных частях Боснии и Герцеговины до сих пор существуют ненационалистические группы и партии, пусть даже их ряды сильно поредели из-за смертей и оттока населения.

Характер международного участия

Международное участие в войне в Боснии и Герцеговине и, более того, во всех конфликтах на территории бывшей Югославии было с самого начала масштабным. Это участие проявилось как на официальном уровне, так и на уровне гражданского общества. К этой войне было приковано внимание СМИ и различных гуманитарных групп и групп борцов за мир и за права человека, равно как и внимание гражданских институтов, таких как церкви и университеты. В пределах бывшей Югославии на международное сообщество возлагались большие надежды. Для многих людей название «Европа» имело почти мистическое значение, его считали синонимом цивилизованного поведения и символическим выражением альтернативного «гражданского» мировоззрения, к которому стремились те, кто противостоял национализму. Действительное положение дел глубоко разочаровывало, порождая цинизм и отчаяние.

На самом деле международное участие имело две четко различающиеся формы. Одна — это политические переговоры на высшем уровне и различные миссии. Другая — это, по сути, новая фор-

ма гуманитарной интервенции. Последняя, я бы сказала, действительно представляла собой значительную инновацию в области международных мер — как по своим целям, так и по своему масштабу и тому, как она способствовала кооперации между международными институтами и гражданским обществом. Однако ее осуществлению мешали противоречия между положением дел на гуманитарном уровне и тем, что происходило на уровне высокой политики, и вытекающее отсюда превратное понимание политической и военной природы войны.

Существует много объяснений неудачи международного сообщества в деле предотвращения или прекращения войн в бывшей Югославии: недостаток единства позиций в ЕС, неготовность правительств предоставить соответствующие ресурсы, недалекость политиков. Во всех этих объяснениях есть нечто верное. Однако фундаментальная проблема имела концептуальный характер. Она состояла в непонимании того, почему или как велась эта война, и непонимании характера новых националистических политических образований, возникших после краха Югославии. И с политической, и с военной точки зрения эта война воспринималась как конфликт между соперничающими национализмами традиционного эссенциалистского типа; так считали и европейцы, подобно сербам полагавшие, что всякий национализм должен одинаково осуждаться, и американцы, которые, как правило, видели в сербах плохих «тоталитарных» националистов, а в хорватах и мусульманах — хороших «демократических» националистов. Хотя сербский и хорватский национализм действительно были бесперспективными, а мусульманский национализм был не так уж плох, в этом анализе упускалось из виду то обстоятельство, что этот конфликт

был конфликтом между новой формой этнического национализма и цивилизованными ценностями. Националисты разделяли общий интерес к упразднению интернационалистического гуманитарного мировоззрения как в пределах бывшей Югославии, так и в глобальном масштабе. И с политической, и с военной точки зрения их война была войной не против друг друга, но, повторим аргумент Бугареля, против гражданского населения и против гражданского общества.

Так называемое международное сообщество угодило в националистическую ловушку, приняв всерьез и легитимировав то восприятие этого конфликта, которое желали распространить националисты. В политическом плане националисты имели общую тоталитарную цель — снова установить ту разновидность политического контроля, которым некогда уже обладала коммунистическая партия на основе этнических сообществ. Для этого им надо было разделить общество по этническому признаку. Исходя из того, что «страх и ненависть» были эндемичны боснийскому обществу и что националисты представляли все общество в целом, международные посредники не смогли найти иного решения, кроме того компромисса, к достижению которого стремились сами националисты. Не понимая, что «страх и ненависть» не являлись эндемичными, но вырабатывались во время войны, они фактически способствовали достижению националистических целей и ослаблению интернационалистического гуманитарного подхода.

Если говорить о военном аспекте, предполагалось, что основное насилие происходило между так называемыми воюющими сторонами и что гражданские лица, так сказать, попадали под перекрестный огонь. Притом что факт этнических чи-

сток был очевиден, это трактовали как побочный эффект боевых действий, а не как цель войны. Войска ООН, посланные в Боснию и Герцеговину для защиты гражданского населения, были связаны по рукам и ногам, потому что их начальство боялось, что войска втянут в обычную войну. Между поддержанием мира и участием в боевых действиях было проведено четкое различие. Поддержание мира значило, что войска действуют на основе согласия между воюющими партиями. Тогда как участие в боевых действиях означало бы, что войска ООН встают на ту или иную сторону. Боязнь того, что любое применение силы будет означать принятие чьей-либо стороны и приведет к эскалации международного военного участия, всю войну мешала войскам ООН эффективно осуществлять гуманитарные задачи, для выполнения которых они и были направлены. Не было понято то, что между сторонами было довольно мало боевых действий (в традиционном смысле) и что главная проблема заключалась в непрекращающемся насилии против гражданского населения. Предполагалось, что войска ООН являются войсками по поддержанию мира, что они действуют на основе согласия сторон. В результате они оказались неспособны защитить конвои с гуманитарными грузами или безопасные убежища. Вместо этого они стояли, по словам одного сараевского шутника, «как евнухи на оргии».

Преобладающий подход на переговорах на высшем уровне — подход «сверху», подход *realpolitik*: предполагалось, что лидеры политических партий выступают от имени тех людей, которых они представляют. Таким образом, проблема того, как себя вести в отношении осколков Югославии, была понята как проблема достижения компромисса с этими лидерами. В сущности, она мыслилась как про-

блема границ и территории, а не как проблема политической или социальной организации. Поскольку в этнических чистках видели побочный эффект войны, главная забота состояла в том, чтобы посредством достижения политического компромисса прекратить боевые действия. Если бы политические лидеры в бывшей Югославии настаивали на том, что они не могут жить вместе, тогда для постъюгославского политического пространства пришлось бы подыскать какой-то новый набор территориальных договоренностей. Следовательно, ответ заключался в разделении. Однако разделение было одновременно и решением, и причиной войны. Оно подпитывало само себя, поскольку, и это знал каждый, невозможно было создать этнически чистые территории без перемещения населения. Так как цель войны заключалась в этнических чистках, решение, которое мирилось с результатами этих чисток, было единственно возможным. Таким образом, сам принцип разделения легитимировал националистические притязания.

Первым разделением было разделение Югославии: тогда признание сначала получили Словения и Хорватия, а потом — Босния и Герцеговина⁴⁸. В то же время, после того как при посредничестве представителя ООН Сайруса Вэнса в декабре 1991 года было заключено соглашение о прекращении

48. Это являлось инициативой Германии, неохотно поддержанной другими европейскими странами. ЕС фактически под давлением Германии назначил Комиссию Бадинтера, чтобы она представила отчет о критериях для признания всех стран бывшей Югославии. Оказалось, что только Македония и Словения отвечают этим критериям по причине удовлетворительных мер в отношении меньшинств, однако признание Македонии было отложено из-за возражений Греции.

огня, разделилась Хорватия. Босния и Герцеговина была признана в день начала войны. В попытках остановить боевые действия был выдвинут целый ряд провальных планов по разделу Боснии и Герцеговины. Первым был план Каррингтона—Кутильеро (весна 1992 года), предлагавший разделить страну на три части. После провала этого плана лорд Каррингтон оставил пост посредника от ЕС и его сменил Дэвид Оуэн, ставший сопредседателем (вместе с Сайрусом Вэнсом) Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ), созданной после Лондонской конференции в августе 1992 года. План Вэнса—Оуэна считался продолжением плана Каррингтона—Кутильеро, так как он разделил Боснию и Герцеговину на десять кантонов, девять из которых основывались на доминировании той или иной этнической группы. Этот план в конечном счете был отклонен Ассамблеей боснийских сербов в мае 1993 года, но прежде он обеспечил хорватам легитимацию этнических чисток в тех областях, которые им достались по условиям этого плана: это обозначило начало хорватомусульманского конфликта. (Говорили, что ХСО (HVO) расшифровывается как «Hvala Vance Owen» — «спасибо Вэнсу—Оуэну».) Под давлением американцев весной 1994 года были проведены переговоры о прекращении огня между мусульманами и хорватами. По сути, Вашингтонское соглашение, как стало называться это соглашение о прекращении огня, создало боснийско-хорватскую федерацию, разделенную на еще меньшие кантоны с доминирующими этносами. Тем временем на смену плану Вэнса—Оуэна пришел план Оуэна—Столтенберга (Сайруса Вэнса сменил Торвальд Столтенберг), который в свою очередь уступил место плану Контактной группы: Контактная группа была новым переговорным фо-

румом, в котором участвовали основные внешние игроки (США, Россия, Великобритания, Франция и Германия). И эти планы, и Дейтонское соглашение, которому в конечном счете удалось остановить боевые действия, были весьма схожи с оригинальным планом Каррингтона–Кутильеро.

Дейтонскому соглашению в конце концов удалось достичь прекращения огня — отчасти благодаря военному давлению (НАТО наконец начал наносить воздушные удары, а в Боснию были отправлены англо-французские силы быстрого реагирования), отчасти вследствие падения боевого духа боснийских сербов, но, пожалуй, самой важной причиной была «рационализация» реальной военной ситуации после захвата сербами двух восточных анклавов и захвата хорватами Краины⁴⁹. Иными словами, этнические чистки фактически были завершены. Военный эндшпиль оказался настолько легким, что высказывалось предположение, что между Сербией и Хорватией могло существовать некое безмолвное понимание, которое, пожалуй, даже поощрялось

49. Сам Оуэн полагает, что урегулирование могло бы быть достигнуто гораздо раньше, прояви международное сообщество больше единства и имей переговорщики полную поддержку американцев. В провале введения Плана Вэнса–Оуэна летом 1993 г. он винит недостаточную американскую поддержку. Действительно, когда американцы брали инициативу на себя, удавалось достичь гораздо больших результатов, как в случае Вашингтонского соглашения и Дейтонского соглашения. Однако данный аргумент упускает политическую ситуацию этого периода: существовало большое нежелание навязывать территориальный раздел. Международную поддержку могло бы мобилизовать какое-нибудь иное предложение, скажем протекторат. К тому времени, как было достигнуто Дейтонское соглашение, большинство людей уже махнуло рукой на альтернативы разделу.

внешними игроками⁵⁰. И, разумеется, окончательное разделение было близко к тому, которое еще в марте 1991 года обсуждали Милошевич и Туджман на знаменитой встрече в Караджорджеве⁵¹.

Посредники были подвергнуты решительной критике даже за то, что они вступили в разговор с воюющими сторонами. Как они могли пожимать руки военным преступникам? Как они могли общаться с боснийскими сербами и боснийскими хорватами наравне с Изетбеговичем, президентом признанной страны⁵²? Участники переговоров руководствовались принципом, согласно которому прекратить войну могли только те, кто ее развязал, и поэтому переговоры должны вестись между воюющими сторонами. В этом доводе есть здравое зерно, но эти переговоры не должны были иметь приоритетного значения в рамках всего проводимого курса в целом. Существовали разные варианты, благодаря которым ненационалистические политические и гражданские слои боснийского общества могли получить доступ к правительствам

50. См.: *Hassner Pierre*. Ex-Yougoslavie: le tournant? // *Politique Internationale*. Autumn 1995.

51. По воспоминаниям Каррингтона: «Когда я разговаривал с президентами Туджманом и Милошевичем, мне было вполне очевидно, что каждый из них имеет некое взаимно удовлетворяющее решение, которое состоит в том, что они собираются поделить ее между собой. Они собирались поделить Боснию. Сербские [районы] отошли бы к Сербии, а хорватские [районы] — к Хорватии. И их не особо волновало, никого из них, что случится с мусульманами». Цит. по: *Silber Laura, Little Alan*. *The Death of Yugoslavia*. P. 210.

52. Оуэн настаивает, что он иначе общался с Изетбеговичем (ввиду его президентства), однако у общественности не создалось такого впечатления и в конце концов это не имело значения.

и международным институтам, могли быть услышаны и всерьез приняты их идеи и предложения, включая предложения, альтернативные разделению, и все бы увидели, что они пользуются уважением международного сообщества. Они олицетворяли надежду на международные ценности. Именно в них следовало бы видеть главных партнеров в поиске мира. Никто не понимал, что националисты — в силу природы их целей и методов их достижения — не зывают и не могут звать к «сердцам и умам», и не осознавал важность взращивания политической альтернативы.

Переговоры на высшем уровне проводились одновременно с гуманитарной интервенцией. На начальной стадии конфликта Садако Огата, Верховный комиссар по делам беженцев, выдвинула план гуманитарного ответа из семи пунктов, который в июле 1992 года был принят правительствами и международными органами. Эти семь пунктов звучат следующим образом: «соблюдение прав человека и гуманитарного права, превентивная защита, гуманитарный доступ к нуждающимся, меры по удовлетворению особых гуманитарных нужд, меры по обеспечению временной защиты, материальная помощь, а также восстановление и реабилитация»⁵³. Ведущая роль в огромной гуманитарной инициативе принадлежала УВКБ ООН, обеспечившему помощью почти две трети населения Боснии и Герцеговины, и им же координировались действия целого ряда международных гуманитарных органов и НПО. Большое значение имело участие множества мужественных людей — сотрудников гума-

53. UN Department of Public Information, United Nations Peace-Keeping Information Notes: Update December 1994, DPI/1306/Rev. 4. New York, March 1995. P. 104.

нитарных организаций, медицинского персонала, водителей конвоев и т. д. В дополнение к усилиям по оказанию гуманитарной помощи ООН приняла ряд мер, направленных на защиту гражданского населения и отстаивание норм международного гуманитарного права. В число этих мер входили: решение по защите гуманитарных конвоев, при необходимости с применением силы [резолюция Совета Безопасности ООН (РСБ) № 770 (1992)]; провозглашение зон безопасности [РСБ № 836 (1993)]; назначение специального представителя по вопросам прав человека при Комиссии по правам человека (август 1992 года); назначение Комиссии по расследованию военных преступлений (октябрь 1992 года), и в частности изнасилований (декабрь 1992 года); учреждение «международного трибунала по судебному преследованию лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права» [РСБ № 808 (1993)]. Международному комитету Красного Креста (МККК) были поручены задачи получения доступа к лагерям для задержанных и организации освобождения узников. Вашингтонским же соглашением устанавливалось, что администрация ЕС будет осуществлять административное управление Мостаром с целью воссоединения города.

Эти меры, по крайней мере в теории, представляли собой весьма значительное новшество в международной практике. Принятые под давлением инициативных групп и международных СМИ, вынесших на всеобщее обозрение реальность этой войны, данные меры создали потенциально новую форму международной гуманитарности. Хотя какие-то элементы из этого пакета мер уже были введены в прежних конфликтах (концепция безопасного убежища/зоны в Ираке, защита гуманитарных

конвоев в Сомали), это было самое амбициозное развертывание войск ООН по поддержанию мира, предназначенных для оказания помощи и предоставления защиты гражданскому населению и отстаивания гуманитарного права. Кроме того, решительно звучали формулировки соответствующих резолюций Совета Безопасности. И РСБ № 770 (1992 год), требовавшая защиты гуманитарных конвоев и беспрепятственного доступа МККК и других гуманитарных организаций к «лагерям, тюрьмам и центрам задержания», и РСБ № 836 (1993), установившая зоны безопасности, подпадали под действие главы VII Устава ООН, санкционирующей применение силы⁵⁴. В Боснию и Герцеговину было отправлено около 23 тысяч военнослужащих СООНО.

54. РСБ № 836 расширила мандат СООНО, «чтобы они могли сдерживать нападения на безопасные районы... содействовать выводу военных и полувоенных формирований, не являющихся формированиями правительства Республики Босния и Герцеговины, и занимать некоторые ключевые точки на местности». Она уполномочивала СООНО «принимать, действуя в порядке самообороны, необходимые меры, включая применение силы, в ответ на артиллерийские обстрелы и бомбардировку с воздуха безопасных районов любой стороной или в ответ на вооруженное вторжение в эти районы, или в случае любого умышленного создания в этих районах или вокруг них любых препятствий на пути свободного перемещения СООНО или охраняемых автоколонн с гуманитарными грузами». И она постановляла, что «государства-члены, действуя на национальном уровне или через региональные организации или соглашения [т.е. НАТО], могут принимать под руководством Совета Безопасности и при условии тесной координации с Генеральным секретарем и СООНО все необходимые меры путем применения военно-воздушных сил в безопасных районах в Республике Боснии и Герцеговине и вокруг них, для того чтобы содействовать СООНО». UN Department of Public Information, *The United Nations and Former Yugoslavia*, DPI/1312/Rev. 2.

Дополнительно к войскам СООНО в Адриатике находились военно-морские силы НАТО и Западно-европейского союза (ЗЕС), наблюдавшие за соблюдением эмбарго на поставку вооружений; НАТО же отвечало за соблюдение запрета на полеты в боснийском воздушном пространстве, что также санкционировала глава VII Устава ООН [РСБ № 816 (1993)].

Впрочем, почти ни одна из этих мер не была эффективно реализована. Воюющие партии постоянно чинили помехи доставке гуманитарной помощи и облагали ее «налогом». Зоны безопасности превратились в огромные небезопасные лагеря беженцев, которые постоянно обстреливались артиллерией; поставки гуманитарной помощи находились под безжалостным контролем боснийских сербов. Вопреки усилиям Мазовецкого, комиссии экспертов ООН и Международного трибунала, МККК и других гуманитарных организаций, военные преступления не прекращались, более того, в последние месяцы войны имели место наиболее вопиющие примеры этнических чисток. Режим бесполетной зоны нарушался бессчетное количество раз, а эмбарго на поставки вооружений никогда строго не выдерживалось. Несмотря на организацию управления в Мостаре при участии ЕС, город по-прежнему был разделен на части, все так же ограничивалась свобода передвижения и фиксировались многочисленные нарушения прав человека. Среди личного состава сил ООН многие принимали участие в операциях на черном рынке, а заявления о преступлениях, совершенных личным составом

New York, 15 March 1994. P. 136. Рус. текст см.: URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/330/23/IMG/N9333023.pdf?OpenElement>. — *Примеч. пер.*

вом сил ООН, особенно изнасилованиях, никогда должным образом не расследовались. Кульминационной точкой для ООН стал июль 1995 года, когда так называемые зоны безопасности Сребреница и Зепа были захвачены силами боснийских сербов.

Был ли возможен какой-либо иной подход, коль скоро война уже началась? Дэвид Оуэн полагает, что в политическом плане важнее всего было прекратить боевые действия. Но даже сейчас, после Дейтона, нет однозначного ответа на вопрос, было бы вообще достигнуто какое-либо соглашение, пока к этому не стали готовы сами воюющие партии, и была ли роль международных переговорщиков чем-то большим, нежели способом ускорить и легитимировать соглашение, достичь которого хотели по крайней мере сербы и хорваты? Следствием этого является то, что, как это уже стало ясно, теперь чрезвычайно трудно избавиться от националистов и военных преступников во власти, что делает долгосрочный мир или нормальное положение вещей отдаленной перспективой.

Если бы эта война понималась в первую очередь как геноцид, то главным приоритетом была бы защита гражданского населения. Переговоры и политическое давление могли быть сосредоточены не на разделе территорий, а на конкретных целях в реальной обстановке по облегчению гуманитарной ситуации, таких как открытие аэропорта в Тузле или маршрут через гору Игман в Сараево или освобождение пленных. Решению этой задачи, возможно, способствовало бы включение в переговорный процесс ненационалистических партий и групп. Возможно, оно создало бы условия для появления других общезначимых решений в духе «либо так, либо никак», которые бы не основывались на разделе территорий (например, междуна-

родный протекторат)⁵⁵. Такой подход по меньшей мере укрепил бы альтернативы национализму, помешав тем самым производству «страха и ненависти», и оставил бы в большей неприкосновенности законность международных организаций. В ряде случаев Мазовецкий жаловался на отсутствие кооперации с МКБЮ: «Специальный представитель выразил пожелание, чтобы в мирном процессе приоритетное значение имели проблемы прав человека, и обратил внимание на то, что мирные переговоры не следовало начинать, не получив гарантий прекращения массовых и грубых нарушений прав человека»⁵⁶.

В военном отношении результатом иного восприятия, возможно, был бы более жесткий, более «надежный» (*robust*) подход к поддержанию мира. Уверенность в том, что это была война «сторон», привела к крайней нерешительности в вопросе применения силы из-за страха, что это может повлечь за собой эскалацию конфликта и международное сообщество вынуждено будет воевать на той или иной стороне. Генерал Майкл Роуз всеми силами стремился пересечь то, что он, отсылая к провалу миссии ООН в Сомали, называл «линией Могадишо». Не исключено, что с помощью более жесткого подхода можно было бы облегчить выполнение миссии ООН и сделать силы и личный состав ООН

55. Это предложение в начале войны выдвигалось боснийским движением за мир. Оно обсуждалось как предложение для переговоров. Идея заключалась в том, что Изетбеговича удовлетворило бы сохранение целостности Боснии и Герцеговины, а сербов — отстранение ПДД от власти. Осенью 1992 г. оно серьезно рассматривалось, но было отвергнуто на основании того, что оно было бы слишком затратным как в военном, так и финансовом плане.

56. Mazowiecki Report, E/CN 4/1994/110, 21 February 1994, par. 347.

гораздо менее уязвимыми перед угрозой взятия в заложники или спорадических нападений. Когда в 1993 году британские солдаты, сопровождающие грузы с гуманитарной помощью из Кладани в Тузлу, стали открывать ответный огонь по стреляющим с гор сербам, регулярные нападения заметно сократились. Несмотря на это, генерал Морион, тогдашний командующий войсками СООНО в Боснии и Герцеговине, получил от Генерального секретаря ООН взыскание за «превышение своих полномочий». Можно привести похожую историю с одним датским офицером в Тузле, который приказал открыть по сербам огонь из танка в отместку за артиллерийские обстрелы.

Разочарование непосредственных участников событий было безмерно — как самих военнослужащих СООНО, которые, исполняя приказы начальства, казались трусами, так и персонала гуманитарных организаций, работа которых после прибытия войск ООН ничуть не облегчилась. Поскольку о коридоре для гуманитарных грузов в любом случае приходилось договариваться, с этим проще было бы справиться при помощи усилий таких людей, как Ларри Холлингсворт (УВКБ ООН) или Джерри Халм, чем с помощью беззубых СООНО. Как указывал, уезжая из Боснии, Ларри Холлингсворт,

если вы посылаете куда-то армию, но не позволяете ей проявлять агрессию, тогда зачем вообще направлять туда огневую мощь и танки? Мне грустно уезжать с заключением, что войска послали сюда не с тем, чтобы они были жесткими, а с тем, чтобы только создать впечатление жесткости... Нам с самого начала следовало действовать гораздо жестче. ООН упустила шанс захватить инициативу и повести себя волевым об-

разом, и с тех самых пор мы наблюдаем постепенное ослабление ее авторитета⁵⁷.

Сам Оуэн полагает, что более жесткое поддержание мира было невозможно из-за нехватки войск. Например, он указывает на то, что нереально взять под защиту 55-мильный маршрут из Сараева в Горажде, пересекающий два горных хребта, 44 моста и 2 узких ущелья: «В местах самих событий в ответ на требования „крутых“ или демонстрирующих „мускулы“ действий со стороны политиков, отставных генералов и комментаторов в телевизионных студиях звучал раскатистый смех»⁵⁸. Но можно взглянуть на эту проблему и иначе. Войска были не менее, если не более, уязвимы в условиях, когда они не готовы были использовать силу, и воюющие стороны это ясно понимали. Отсюда и искушение выставить это на всеобщее обозрение и унижить международное сообщество, например, взятием заложников. Более жесткие действия потребовали бы перегруппировки и отказа от определенных задач, — например, от мониторинга тяжелых вооружений, которые теперь подлежали бы уничтожению.

По схожим причинам Оуэн весьма пренебрежительно относился к концепции убежища/зоны безопасности. СООНО действительно изначально запрашивали 30 тысяч военнослужащих для защиты зон безопасности и высказывали мнение, что на худой конец они могли обойтись и десяти тысячным контингентом. В конце концов Совет Безопасности санкционировал ввод 7500 военнослужащих, но денежные средства были выделены только на 3500 че-

57. Цит. по: *Rieff David*. Slaughter House. P. 211.

58. *Owen David*. A Balkan Odyssey. P. 354. Для тех, с кем я разговаривала на месте событий, это было не так.

ловек. Проблема состояла в том, что этот аргумент использовался для объяснения того, почему ничего нельзя было сделать, а не для того, чтобы требовать увеличения присутствия войск. Ближе к концу войны в результате давления со стороны таких фигур, как генерал Морийон или Мазовецкий, а также общественного мнения, на горе Игман в конце концов были развернуты силы быстрого реагирования и были ужесточены правила применения вооруженной силы для Сил по выполнению соглашения (СВС).

В конце концов, основным способом применения силу были воздушные удары, за что всегда выступали американцы, поскольку так можно было избежать риска потерь. Операция «Обдуманная сила» продлилась с 29 августа по 14 сентября 1995 года. В общей сложности было сделано 3515 вылетов и сброшено более 1000 бомб⁵⁹. Будучи прелюдией к Дейтонскому соглашению, воздушные удары помогали оказывать давление на боснийских сербов, и, предположительно, именно они удерживали их от нападения на последний восточный анклав, Горажде. Но с точки зрения защиты гражданского населения в реальной обстановке воздушные удары представляют собой весьма неудобный и грубый инструмент, а защита гражданского населения была именно первоочередной необходимостью. Многие полагают, что более эффективной мерой было развертывание сил быстрого реагирования.

На самом деле нужны были не операции по поддержанию мира — нужно было гуманитарное правоприменение. И в этом заключается серьезный вызов. Гуманитарное правоприменение требует нового

59. Allied Forces Southern Europe, Public Information, Fact Sheet: Operation Deliberate Force, Naples, 6 November 1995.

стратегического мышления в вопросах противодействия попыткам контроля численности населения с помощью этнических чисток, вопросах получения поддержки и создания альтернативных источников легитимности среди местного населения, новых правил ведения боевых действий и норм поведения, соответствующего материального оснащения, форм организации и командных структур.

После Дейтона

Самая долгая и самая разрушительная война в Европе после 1945 года закончилась через три с половиной года. В международной операции, предпринятой для выполнения Дейтонского соглашения, участвовала масса различных институтов — ООН, ЕС, Совет Европы, ОБСЕ, НАТО и ЗЕС. Для НАТО, СВС и их преемников, сил по стабилизации (СПС) и сил Европейского союза (СЕС), это была самая крупная операция, когда-либо предпринимавшаяся альянсом. Кроме того, к НАТО присоединились страны «Партнерства ради мира», в прошлом члены Варшавского договора. Начиная с 2004 года роль, которую выполнял НАТО, перешла к ЕС. Это не первая автономная военная миссия ЕС, но тем не менее она знаменует собой значительный шаг в развитии политики общеевропейской безопасности. Процесс выполнения соглашений стал для международного сообщества важным этапом приобретения опыта, выявив многие противоречия, которыми с начала войны было отмечено международное участие.

Более того, само Дейтонское соглашение можно рассматривать в качестве продукта этих противоречий. В первую очередь оно было соглашением, которое родилось из *realpolitik*-подхода посредников

на высшем уровне, воспринимавших мир как совокупность примордиальных наций. Оно было соглашением, которое разделило Боснию и Герцеговину на три малых государства (statelets)⁶⁰ и по которому ответственность за его выполнение несли в первую очередь стороны соглашения, то есть националисты. Тем не менее это соглашение содержало также статьи, обязывающие стороны, в том числе и международное сообщество, следовать гуманитарному подходу, — статьи касательно прав человека, судебного преследования военных преступников, возврата беженцев, свободы передвижения, экономической и социальной реконструкции. Это соглашение наделяло значительной властью командуемого силами НАТО и верховного представителя ООН, ответственного за его выполнение на уровне гражданских структур.

Вначале военная составляющая была гораздо эффективнее гражданской. Однако те задачи, которые взяли на себя военные, — обеспечение режима прекращения огня, разведение воюющих сторон, контроль над оружейными складами, — соотносились с логикой разделения. Отсутствие потенциала для обеспечения общественной безопасности в сочетании с отсутствием воли способствовало перемещению большого числа сербов из Сараева непосредственно вслед за Дейтоном и проведению непрерывных низовых этнических чисток в течение нескольких месяцев после подписания этого соглашения. Впрочем, при следующих верховных представителях ООН гражданская составляющая посте-

60. С формальной точки зрения Босния была поделена на два образования — Республику Сербскую и Федерацию Боснии и Герцеговины, однако последняя была разделена между хорватами и мусульманами.

пенно стала сильнее. Для объединения этих трех сообществ и построения общего государства были приняты различные меры. В число этих мер входят: интеграция трех армий и реформа полиции; общая валюта, флаг и номерные знаки; имущественные законы, облегчающие возвращение беженцев; отстранение экстремистских и поддержка умеренных демократических или гражданских политиков; свобода передвижения. Кроме того, в течение этого периода развернутые в Боснии вооруженные силы начали наращивать потенциал для гуманитарного правоприменения. С 1997 года в сотрудничестве с местными силами правопорядка они начали арестовывать военных преступников, передислоцировать силы для защиты возвращающихся беженцев и поддерживать своими действиями полицию в борьбе с преступностью, обеспечивая свободу передвижения и предотвращая самые тяжкие проявления националистического неповиновения. Например, в 1997 году СПС захватили передающий центр РТС (сербская телерадиостанция, которая вела пропаганду против СПС), а в апреле 2001 года Аппарат верховного представителя (АВП) и СПС взяли в Мостаре и других городах под свой контроль Герцеговацка Банка — главный источник финансов ХДС.

Вопреки всем этим усилиям, политики националистического толка остаются популярными и сегодня, а демократические структуры очень слабы. По существу, в сегодняшней Боснии выбор лежит между империалистическим гуманизмом и крайним национализмом. Верховного представителя 2002–2006 годов Пэдди Эшдауна обвиняли в том, что он действовал так, словно это «европейский радж»⁶¹.

61. *Knaus Gerald, Martin Felix. Lessons from Bosnia and Herzegovina: Travails of the European Raj // Journal of Democracy. 2003.*

И все же альтернативой сильному международному протекторату было националистическое разделение, а возможно, и возобновление военных действий. Демократическая политика была жертвой войны. Политики-националисты, ответственные за развязывание войны, преуспели в создании подлинного национализма для широких масс, едва ли существовавшего до войны. Травма войны оставила отпечаток страха и тревоги, вины и недоверия — эмоций, которые нелегко унять, но которые ищут своего подтверждения в очевидности этнической идентификации. Кроме того, экономика так и не оправилась от влияния войны и дезинтеграции Югославии. Безработица сохраняется на уровне 40%, и многие люди по-прежнему зависят от множества разнообразных видов нелегальной или неофициальной деятельности, пользуясь «протекцией» со стороны националистических партий.

Иными словами, победу одержали националисты. Реалистический подход международного сообщества во время этой войны легитимировал — быть может, невольно — их положение. Гуманитарный подход, образцом которого служили усилия по учреждению безопасных убежищ и международных администраций, никогда не имел достаточной силы, чтобы отстоять космополитическую политику. К тому времени, когда международное сообщество выучилось на своих ошибках, многие их потенциальные партнеры в гражданском обществе и политике Боснии были уже убиты, запуганы или покинули страну. Кроме того, даже сейчас упор делается на выстраивании институтов, а не на со-

трудничестве с гражданским обществом и содействию в деле возвращения демократической или космополитической политики. Мужественная стратегия Пэдди Эшдауна сразу после Дейтона, вероятно, могла бы спасти мультикультурализм. К сожалению, она попросту опоздала.

Сможет ли практический опыт гуманитарного правоприменения и строительства государства и слабость усилий по реконструкции экономики повлиять на идейное наполнение и организацию будущих международных вмешательств, особенно с участием Европейского союза, или же международные вмешательства уже дискредитированы — это еще большой вопрос. Был ли опыт боснийской войны неким кратким моментом между холодной войной и «войной против терроризма», когда казалось, что гуманитарный международный подход возможен? Или же это вмешательство оставило некое устойчивое наследие, которое уже определяет, как будет выглядеть подход к вопросам безопасности по крайней мере Европейского союза?

4. НОВЫЕ ВОЙНЫ И ПОЛИТИКА

В О ВРЕМЯ войны в Боснии и Герцеговине территория Сараева была поделена на часть, контролируемую сербами, и боснийскую (главным образом мусульманскую) часть. Однако Сараево военного времени также можно было бы описать в терминах нетерриториального размежевания. Существовала группа людей, которых можно было бы назвать глобалистами: миротворцы ООН, сотрудники гуманитарных организаций, журналисты и сараевцы, знающие английский язык и занятые в качестве ассистентов, устных переводчиков и водителей. Защищенные бронемашинами, бронезилетами и «голубыми картами», они имели возможность свободно въезжать и выезжать из города и пересекать территориальный рубеж. В то же время там были и местные жители, привязанные к той или иной территории. По одну (боснийскую) сторону на протяжении войны люди жили в осажденном положении, существуя за счет гуманитарной помощи или черного рынка (если им везло с немецкими марками), становясь жертвами снайперского огня и случайных артобстрелов. По другую (сербскую) сторону материальные условия были немного лучше, хотя атмосфера страха была более тягостна. По обе стороны жители были уязвимы перед вербовочными командами и различными ополчениями и членами преступных группировок, кото-

рые слонялись по улицам и претендовали на легитимность, обосновываемую потребностями национальной борьбы.

Политические цели новых войн имеют в виду притязание на власть на основе внешне традиционных идентичностей — нации, рода (tribe), религии. И все же это оживление политики партикуляристских идентичностей невозможно понять в традиционных терминах. Его надо объяснять в контексте растущего культурного диссонанса между теми, кто активно вовлечен в транснациональные сети и использует для коммуникации электронную почту, факсы, телефон и авиаперелеты, и теми, кто исключен из глобальных процессов и привязан к своему месту жительства, даже если сама их жизнь, возможно, во многом зависит от этих самых процессов.

Было бы ошибкой полагать, что данное культурное размежевание можно выразить в простых политических терминах, что те, кто поддерживает политику партикуляристской идентичности, выступают против процессов глобализации, а те, кто склоняется к более толерантному, мультикультурному универсалистскому подходу, входят в новый глобальный класс. Напротив, среди глобалистов можно обнаружить живущих в диаспоре националистов и фундаменталистов, «реалистов» и неолибералов, убежденных в том, что компромисс с национализмом дает наибольшую надежду на стабильность, а также транснациональные преступные группы, наживающиеся на новых войнах. И хотя среди тех, кто привязан к той или иной территории, вероятно, найдется немало таких, кто уцепился за традиционные идентичности, есть также отдельные мужественные личности и группы граждан, отвергающие партикуляризм и какую бы то ни было исключительность.

Суть дела, скорее всего, в том, что процессы, описываемые словом «глобализация», ломают культурные и социально-экономические разграничения, которые определяли закономерности политической жизни, характерные для Нового времени. И новый тип военных действий необходимо рассматривать в контексте этих глобальных сдвигов. Новые формы борьбы за власть могут выступать под личиной традиционного национализма, трайбализма или религиозного фундаментализма, но тем не менее они являются современными феноменами, вызванными современными причинами и отражающими некие новые характеристики. Все это сопровождается растущим глобальным сознанием и чувством глобальной ответственности не только у отдельных лиц, но и среди различных правительственных и неправительственных институтов.

В данной главе я описываю некоторые ключевые характеристики процесса глобализации, ведущие к появлению новых форм политики идентичности. В последнем разделе я постараюсь обрисовать возникающее политическое расхождение между политикой партикуляристской идентичности и политикой космополитических или гуманистических ценностей.

Характеристики глобализации

В своей книге «Нации и национализм» Эрнест Геллнер анализирует связь между национализмом и индустриализацией¹. Он описывает появление вертикально организованных светских националь-

1. *Gellner Ernest. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983.*

ных культур на основе национальных языков, которые позволили людям ответить на вызовы эпохи модерна и обеспечить повседневное взаимодействие с промышленностью и государственной властью. По мере того как фабричное производство приходило на смену различным сельским занятиям и все новые и новые аспекты повседневной жизни испытывали вторжение государства, у людей появлялась потребность в общем административном языке (как для устного, так и для письменного общения) и в приобретении определенных стандартизированных навыков. Более ранние общества характеризовались существованием горизонтальных высоких культур (например, латинской, персидской, древнеиндийской и т. д.), которые основывались на религии и не обязательно были связаны с государством. Они сочетались с большим разнообразием вертикально организованных низких народных культур. Если более ранние высокие культуры воспроизводились в религиозных институтах, а низкие культуры передавались посредством устных традиций, то новые вертикальные национальные культуры генерировались новым классом интеллектуалов (писателей, журналистов, школьных учителей), который появился вместе с введением книгопечатания, публикацией светских изданий (таких, как газеты и романы) и распространением начального образования.

Есть основания полагать, что процесс глобализации уже начал ослаблять эти вертикально организованные культуры. По всей видимости, сейчас появляются новые горизонтальные культуры, возникающие из новых транснациональных сетей, в основе которых лежит тот или иной из формирующихся транснациональных языков: конечно, это английский язык, зачастую связанный с куль-

турой массового потребления и всемирно известными брендами, вроде Coca-Cola, McDonald's или Starbucks, но также арабский, продвигаемый с помощью новых спутниковых телеканалов наподобие «Аль-Джазиры» или «Аль-Арабии», и, благодаря распространению социальных медиа, китайский, испанский или хинди. Будучи результатом некоего нового утверждения местной специфики, они сочетаются с пестрой мешаниной национальных, локальных и региональных культур.

Термин «глобализация» скрывает под собой комплексный процесс, который в действительности включает в себя одновременно глобализацию и локализацию, интеграцию и фрагментацию, гомогенизацию и дифференциацию и т.д. С одной стороны, этот процесс создает инклюзивные транснациональные сети людей. С другой стороны, он исключает и атомизирует значительное число людей, более того, подавляющее большинство. С одной стороны, облик того, как живут люди, во многом сформирован событиями, происходящими вдали от тех мест, где они живут, и неподвластными их контролю. С другой стороны, налицо новые возможности для усиления роли локальной и региональной политики через ее включенность в глобальные процессы.

Процесс глобализации имеет длительную историю. Более того, некоторые полагают, что настоящая фаза глобализации не представляет собой ничего нового: с момента своего зарождения капитализм всегда был глобальным феноменом². Впрочем, за последние 20 лет новым стала пора-

2. *Hirst Paul, Thompson Grahame. Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge: Polity, 1996.*

зительная революция в области информационных и коммуникационных технологий. Я бы сказала, что этот научно-технический прогресс придает качественную глубину самому процессу глобализации, который пока еще никоим образом не предрешен. На данный момент контуры этого процесса образованы послевоенными институциональными рамками, и в частности курсом на дерегулирование, который был взят правительствами в 1980–1990-х годах. Его будущее будет зависеть от эволюции политических и социальных ценностей, действий и форм организации. Сейчас я обрисую некоторые ключевые тренды, имеющие отношение к пониманию данной эволюции.

В экономической сфере глобализация связана с определенной совокупностью изменений, описываемой как «постфордизм», «гибкая специализация» или «новая экономика». Эти изменения, как правило, относятся к трансформации того, что известно как технико-экономическая парадигма, тот преобладающий способ организации предложения товаров и услуг, который отвечает преобладающей структуре спроса³. Для нас имеют значение следующие черты этих изменений: заметное снижение важности массового производства, привязанного к конкретной территории; глобализация финансов и технологий; возросшая специализация и разнообразие рынков. Совершенствование информационной сферы означает, что физическое производство как сегмент всей экономики оказывается менее важ-

3. *Freeman C., Clarke J., Soete L. Unemployment and Technical Innovation: A Study of Long Waves and Economic Development. London: Frances Pinter, 1982; Perez-Perez C. Micro-electronics, long waves, and world structural change // World Development. 1985. Vol. 13. No. 3.*

ным — как в связи с возросшей важностью услуг, так и потому, что в стоимости индивидуальных продуктов все большую долю составляет «ноу-хау» (дизайн, маркетинг, юридическое и финансовое консультирование). Подобным образом стандартизация продукции, связанная с экономией от масштаба, может уступить место большей дифференциации в соответствии с локальным спросом. Отсюда снижение значимости национальных уровней экономической организации и относительный спад привязанного к конкретной территории производства. С другой стороны, в связи с глобальным характером финансов и технологий значительно разрослись глобальные уровни экономической организации, притом что из-за увеличивающейся дифференциации рынков значимость локальных уровней экономической организации тоже повысилась.

Глобализация также влечет за собой транснационализацию и регионализацию управления (governance). Со Второй мировой войны происходит взрывной рост количества международных организаций, режимов и регулирующих органов. Все больше и больше государственных действий регулируется посредством международных соглашений или интегрируется в транснациональные институты; все больше и больше министерств и ведомств вовлекается в официальные и неофициальные формы кооперации со своими аналогами в других странах; все больше и больше политических решений отдается наверх, в ведение зачастую неподотчетных международных форумов. В то же время в последние десятилетия наблюдалось возрождение локальной и региональной политики, особенно, но не исключительно, в целях экономического развития. Это возрождение приняло множество разнообразных форм, начиная с инициатив, ориентированных

на науку и бизнес (как в случае таких «технополисов», как Кремниевая долина в Калифорнии или Кембридж в Англии), и кончая возвратом к муниципальным традициям (как в Северной Италии) и инициативами в защиту мира и окружающей среды (как, например, безъядерные зоны или проекты по переработке отходов), а также новыми или обновленными формами локального клиентелизма и патронажа⁴.

Изменение природы государственного управления сопровождалось поразительным ростом неформальных неправительственных транснациональных сетей⁵. В них входят НПО — как те, что берут на себя функции, которые прежде находились в ведении правительства (например, оказание гуманитарной помощи), так и те, что проводят кампании, затрагивающие глобальные вопросы (например, в защиту прав человека, экологии, мира и т. д.). Эти НПО наиболее активны на локальном и транснациональном уровнях — отчасти потому, что там и находятся проблемные места, вызывающие их озабоченность, а отчасти потому, что доступ к национальной политике перекрыт организованными на национальном уровне политическими партиями. Таким образом, организации, подобные Greenpeace или Amnesty

4. См.: *Mayer Margit*. The shifting local political system in European cities // Mick Dunford and Grigoris Kafkalas (eds). *Cities and Regions in the New Europe: The Global-Local Interplay and Spatial Development Strategies*. London: Belhaven Press, 1992; а также: *Castells Manuel, Hall Peter*. *Technopoles of the World: The Making of Twenty-First-Century Industrial Complexes*. London: Routledge, 1994.

5. Информацию по транснациональным движениям и НПО см. в ежегодниках *Global Civil Society*, издаваемых издательствами Oxford University Press (с 2001 по 2003 г.), Sage (с 2004 по 2009 г.) и Palgrave Macmillan (в настоящее время). См. также: www.gcsknowledgebase.org.

International, известны во всем мире; их эффективность обусловлена тем, что они одновременно действуют на нескольких разных уровнях — локальном, национальном и глобальном — и во многих разных местах. Кроме того, появились и другие разновидности транснациональных сетей: связи разнообразных видов культурной и спортивной деятельности, транснациональные религиозные и этнические группы, транснациональная преступность. Высшее образование принимает все более глобальный характер благодаря обмену студентами и преподавателями и возможностям Интернета.

Эти экономические и политические изменения также включают в себе далеко идущие изменения организационных форм. Большинство обществ характеризуется тем, что Бухарин называл «монизмом архитектуры»⁶. В нововременную эпоху у национальных государств, предприятий и военных организаций были очень похожие вертикальные формы иерархической организации — влияние нововременной войны на организационные формы, особенно опыта Второй мировой войны, было всеобъемлющим. Роберт Райх в своей книге «Труд народов» описывает, как предприятия из национальных вертикальных организаций, где власть была сконцентрирована в руках владельцев, стоявших на вершине пирамидальной цепи инстанций, превратились в глобальные феномены, больше всего похожие по своей организации паутину, где власть принадлежит тем, кто обладает техническим или финансовым «ноу-хау» и кто охватывает все точки этой паутины:

6. *Bukharin Nikolai*. Economics of the Transformation Period. New York: Bergman, 1971. *Бухарин Н. И.* Экономика переходного периода. М.: Государственное издательство, 1920. С. 24.

Они арендуют свои помпезные штаб-квартиры, огромные фабрики, склады, лаборатории, целые парки грузовиков и корпоративных самолетов. Их производственные рабочие, служба зданий и бухгалтеры работают по временным контрактам; их ключевые исследователи, разработчики и маркетологи участвуют в прибыли. Их безупречные исполнительные директора, вместо того чтобы пользоваться в этой сфере деятельностью огромной властью и авторитетом, мало над чем имеют непосредственный контроль. Не навязывая корпоративной империи свою волю, они внедряют свои идеи с помощью новых сетевых возможностей предпринимательства (*webs of enterprise*)⁷.

Нечто подобное происходит с правительственными и неправительственными организациями. Правительственные ведомства на всех уровнях развивают горизонтальные транснациональные связи, деятельность правительства все чаще передается в ведение сторонних организаций посредством различных механизмов приватизации и полуприватизации. Децентрализованные и горизонтальные формы организации, типичные для НПО или новых социальных движений, зачастую контрастируют с традиционными, вертикальными формами организации, типичными для политических партий⁸. Тем не менее политические лидеры, подобно корпоративным директорам, стали как максимум координаторами и людьми, формирующими общественное мнение, и как минимум — образами или символами,

7. *Reich Robert*. The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism. London: Simon & Schuster, 1993. P. 97.

8. *Melucci Alberto*. Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society. London: Hutchinson Radius, 1989.

публичными олицетворениями взаимосвязанных сетей экономической деятельности (*webs of activity*), практически неподконтрольных им.

Глобализация оказала глубокое негативное влияние на социальные структуры. В развитых промышленных странах численность традиционного рабочего класса либо уже снизилась, либо снижается в данный момент вместе с сокращением привязанного к конкретной территории массового производства. Вследствие повышения производительности труда и того, что труд на производстве менее квалифицирован, в серийном производстве занято меньше рабочих, а труд их оплачивается не слишком высоко (в особенности речь идет о женщинах и иммигрантах), а иногда производство и вовсе выводят в бедные страны.

При этом выросло число людей, которых Ален Турен называет информационными работниками⁹, а Роберт Райх — символическими аналитиками, тех людей, которые обладают и используют ноу-хау, которые, говоря словами Райха, выявляют, решают и утрясают проблемы посредством «манипуляции символами — данными, словами, устными и визуальными репрезентациями»¹⁰. Это те, кто работает в области технологий или финансов, в разросшейся сфере высшего образования или в бесчисленном множестве транснациональных организаций. Большинство людей не попадают ни в одну из этих категорий. Они либо работают в сфере услуг, будучи официантами и официантками, продавцами, таксистами, кассирами и т. д., либо вливаются в множащиеся ряды безработных, ставших нунуж-

9. *Touraine Alain*. The Post-Industrial Society. New York: Random House, 1971.

10. *Reich Robert*. The Work of Nations. P. 178.

ными вследствие повышения производительности труда, обусловленного глобализацией. Эта складывающаяся социальная структура находит свое отражение в росте неравенства доходов.

Неравенство доходов обусловлено также географическими различиями — как внутри, так и между континентами, странами и регионами. Неравенство нарастает между теми областями — главным образом развитыми промышленными регионами, — которые могут капитализировать свой научно-технический потенциал, и всеми остальными. Некоторые области могут добиться успеха, по крайней мере на какое-то время, притягивая к себе массовое производство. Речь идет о Юго-Восточной Азии, Южной Европе и, потенциально, Центральной Европе. Остальные оказываются в ловушке глобальной экономики, поскольку традиционные источники средств к существованию постепенно исчезают и при этом сами они не способны участвовать ни в производстве, ни в потреблении. Карты сегментации рынков, которые составляют глобальные предприятия, как правило, не включают значительную часть мира. Однако даже в пределах стран, континентов или, более того, крупных городов можно обнаружить эти ширящиеся географические различия — и это наблюдение справедливо как для развитого промышленного мира, так и для всего остального. Повсюду возникают границы между защищенными и преуспевающими глобальными анклавами и анархическими, хаотическими, пораженными бедностью областями за их пределами.

Тенденции, обрисованные выше, одновременно и случайны, и обусловлены определенными процессами. Например, нет никакой неизбежности в том, чтобы происходил рост социального, экономического и географического неравенства;

в какой-то мере эти формы неравенства являются следствием дезорганизации или организации, сложившейся на фоне прошлой бездеятельности. Впрочем, этот исторический уход от вертикальных культур, характерных для той эпохи национальных государств, которая дала начало духу национальной идентичности и чувству внутренней безопасности, можно рассматривать как данность. Конститутивную часть этих национальных культур составляли такие абстрактные символы, как деньги и право, образующие базис социальных отношений в обществах, где социальные взаимодействия лицом к лицу уже не являются преобладающими¹¹. Сейчас общим местом стали рассуждения о «кризисе идентичности» — чувстве отчуждения и дезориентации, которым сопровождается разложение культурных сообществ.

Впрочем, можно указать и на появление определенных форм культурной классификации. С одной стороны, есть те, кто видит себя частью глобального сообщества единомышленников, — главным образом это хорошо образованные информационные работники или символические аналитики, проводящие много времени в самолетах, на телеконференциях и т. д. и, возможно, работающие на какую-либо глобальную корпорацию, НПО или другую международную организацию, или же входящие, скажем, в сеть ученых или спортивных клубов или

11. Гидденс называет эти символы «разъединяющими механизмами». Ключевой характеристикой эпохи модерна было то, что он называет «пространственно-временным дистанцированием», когда социальные отношения могут строиться с «отсутствующими» другими. Он определяет глобализацию как растягивание пространственно-временного дистанцирования. См.: *Giddens Anthony. The Conditions of Modernity.* Cambridge: Polity, 1990.

художников и музыкантов и т. д. С другой стороны, существуют исключенные, которые могут считать или не считать себя членами локального или партикуляристского (религиозного или национального) сообщества.

Возникающие глобальные группировки до сих пор не политизированы или по крайней мере политизируются с трудом. Они не образуют базис политических сообществ, на который могли бы опереться новые формы власти. Отчасти это обусловлено индивидуализмом и аномией, характерными для текущего периода, — то чувство, что политическое действие тщетно, учитывая чудовищный объем текущих проблем, трудность контроля или влияния на паутиноподобную структуру власти, культурную фрагментацию как горизонтальных сетей, так и форм преданности партикуляризму. Этот политический вакуум отражается и в том, кого Райх называет *laissez-faire* космополитом, «отколовшимся» от национального государства и преследующим свои индивидуалистические консюмеристские интересы, и в тех неугомонных молодых преступниках, новых авантюристах, каких можно обнаружить во всех исключенных зонах.

Тем не менее в обеих группировках присутствуют семена политизации. Космополитическую политизацию можно локализовать — и в рамках новых транснациональных НПО или социальных движений, и в рамках международных институтов, а также в среде лиц, разделяющих приверженность человеческим ценностям (социальные и политические права для всех, экологическая ответственность, мир и демократия и т. д.) и понятию транснационального гражданского общества — идее, что самоорганизованные группы, действуя через границы, могут решать проблемы и лоббировать поли-

тические институты. Арабская весна и глобальная цепь протестов против банков создают потенциал для космополитической политизации. В то же время новую политику партикуляристских идентичностей также можно интерпретировать в качестве реакции на эти глобальные процессы, в качестве некоей формы политической мобилизации перед лицом растущего бессилия нововременного государства.

Политика идентичности

Я использую термин «политика идентичности», имея в виду движения, которые мобилизуются вокруг этнической, расовой или религиозной идентичности с тем, чтобы претендовать на государственную власть¹². А термин «идентичность» я употребляю в узком значении определенной формы присвоения ярлыка. Говорим ли мы о племенных конфликтах в Африке, религиозных на Ближнем Востоке или Южной Азии или националистических в Европе, их общей чертой является способ использования ярлыков в качестве основания для политических притязаний. Такие конфликты часто описываются как этнические. Термин «этнос» имеет расовые коннотации, пусть даже ряд авторов настаивает, что «этническая общность» означает некое культурное сообщество, а не сообщество, связанное общностью крови. Хотя очевидно, что этнические притязания не имеют расовой основы,

12. Это определение было развито Радхой Кумар. См.: *Kaldor Mary, Kumar Radha. New forms of conflict // Conflicts in Europe: Towards a New Political Approach. Helsinki Citizens' Assembly Publication Series 7, Prague, 1993.*

суть здесь в том, что, как правило, к этим ярлыкам относятся как к чему-то присущему от рождения и неизменному; они не приобретаются посредством обращения или ассимиляции. Вы — немец, если ваша бабушка была немкой, даже если вы не владеете немецким языком и никогда не были в Германии, но если ваши родители — турки, то вы не являетесь немцем, хотя вы и живете и работаете в Германии. Католик, рожденный в Западном Белфасте, обречен оставаться католиком, даже если он или она обратятся в протестантизм. Хорват не может стать сербом, приняв православие и начав писать кириллицей. В той мере, в какой эти ярлыки считаются прирожденным правом, конфликты на основе политики идентичности также могут быть терминологически обозначены как этнические конфликты. Во многих случаях эти идентичности имеют как религиозный, так и националистический характер¹³. Говорить о политической идентичности мусульман в Боснии, католиков в Северной Ирландии или индуистов в Индии — значит говорить о национальной идентичности. Конечно, существуют формы политики идентичности, в которых ярлыки не являются прирожденным правом, но могут закрепляться в добровольном или принудительном порядке. Более того, в зонах эндемичного конфликта политика идентичности зачастую становится более крайней и приобретает форму фундаментализма, иначе говоря — жесткой приверженности доктрине. Например, определенные секты воинствующего ислама нацелены на создание чистых исламских

13. См.: *Kaldor Mary, Diego Muro Diego. Religious and nationalist militant networks // Mary Kaldor, Helmut Anheier and Marlies Glasius (eds). Global Civil Society 2003. Oxford: Oxford University Press, 2003.*

государств путем обращения немусульман — в противоположность их исключению¹⁴.

Термин «политика» обозначает притязание на политическую власть. Во многих частях света происходит религиозное возрождение или наблюдается рост интереса к сохранению локальных культур и языков, и отчасти это является откликом на давление глобализации. Следствием политических кампаний по защите или поощрению религии или культуры зачастую могут становиться притязания на власть, призванные гарантировать принятие соответствующего курса. Как бы то ни было, под политикой идентичности имеется в виду не это. Подобные политические кампании суть требования культурных и религиозных прав. Они совсем не то же, что требование политических прав на основе идентичности, иными словами — права на власть на основе идентичности в противоположность запросу на власть на основе политической программы. Политика идентичности — это разновидность коммунитаризма, которая отлична от индивидуальных политических прав и может вступать с ними в конфликт.

Еще одним способом, позволяющим обозначить это различие, служит противопоставление политики идентичности и политики идей. Политика идей связана с проектами прогрессивного толка. Так, религиозная борьба в Западной Европе XVII столетия

14. В своем анализе конфликтов с участием политического ислама, Мохамед Эль-Сайед Саид проводит различие между исламом, основывающимся на политике миссионерства, и исламом, основывающимся на политике идентичности. Иранская революция — это пример первого, а исламистские движения в Индии — второго. См.: *Conflicts involving Islam*// Mary Kaldor and Basker Vashee (eds). *Restructuring the Global Military Sector*.

разворачивалась вокруг освобождения индивида от тиранической власти государственной церкви. Националистические движения в Европе XIX века или в колониальной Африке стремились к установлению демократии и государственному строительству. Эта борьба была способом сплочения разнородных групп людей под общим именем нации в целях модернизации. Не так давно в политике стали доминировать абстрактные светские идеи, такие как социализм или энвайронментализм, которые предлагают некую общую картину будущего. Этот тип политики, как правило, интегративен, он охватывает всех сторонников идеи, даже если универсалистский характер таких идей может служить оправданием тоталитарных и авторитарных практик (что и продемонстрировал недавний опыт).

В противоположность этому, политика идентичности, как правило, фрагментарна, регрессивна и эксклюзивна. Политические группировки, основывающиеся на эксклюзивной идентичности, как правило, представляют собой движения ностальгического характера, в основе которых лежит реконструкция героического прошлого, память о несправедливости (действительной или воображаемой) и о знаменитых битвах (выигранных или проигранных). Они становятся значимыми в атмосфере незащищенности, возродившегося страха исторических врагов или чувства угрозы со стороны носителей иных ярлыков. Ярлыки всегда можно так или иначе делить и подразделять. Никакой культурной чистоты или гомогенности не существует. Любое политическое устройство на основе эксклюзивной идентичности обязательно порождает некое меньшинство. В лучшем случае политика идентичности влечет за собой психологическую дискриминацию в отношении маркированных иными ярлыками.

В худшем случае она ведет к изгнанию населения и геноциду.

Новая политика идентичности возникает из дезинтеграции или эрозии структур нововременного государства, в особенности централизованных, авторитарных государств. Крах коммунистических государств после 1989 года, утрата легитимности в постколониальных государствах в Африке или Южной Азии или даже упадок социальных государств (welfare states) в более развитых индустриальных странах обеспечивают ту среду, в которой возвращаются новые формы политики идентичности.

Новая политика идентичности имеет два главных источника, связанных с глобализацией. С одной стороны, ее можно рассматривать как реакцию на рост бессилия и падение легитимности устоявшихся политических классов. С этой точки зрения она является поощряемой сверху политикой, играющей на широко распространенных предрасудках, которые она же и внедряет. Она является формой политической мобилизации — тактикой выживания — для политиков, активно участвующих в национальной политике либо на уровне государства, либо на уровне регионов с ярко выраженным национальным характером, как в случае республик бывшей Югославии или бывшего Советского Союза или в местах, подобных Кашмиру или Эритрее до обретения ими независимости. С другой стороны, она появляется на фоне тревог, обусловленных процессом глобализации, и в частности появлением того, что может быть описано как параллельная экономика (новые формы законных и незаконных способов обеспечения своего существования, которые возникли среди исключенных слоев общества), и образует некий способ легитимировать эти новые теневые формы экономической деятельности.

Так, в Восточной Европе события 1989 года усугубили влияние глобализации, подорвав национальное государство и на краткий «переходный» отрезок времени высвободив новые формы экономической деятельности, так что национализм сверху и данная форма национализма снизу образовали взрывоопасную смесь¹⁵.

В Восточной Европе национализм в качестве формы политической мобилизации использовался и ранее 1989 года. Национальное сознание, особенно в бывших коммунистических многонациональных государствах, сознательно культивировалось в контексте, где не допускались идеологические различия и где общества, в теории, были социально гомогенизированы и «социально зачищены»¹⁶. Национальность (или определенные официально признаваемые национальности) стала главным легитимным прикрытием для преследования разнообразных политических, экономических и культурных интересов. Особую важность это имело в бывшей Югославии и Советском Союзе, где национальное своеобразие «оберегалось конституцией»¹⁷.

Функционирование дефицитных экономик укрепило данные тенденции. В теории предполагалось, что плановые экономики упразднят конкуренцию. Несомненно, подобное планирование упраздняет конкуренцию за рынки. Однако оно порождает другую форму конкуренции — конкуренцию за ресурсы. В теории план составляется рациональн

15. Этим указанием я обязана Ивану Вейводе.

16. Это выражение использует Кэтрин Вердери в статье «Nationalism and national sentiment in post-socialist Rumania» (Slavic Review. 1993. Vol. 52. No. 2).

17. Ibid. P. 82. См. также: Hayden Robert M. Constitutional nationalism in the formerly Yugoslav republics // Slavic Review. 1992. Vol. 51. No. 4.

ми разработчиками и спускается вниз по вертикальной цепи инстанций. На практике он «обрастает» дополнениями, проходя через бесчисленные бюрократические согласования, и впоследствии «срывается». Фактически план действует в качестве выражения бюрократического компромисса, и по причине «мягких» бюджетных ограничений отдельные предприятия всегда тратят больше, чем ожидалось. Следствие этого — порочный круг, когда дефицит интенсифицирует конкуренцию за ресурсы и стремление министерств и предприятий к тезаврации и автаркии, что еще больше интенсифицирует дефицит. В этом контексте национальность становится орудием, которое может использоваться для дальнейшего поддержания конкуренции за ресурсы¹⁸.

Уже в начале 1970-х годов были авторы, предупреждавшие о возможном взрыве национализма в бывшем Советском Союзе в результате использования национальной политики для поддержания загнивающего социалистического проекта¹⁹. В классической статье, опубликованной в 1974 году, Тереза Раковска-Хармстоун использовала термин «новый национализм», чтобы описать «новый феномен, который присутствовал даже у людей, на момент революции имевших лишь зачаточное чувство общей культуры»²⁰. Советская политика со-

18. Этот аргумент также развит Кэтрин Вердери. См. в частности: «Ethnic relations, economics of shortage and the transition in Eastern Europe», in C. M. Hann (ed.). *Socialism: Ideals, Ideology and Local Practice*. London: Routledge, 1993.

19. См., напр.: *Amalrik Andrei*. *Will the Soviet Union Survive Until 1984?* London: Penguin, 1970; D'Encausse *Helene Carrere*. *Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt*. New York: Newsweek, 1979.

20. *Rakowska-Harmstone Teresa*. *The dialectics of nationalism in the USSR//Problems of Communism*. 1974. Vol. 23. No. 1.

здали иерархию национальностей, основывавшуюся на тщательно выстроенной административной структуре, в которой статус национальностей привязывался к статусу территориально-административных единиц — республик, автономных областей и автономных краев. В рамках этих административных механизмов продвигались коренные язык и культура так называемой титульной национальности, а представители титульной национальности пользовались преимуществом в местных административных органах и сфере образования²¹. Эта система положила начало тому, что описано Заславским как «взрывное разделение труда», когда управленческая и интеллектуальная элита коренного народа брала верх над завезенным русским городским рабочим классом и коренным сельским населением²². Развитие национального сознания использовалось местной элитой для продвижения административной автономии, особенно в экономической сфере.

Как я говорила в предыдущей главе, сходный процесс происходил в бывшей Югославии, особенно после вступления в силу конституции 1974 года, которая закрепила статус составлявших федерацию народов и республик и ограничила полно-

21. Во многих случаях эти титульные национальности были искусственны. Например, Таджикистан — это новоизобретенная территориальная единица. Таджикский язык — это получивший кириллический алфавит персидский диалект, на котором говорят в некоторых местах Ирана и Афганистана. Главные таджикские центры цивилизации, Самарканд и Бухара, в конце концов оказались за пределами его границ — в Узбекистане.

22. *Zaslavsky Victor*. Success and collapse: traditional Soviet nationality policy // Ian Bremmer and Ray Taras (eds). *Nations and Politics in Soviet Successor States*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

мочия федерального правительства. Эти многонациональные государства удерживались в единстве благодаря монополии коммунистической партии. В результате событий 1989 года, когда был дискредитирован социалистический проект и монополия партии наконец рухнула и когда впервые были проведены демократические выборы, национализм перерос в открытую стадию. В ситуации, когда выбор между партиями мал, когда нет традиции политических дебатов, когда новые политики едва известны, национализм становится механизмом политической дифференциации. В обществах, где люди знают, что от них ожидается голосование в определенном ключе, где они не привыкли к политическому выбору и, может быть, остерегаются принять его как нечто само собой разумеющееся, голосование по национальному признаку стало наиболее очевидным вариантом.

Национализм представляет собой и преемственную связь с прошлым, и способ отказа от или «забвения» причастности прошлому. Он представляет собой преемственность отчасти из-за тех способов, которыми он взращивался в предшествующую эпоху (и не только в многонациональных государствах), а отчасти потому, что его форма весьма сходна с предшествующими идеологиями холодной войны. В частности, коммунизм расцвел на почве военной ментальности «мы-они», «хорошие-плохие» и вознес на высоту понятие гомогенного коллективного сообщества. В то же время национализм — это способ отказа от прошлого, поскольку коммунистические режимы открыто осуждали национализм. Как и в случае фанатичной приверженности рынку, национализм — это форма отрицания того, что было раньше. Коммунизм можно трактовать в качестве «чужака» или «иностранца»,

особенно в странах, которые были заняты советскими войсками, таким образом снимая вину с тех, кто принимал режим, терпимо относился к нему или сотрудничал с ним. Так или иначе национальная идентичность чиста и незапятнанна по сравнению с другими профессиональными или идеологическими идентичностями, которые предопределял прежний исторический контекст.

Подобные тенденции можно наблюдать и в других местах. Уже к 1970–1980-м годам стала очевидна хрупкость постколониальных административных структур. Государствам в Африке и Азии приходилось справляться с крушением надежд, возникших после обретения независимости, провалом проекта развития по преодолению бедности и неравенства, тревогами, связанными с ускоренной урбанизацией и распадом традиционных сельских сообществ, а равно и воздействием структурной перестройки и политики стабилизации, либерализации и дерегулирования. Кроме того, на внутреннем положении (как в случае бывшей Югославии) отразилась утрата после окончания холодной войны международной идентичности, основанной на членстве в движении неприсоединения. И правящие политики, и стремящиеся к власти лидеры оппозиции по-разному начали играть на партикуляристских идентичностях: оправдывать авторитарную политику, создавать козлов отпущения, мобилизовать сторонников вокруг чувства страха и незащищенности. Во многих постколониальных государствах правящие партии считали себя левыми партиями, занимающими место освободительных движений. Как и в посткоммунистических странах, отсутствие легитимного освободительного движения сделало политику открытой для притязаний племенной или клановой либо религиозной или языковой группы.

В доколониальный период у большинства обществ были лишь расплывчатые представления об этнической идентичности. Европейцы, с их страстью к классификации, с их переписями и удостоверениями личности, навязали более жесткие этнические категории, которые в дальнейшем эволюционировали наряду с развитием коммуникаций, дорог и железных дорог и появлением в некоторых странах печати на родном языке. В некоторых случаях эти категории были довольно искусственными: различие хуту и тутси в Руанде и Бурунди было грубым, главным образом социальным различием, сделанным еще до введения бельгийской администрацией удостоверений личности; подобным же образом изобретением бельгийцев по большому счету было и племя нгала, из которого, как утверждал бывший президент Заира Мобуту, он происходил. После обретения независимости большинство правящих партий делали ставку на светскую национальную идентичность, охватывающую нередко многочисленные этнические группы в пределах искусственно установленной территории этих новых наций. По мере того как угасали надежды, связанные с обретением независимости, многие политики начали обращаться к партикуляристским тенденциям. Вообще говоря, чем слабее были административные структуры, тем раньше это и происходило. В некоторых странах, таких как Судан, Нигерия или Заир, сформировались «хищнические» режимы, в которых доступ к власти и личному богатству зависел от религии или рода²³.

23. См., напр.: *Lewis Peter*. From prebendalism to predation: the political economy of decline in Nigeria // *Journal of Modern African Studies*. 1996. Vol. 34. No. 1; *Igwara Obi*. Holy Nigerian nationalisms and apocalyptic visions of the nation // *Nations and*

В Индии, где демократия продержалась почти весь период после получения независимости, использование в 1970-х годах партией конгресса индуистских ритуалов и символов проложило дорогу новым формам политической мобилизации на основе идентичности, а именно религии²⁴.

Многие из этих государств были определенно интервенционистскими. По мере того как в 1970-х годах иностранная помощь стала замещаться коммерческими займами, по мере возрастания внешнего долга и введения программ «структурной перестройки», государственные доходы сократились и, как и в бывших коммунистических странах, интенсифицировалась политическая конкуренция за контроль над ресурсами. Окончание холодной войны означало сокращение иностранной помощи таким странам, как Заир или Сомали, которые на тот момент считались стратегически важными. В то же время давление, имевшее своей целью демократизацию, вызвало все более отчаянные усилия сохранить власть, зачастую при помощи подстегивания этнической напряженности и других форм политики идентичности. Рост исламских движений на Ближнем Востоке был обусловлен разочарованием в светских националистических постколониальных режимах.

Вследствие событий 1989 года даже в развитых странах стала гораздо нагляднее эрозия легитимности, обусловленная снижением автономии национального государства и коррозией традиционных,

Nationalism. 1995. Vol. 1. No. 3; *Kisangani Ermizet N. F. Zaire after Mobutu: a case of a humanitarian emergency*//WIDER Research for Action 32. Helsinki: UNU/WIDER, 1997.

24. См.: Cynthia Brown and Farhad Karim (eds). *Playing the «Communal Card»: Communal Violence and Human Rights*. London and New York: Human Rights Watch, 1995.

зачастую связанных с промышленностью источников социальной сплоченности. Была подорвана специфичная западная идентичность, определявшаяся отношением к советской угрозе, поскольку защищать демократию становится труднее, если не ссылаться на ее отсутствие в других местах. Действительно, риторику «войны с террором» можно рассматривать как способ переизобретения этой характерной западной идентичности. Не менее значим и растущий консенсус крупных политических партий, так как в контексте глобализации и господствующей идеологии, выдвигающей на первый план бюджетную дисциплину и контроль над инфляцией, сужается простор для принципиального различия политических позиций по экономическим и социальным вопросам. Национализм или семена национализма, такие как законы о предоставлении убежища или движение против иммиграции, эксплуатируются в качестве политических форм дифференциации партий. В последние годы крайне правые партии умудрились захватить значительную часть голосов в таких местах, как Франция, Нидерланды, Бельгия и другие страны. В США Республиканская партия намеренно наращивает ряды своих избирателей за счет фундаменталистских христианских церквей и недавно возникшего «Движения чаепития». В Австралии с платформой, явно направленной против политики приема беженцев, к власти пришла Консервативная партия. Особый вес ксенофобские идеи приобрели вследствие событий 11 сентября в связи с ростом чувства незащищенности.

Конечно, западные страны не разделяют опыт коллективистского авторитаризма, хотя некоторые регионы, такие как Северная Ирландия, где сильна партикуляристская политика, как прави-

ло, являются регионами со слабой демократией. Активное гражданское общество обычно уравнивает недоверчивое отношение к политикам, отчуждение от политических институтов, обеспечивающее потенциальную основу для популистских тенденций чувство апатии и тщетности. Как бы то ни было, «выделение» новых космополитических классов с фрагментацией и зависимым положением тех, кто отлучен от выгод глобализации, характерно также и для развитых промышленных стран.

Другой главный источник новой политики идентичности — это чувство незащищенности, обусловленное глобализацией, особенно ускоренной урбанизацией и параллельной экономикой. В значительной степени это может быть отнесено на счет неолиберального курса, осуществлявшегося в 1980–1990-х годах (макроэкономическая стабилизация, дерегулирование и приватизация), который фактически представлял собой ускорение процесса глобализации. Этот курс увеличил численность безработных, повысил уровень истощения ресурсов и неравенства доходов, привел к ускоренной урбанизации и усилил миграцию из деревни в город, а также из-за рубежа. Эти изменения в свою очередь подготовили среду для растущей криминализации и создания коррупционных сетей, сетей из участников черного рынка, торговцев оружием и наркотиками и т. д. В обществах, где государство контролировало значительные сегменты экономики и где не существует самоорганизующихся рыночных институтов, политика «структурной перестройки» или «перехода» фактически означает отсутствие всякого рода регулирования. Рынок сам по себе не означает появления новых автономных производственных предприятий; он означает коррупцию, спекуляцию и преступления. Новые

группы теневых «бизнесменов», зачастую связанные с разлагающимся институциональным аппаратом посредством различных форм взяточничества и «инсайдерских» сделок, заняты своего рода первоначальным накоплением — расхищением земли и капитала. Они пользуются языком политики идентичности для выстраивания альянсов и легитимации своей деятельности. Часто эти сети связаны с войнами, например в Афганистане, Пакистане и больших частях Африки, и с дезинтеграцией военно-промышленного комплекса в результате холодной войны. Они нередко имеют транснациональный характер и участвуют в международном обороте незаконных товаров, иногда посредством связей в диаспоре.

Помимо этого, религиозные институты или гуманитарные организации, связанные с националистическими или религиозными партиями, нередко предоставляют единственную систему социальной защиты, которая доступна недавно прибывшим мигрантам из сельской местности или из других стран. Подобным образом, учитывая наличную экономическую политику, частью которой становится урезание социальных расходов, в том числе на образование, идет рост религиозных школ и общинных организаций.

Типичный феномен — новые молодежные банды, новые искатели приключений, добывающие средства на существование насилием или угрозами насилия, приобретающие излишки оружия на черном рынке или посредством разграбления военных складов; их власть либо основана на партикуляристских сетях, либо они с помощью партикуляристских притязаний стремятся добиться авторитета. Эти сети могут включать в себя боевиков Закавказья, которые захватывают заложников, чтобы обме-

нять их на еду, оружие, деньги, других заложников и даже тела погибших, мафиозные круги в России, новых казаков, которые обрядились в казацкую униформу для того, чтобы «защищать» русскую диаспору в ближнем зарубежье, группы ополченцев-националистов из числа неработающей молодежи в Западной Украине или Западной Герцеговине. Все эти группы подпитываются, подобно стервятникам, за счет останков теряющего целостность государства и за счет фрустраций и негодования бедняков и безработных. Такую же породу беспокойных политических авантюристов можно обнаружить в зонах конфликта в Африке и Южной Азии²⁵.

В той или иной степени новая политика идентичности объединяет в себе эти два источника партикуляризма. Бывшие административные или интеллектуальные элиты вступают в союз с пестрым сборищем авантюристов с задворок общества, чтобы в целях захвата и сохранения власти мобилизовать исключенных и покинутых, отчужденных и незащищенных. Чем сильнее чувство незащищенности, чем сильнее поляризация общества, тем меньше свободного места для альтернативных объединяющих политических ценностей. В военных условиях такие альянсы цементируются общей причастностью к военным преступлениям и взаимной зависимостью от непрерывного функционирования

25. Описание этого феномена есть во многих источниках, см.: Life, Death and Aid: The Médecins Sans Frontières. Report on World Crisis Intervention. London: Routledge, 1993. Вот как описывается марш на столицу Национально-патриотического фронта Либерии Чарльза Тейлора: «Постоянно пьяные или обкурившиеся марихуаны, в париках, в свадебных платьях или сварочных очках, они являли своим поведением глубокий кризис идентичности, в который их завел их вдребезги расколотый мир» (p. 56).

военной экономики. План массового геноцида в Руанде был способом, благодаря которому экстремисты из хуту могли удержаться во власти, учитывая экономический кризис и международное давление, имевшее своей целью демократизацию. Эксперты из НПО Africa Rights говорят: «Целью экстремистов было вовлечь в убийства всю массу простых хуту. Таким образом каждый был бы запятнан кровью геноцида. Назад пути уже не было бы»²⁶. Интенсификация войны в Кашмире, в которую втянулись и афганские *моджахеды*, создала поляризацию между индуистами и мусульманами, и эта поляризация все сильнее вытесняет синкретические традиции и общие узы, основанные на кашмирской идентичности, — *кашмирияте*²⁷. Одним из объяснений буйства националистических настроений в бывшей Югославии является тот факт, что там сконцентрировано все разнообразие источников новой политики идентичности: в бывшей Югославии была самая вестернизированная, более того, космополитическая элита по сравнению со всеми остальными восточноевропейскими странами, чем углублялась обида исключенных; страна пережила националистическую бюрократическую конкуренцию, типичную для централизованного государства в состоянии упадка; и, поскольку она была поставлена в условия перехода к рынку раньше, чем другие восточноевропейские страны, ее параллельная экономика была лучше развита. Даже с этими предпосылками потребовалась жесточайшая война,

26. *Omaar Rakiya, de Waal Alex.* Rwanda: Death, Despair and Defiance. London: Africa Rights, 1994. P. 35.

27. *Ganguly Sumit.* Explaining the Kashmir insurgency: political mobilisation and institutional decay // International Security. 1996. Vol. 21. No. 2.

чтобы сформировать ту ненависть, на основе которой можно было бы реконструировать какие-то исключительные идентичности.

Новая форма политики идентичности часто трактуется как некий откат в прошлое, возвращение к досовременным идентичностям, временно вытесненным или подавленным модернистскими идеологиями. Это, конечно, именно тот случай, когда новая политика эксплуатирует ресурсы памяти и истории и когда восприимчивее к этой новой политике оказываются определенные общества с наиболее укрепившимися культурными традициями. Однако, как я уже сказала, на самом деле имеет значение недавнее прошлое и, в частности, влияние глобализации на политическое выживание государств. Кроме того, эта новая политика обладает абсолютно новыми, современными атрибутами.

Прежде всего, она не только вертикальна, но и горизонтальна, не только национальна, но и транснациональна. Почти во всех новых национализмах, благодаря возросшей интенсивности средств сообщения, диаспоры играют гораздо более важную роль, чем раньше. Эмигрантские националистические группы, замышлявшие в парижских или лондонских кафе планы освобождения своей страны, были всегда. Однако ввиду масштабов эмиграции, легкости путешествий и распространения электронных средств сообщения такие группы стали гораздо крупнее и гораздо значительнее. Существует два типа диаспор. С одной стороны, есть меньшинства, живущие в ближнем зарубежье, которых страшит их уязвимость перед лицом местного национализма и которые зачастую демонстрируют больший радикализм, нежели те, кто живет на родине. Они представлены, например, сербами, живущими в Хорватии и Боснии и Герцеговине, русскими меньшин-

ствами во всех новых экс советских республиках, венгерским меньшинством в Воеводине, Румынии, Украине и Словакии, тутси, живущими в Заире или Уганде. С другой стороны, есть живущие вдали, зачастую в новых «плавильных котлах», группы недовольных, которые находят утешение в фантазиях о своем происхождении, часто весьма далеких от действительности. Идея сикхской родины Халистана, мысль об объединении Македонии и Болгарии, требование независимой Рутении — все это пошло от диаспор в Канаде. Поддержка Ирландской республиканской армии (ИРА) американцами ирландского происхождения, силовой конфликт между греческой и македонской общинами в Австралии и давление со стороны хорватских групп в Германии с требованием признания Хорватии — вот дальнейшие примеры влияния диаспор.

Определяющую роль диаспора играла у косовских албанцев, особенно в Германии и Швейцарии. Из страны уехало много тех, кто принимал участие в протестах и студенческих демонстрациях в начале 1980-х годов. В 1990-х годах с полумиллиона косовских албанцев, живших и работавших за границей, взимался трехпроцентный подоходный налог. Кроме того, из Швейцарии велись албаноязычные телевизионные передачи и их могли принимать те косовские албанцы, у которых были спутниковые тарелки. После 1997 года стал возможен рост влияния АОК (Армии освобождения Косова), так как многие представители албанской диаспоры, прежде бывшие сторонниками ненасильственного националистического движения, стали поддерживать АОК.

От групп, живущих в диаспоре, идут идеи, деньги, оружие и «ноу-хау» — зачастую с непредсказуемыми последствиями. Среди тех, кто сочиняет новые националистические манифесты, встречаются эми-

гранты-романтики, иностранные наемники, дельцы и инвесторы, владельцы пиццерии из Канады и т. д. Радха Кумар описала ту поддержку, которую живущие в США индийцы оказывают индуистским фундаменталистам: «Оторванные от страны происхождения, зачастую живущие чужаками на чужой земле, в одно и то же время чувствующие себя лишенными своей культуры и виноватыми в том, что убежали от проблем „дома“, эмигранты обращаются к национализму диаспор, не сознавая того насилия, которое их действия могут непреднамеренно запустить»²⁸. Транснациональные сети того же рода можно обнаружить и среди религиозных группировок. Хорошо известно о связях между исламскими общинами, однако контакты подобного рода существуют и между другими религиозными группами. Я была в кабинете так называемого министра иностранных дел Южной Осетии, отколовшегося региона Грузии, и на стене у него висел портрет лидера боснийских сербов Караджича. Он объяснил, что получил этот портрет от делегации Республики Сербской, когда был на встрече православных христиан.

К тому же в результате улучшения образования и роста численности образованных классов, равно как вследствие появления новых технологий, сильно выросла способность к политической мобилизации. Многие объяснения того, почему политический ислам набирает силу, акцентируют внимание на появлении в недавнее время слоя образованных горожан, зачастую исключенных из сфер власти, на увеличении числа исламских школ и расшире-

28. *Kumar Radha*. Nationalism, nationalities and civil society // Nationalism and European Integration: Civil Society Perspectives. Helsinki Citizens' Assembly Publication Series 2. Prague, 1991.

нии аудитории газет²⁹. Новые «воображаемые сообщества» создаются благодаря росту грамотности среди носителей местных языков, вкупе с распространением газет таблоидного типа, нацеленных на местные сообщества, а также благодаря радио и телевидению на родных языках, охватывающих людей, у которых до сих пор нет привычки читать; в этом же ряду СМС-рассылки, доступ к веб-сайтам и форумам в Интернете, циркуляция видеофильмов. Эти новые формы электронной коммуникации предоставляют быстрые и эффективные способы распространения партикуляристского послания. В особенности электронные медиа имеют авторитет, не сравнимый с влиянием газет; в Африке есть места, где радио считается «магией». Хождение кассет с проповедями воинствующих исламских проповедников, использование радио «ненависти» для подстрекания людей к геноциду в Руанде, веб-сайты, прославляющие зверства, контроль над телевидением со стороны националистических лидеров в Восточной Европе — все это образует механизмы ускорения темпов политической мобилизации.

Космополитизм *versus* партикуляризм

Энтони Смит в своей книге «Нации и национализм в глобальную эпоху» полемизирует со взглядом, что национальные государства — это анахронизм³⁰. Он утверждает, что новым глобальным классам

29. См.: *Roy Oliver*. The Failure of Political Islam. London: Taurus, 1994; см. также: *Gellner Ernest*. Postmodernism, Reason and Religion. London and New York: Routledge, 1992.

30. *Smith A. D*. Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity, 1996.

по-прежнему необходимо испытывать чувство общности и идентичности, основанное на том, что он называет «этническими общностями», чтобы преодолеть отчуждающее влияние их научно-технического универсализирующего дискурса. И он критикует, называя его модернистской ошибкой, мнение, согласно которому национальные государства — это искусственный и временный курс, перевалочный пункт в эволюции к глобальному обществу. Новый национализм он считает свидетельством стойкости этнических общностей и предлагает позитивно взглянуть на культурный сепаратизм, который понимается им как некий способ более надежного утверждения национальных государств на основе господствующей этнической общности, позволяющий им при этом воспринимать и гражданские идеалы.

Вполне возможно, что новые партикуляристские идентичности сохранятся надолго, что они являются выражением нового постмодернистского культурного релятивизма. Однако сложно утверждать, что в них мы имеем некую основу для гуманистических гражданских ценностей, именно потому что они не способны олицетворять собой проект прогрессивного толка, отвечающий новому глобальному контексту. Главным следствием глобализации является то, что территориальный суверенитет больше не достигим. Попытки вернуть власть в границах отдельного пространственного домена в дальнейшем будут лишь подрывать возможности влиять на события. Это не означает, что новая форма партикуляристской политики идентичности исчезнет. Скорее это рецепт для новых замкнутых хаотичных малых государств, границы которых постоянно оспариваются и выживание которых зависит от продолжения насилия.

Партикуляристы не могут обойтись без тех, кто носит иной ярлык. Глобализация, как подразумевает само это имя, глобальна. Повсюду, в той или иной степени, те, кто пользуется преимуществами глобализации, вынуждены разделять одну территорию с теми, кто исключен из участия в ее выгодах, но на ком тем не менее глубоко отразились ее негативные последствия. И проигравшие, и выигравшие нужны друг другу. Ни один клочок земли больше не может изолироваться от внешнего мира, каким бы малым или большим он ни был.

Конечно, можно предвидеть новый рост значения региональной и локальной политики (и это уже происходит, особенно на Ближнем Востоке), некую претензию на более полную демократическую подотчетность различных структур на региональном и локальном уровнях. Однако если подобным притязаниям суждено иметь благополучный исход, им не обойтись без глобального контекста; надо, чтобы они несли с собой большую открытость и больший доступ к глобальным уровням управления и основывались на более полной демократической подотчетности всех обитателей той территории, о которой идет речь, а не только тех, кто носит некий конкретный ярлык. Таким образом, необходимо, чтобы этот тип политики встроился бы в то, что можно описать как космополитическое политическое сознание.

Под космополитизмом я не подразумеваю отказ от идентичности. Напротив, я имею в виду торжество многообразия различных идентичностей по всему свету, принятие и, более того, воодушевление по поводу множественных пересекающихся идентичностей, в то же время приверженность идее равенства всех человеческих существ и уважения человеческого достоинства. Этот термин вос-

ходит к кантовскому понятию «права гражданина мира», которое сочеталось с признанием отдельных суверенитетов; таким образом, он согласует и универсализм, и многообразие. Кваме Энтони Аппиа говорит о «космополитическом патриоте» или «укорененном космополите, привязанном к своему собственному дому с его собственной культурной спецификой, которому тем не менее в радость существование разных людей». Он отличает космополитизм от гуманизма, «потому что космополитизм — это не просто ощущение того, что всякий человек имеет значение. Дело в том, что космополит относится с уважением еще и к тому факту, что человеческое бытие складывается *по-разному* в разных местах, тогда как гуманизм, напротив, согласуется с желанием всемирной гомогенности»³¹.

Можно выделить два возможных источника космополитического политического сознания. Один источник — это своего рода космополитизм сверху, он заметен в множющихся международных организациях, часть которых, в особенности ЕС, наращивает надгосударственные полномочия. У этих институтов формируется своя собственная логика и свои внутренние структуры. Они не берутся за ту или иную деятельность, используя собственные ресурсы, а санкционируют ее осуществление другими. Их функционирование осуществляется посредством комплексного партнерства, соглашений о кооперации, переговоров и посредничества с другими организациями, государствами и частными или полугосударственными группами. Их деятельность ограничена недостатком ресурсов и в связи с этим межправительственными договоренностями,

31. Appiah Kwame Anthony. Cosmopolitan patriots. P. 618.

которые делают ее крайне сложной, вынуждая действовать на основе отнимающих время и зачастую неудовлетворительных компромиссов. Во многих этих институтах работают преданные делу сотрудники-идеалисты. Они заинтересованы в поиске альтернативных источников легитимности для своих, порой внушающих разочарование, глав государств.

Другой источник — это то, что можно было бы описать как космополитизм снизу: новые общественные движения, равно как и то, что в 1990-х годах стали называть неправительственными организациями (НПО). Эта новая форма активизма развилась с начала 1980-х годов главным образом в ответ на новые глобальные проблемы, но особенно явно она проявилась вслед за финансовым кризисом и кризисом авторитаризма на Ближнем Востоке в политике площадей, палаточных городов и *Facebook*. Предтечами этих новых движений были общественные форумы, появившиеся в начале 2000-х годов. Одиннадцать миллионов человек, которые 15 февраля 2003 года вышли по всему миру на демонстрацию против войны в Ираке, подтвердили рост такой формы организации. Конечно, не всякий участник этих мероприятий — космополит. Многие являются жаждущими возвращения к национальному государству антиглобалистами, которые ради общей цели время от времени объединяются с группами, связанными с политикой идентичности, например националистами или исламистами на Ближнем Востоке.

В настоящий момент космополитизм и партикуляризм сосуществуют бок о бок на одном и том же географическом пространстве. Космополитизм, как правило, более широко распространен на Западе и менее — на Востоке и Юге. Однако по всему миру, в отдаленных деревнях и городах, можно встретить

людей обоего сорта. В новых партикуляристских конфликтах становятся заметны группы бесстрашных людей, которые стараются противостоять войне и эксклюзивизму, — это и местные жители, зачастую женщины, и те, кто добровольно приезжает из-за рубежа, чтобы оказать гуманитарную помощь, оказать содействие в качестве посредников и т. д. Местные группы набирают силу в той степени, в какой они могут получить доступ к транснациональным сетям или поддержку и защиту с их стороны.

Войны сужают пространство для развития космополитизма. Партикуляризм того или иного рода нужен друг другу для поддержания в силе своих исключительных идентичностей; отсюда вытекает парадоксальное сочетание конфликта и кооперации. Именно космополитизм оспаривает призыв партикуляризма, и мишенями в войнах часто становятся люди, олицетворяющие гуманные гражданские ценности. Более того, война как таковая может быть понята как некая форма политической мобилизации, сама создающая небезопасную среду, где процветают партикуляристские группы. Зоны конфликта становятся «черными дырами» — прибежищами для фанатиков и уголовников, возвращающими новый терроризм. Появляются все новые и новые отгораживающиеся от остального мира зоны, такие как Сомали или Афганистан, а теперь еще и Ирак, где разрозненные гуманитарные учреждения с осторожностью прокладывают себе путь переговорами и взятками, чтобы помочь нуждающимся. Некоторые полагают, что подобные ситуации — предвестники будущего для большей части стран мира³². Ничто так не поляризует, как наси-

32. См.: *Kaplan Robert D. The coming anarchy // Atlantic Monthly. February 1994.*

НОВЫЕ ВОЙНЫ И ПОЛИТИКА

лие, и ничто с большей вероятностью не вызывает разочарование в утопичных инклюзивных проектах. «Сараево — это будущее Европы. Это конец истории», — так часто говорили лишившиеся иллюзий сараевские космополиты. Но политика никогда не является чем-то предопределенным. Можно ли представить себе какое-то иное будущее — это в конечном счете вопрос выбора.

5. Глобализированная военная экономика

ТЕРМИН «военная экономика» обычно обозначал систему — централизованную, подчиняющую себе все и автаркическую, как это и было в тотальных войнах XX века. Административные структуры централизируются для повышения эффективности войны и максимизации денежных поступлений, идущих на ее ведение. Как можно большее количество людей мобилизуется для участия в военно-экономической деятельности либо в качестве солдат, либо производя оружие и продукты первой необходимости. Как бы то ни было, военные усилия обеспечивают самодостаточность, хотя во Второй мировой войне Великобритания и Советский Союз получали помощь по ленд-лизу от США. Главная цель военно-экономической деятельности — максимизировать применение силы, вступить в сражение и разбить врага.

Новый тип военной экономики представляет собой практически диаметрально противоположную. Новые войны — это «глобализированные» войны. Они подразумевают фрагментацию и децентрализацию государства. Если говорить о населении, то его участие незначительно, так как, с одной стороны, не оплачивается в достаточной мере, а с другой — воюющим сторонам недостает легитимности. Внутреннее производство падает, поэтому военные усилия серьезно зависят от уровня местного хищничества и внешней поддержки. Сра-

жения редки, насилие направлено в основном против гражданского населения, а кооперация между воюющими фракциями — обычное дело.

У тех, кто мыслит войну в восходящих к Клаузевицу традиционных терминах, базирующихся на внятных геополитических целях, не получится понять подспудную заинтересованность неких кругов (как политическую, так и экономическую) в продолжении войны. Они, как правило, предполагают, что политические решения могут быть найдены вне какой-либо необходимости обращаться к подспудной экономической логике. В то же время те, кто признают, что традиционное восприятие войны не улавливает сути дела, и видят запутанный характер политических, социальных и экономических отношений, проявляющийся в этих войнах, обычно приходят к заключению, что данный тип насилия можно приравнять к анархии. Максимум, что можно сделать в этих обстоятельствах, — это лечить симптомы, например, посредством гуманитарной помощи.

В этой главе я высказываю свое мнение: для того чтобы что-то решить по поводу возможных альтернативных подходов, мы можем проанализировать типичную политэкономия новых войн. Более того, следствием такого анализа является то, что многие благонамеренные усилия различных международных участников, базирующиеся на унаследованных предположениях относительно характера войны, могут оказаться контрпродуктивными. Попытка разрешения конфликтов сверху, возможно, лишь упрочит легитимность воюющих партий и даст время для пополнения сил; гуманитарная помощь, возможно, окажется вкладом в функционирование военной экономики; войска по поддержанию мира, возможно, утратят легитимность —

либо своим невмешательством, когда совершаются ужасающие преступления, либо становясь на стороне групп, совершающих такие преступления.

В первом разделе я описываю различные боевые формирования, типичные для современных войн, и то, как они возникли на фоне дезинтеграции формальных структур обеспечения безопасности государств. Затем я анализирую модели насилия и сам характер военной стратегии, а также то, каким образом они выросли на почве тех конфликтов, которые разворачивались во время и после Второй мировой войны, рассматривая их как некую реакцию или некий способ справиться с проблемами характерной для Нового времени войны с применением обычных вооружений — я имею в виду партизанскую войну, борьбу с повстанцами и конфликты «низкой интенсивности» 1980-х годов. Далее я рассматриваю, как эти боевые формирования обзаводятся ресурсами для ведения новых войн, а также взаимодействие между новой моделью насилия и теми социальными отношениями, которые порождает обстановка войны. В заключительном разделе я описываю, как обычно распространяются новые войны или, точнее, социальные условия новых войн.

Приватизация вооруженных сил

Термины вроде «несостоятельный» (failed), «частично недееспособный» (failing), «хрупкий», «слабый» или «коллапсирующий» все чаще используются для описания стран со слабой или несуществующей центральной властью; классические примеры — Сомали и Афганистан. Некоторые исследователи полагают, что многие африканские страны никогда не обладали государственным су-

веренитетом в том смысле, как он понимается в Новое время, а именно не только «беспорным практическим контролем над определенной территорией, но и наличием административных механизмов по всей стране и верности населения идее самого государства»¹. Одна из ключевых характеристик частично недееспособных государств — потеря контроля над инструментами физического принуждения и фрагментация самих этих инструментов. Запускается дезинтеграционный цикл; он представляет собой практически полную противоположность интеграционному циклу, посредством которого были основаны нововременные государства. Крушение способности поддерживать практический контроль над территорией и распоряжаться лояльными народными массами бьет по возможностям сбора налогов и значительно ослабляет доходную базу государства. Помимо этого, дополнительной брешью в государственных доходах становятся коррупция и режим личной власти. Зачастую правительство уже не может позволить себе использовать надежные формы сбора налогов; иногда для этого привлекаются частные агентства, которые получают часть выручки, — точно так же, как это происходило в Европе в XVIII веке. Широко распространено уклонение от уплаты налогов как по причине утраты государством легитимности, так и в связи с появлением новых сил, требующих денег за «крышевание». Это приводит к внешнему давлению с целью урезания государственных расходов, что еще больше сокращает потенциал для обеспечения контроля и поощряет фрагментацию воинских формирований. Кроме того, внешняя помощь

1. *Herbst Jeffrey*. Responding to state failure in Africa // *International Security*. 1996–1997. Vol. 21. No. 3. P. 121–122.

предполагает экономические и политические реформы, на осуществление которых многие из этих государств конституционно не способны. Затягивающая спираль утраты государственных доходов и легитимности, растущего беспорядка и военной фрагментации образует тот контекст, в котором имеют место новые войны. Фактически «несостоятельность» государства сопровождается ростом приватизации насилия.

Обычно новые войны характеризуются множественностью типов боевых формирований, как частных, так и общественных, государственных и негосударственных, либо их определенного рода смешением. Чтобы не усложнять, я выделяю пять основных типов: регулярные вооруженные силы или остатки таковых; военизированные группы; отряды самообороны; иностранные наемники; наконец, регулярные иностранные войска в основном под эгидой международного сообщества.

Регулярные вооруженные силы находятся в состоянии распада, особенно в зонах конфликта. Сокращение военных расходов, падение престижа, нехватка боевой техники, запчастей, горючего и боеприпасов и недостаточная подготовка — все это способствует глубокому упадку боевого духа. Во многих африканских и постсоветских государствах солдаты уже не проходят подготовки и не получают регулярной платы. Возможно, им приходится отыскивать свои собственные источники финансирования, что способствует потере дисциплины и нарушению субординации. Часто это приводит к фрагментации, к ситуациям, когда армейские командиры выступают в роли местных полевых командиров, как например в Таджикистане. Солдаты же могут заниматься криминальной деятельностью, как, например, в Заире (сейчас Де-

мократическая Республика Конго), где отсутствие платы провоцировало их на разбой и мародерство. Иными словами, регулярные вооруженные силы утрачивают характер легитимных носителей оружия, и отличить их от частных военизированных групп становится все труднее. В комплексе это имеет место в ситуациях, когда силы безопасности уже фрагментированы вследствие умышленной политики; часто это относится к пограничникам, президентской гвардии и жандармерии, не говоря уже о различных типах сил внутренней безопасности. К концу своего президентства президент тогдашнего Заира Мобуту мог рассчитывать только на защиту его личной охраны. Похожим умножением органов безопасности занимался и Саддам Хусейн, и, как и в случае Мобуту, разрозненные попытки сопротивления в начале американского вторжения оказывала лишь пестрая команда, известная как «Федаины Саддам», «Мученики Саддама». Действительно, во многих странах Ближнего Востока диктаторы полагаются не на регулярную армию, а на безжалостные силы внутренней безопасности: армия сыграла ключевую роль в падении диктаторов в 2011 году как в Тунисе, так и в Египте, а Муаммар Каддафи все больше полагался на наемников, нанятых из стран Африки южнее Сахары.

Самые распространенные боевые формирования — военизированные группы, то есть автономные группы вооруженных мужчин, во главе которых, как правило, стоит один лидер. Зачастую эти группы создают сами правительства с целью дистанцироваться от наиболее крайних проявлений насилия. Так это, вероятно, было с «Тиграми Аркана» в Боснии, или по крайней мере на этом настаивал сам Аркан. Подобным же образом действовавшее до 1994 года руандийское правительство вербовало

безработных молодых людей в недавно сформированное ополчение, которое было связано с правящей партией; они проходили подготовку в руандийской армии и получали небольшое жалование². Примерно так же южноафриканское правительство тайно снабжало оружием и инструкторами Партию свободы Инката (ПСИ), что стимулировало насильственную деятельность групп зулусских рабочих во время перехода к демократии. Нередко военизированные группы связаны с конкретными экстремистскими партиями или политическими фракциями. В получившей независимость Грузии каждая политическая партия, кроме «зеленых», имела свое собственное ополчение. После своего возвращения к власти Эдуард Шеварднадзе попытался вновь установить монополию на средства насилия, слив эти ополчения с регулярной армией. Именно это пестрая масса вооруженных формирований потерпела поражение в столкновении с объединенными силами абхазской Национальной гвардии и российских воинских частей в Абхазии. Одной из самых печально известных военизированных групп в Косове была группа «Парни Френки». Согласно данным разведки, Франко Симатович был связующим звеном между Милошевичем и вольными военизированными группами.

Военизированные группы часто состоят из уволенных в связи с сокращением солдат или даже целых подразделений сокращенных или изменивших присяге солдат, вроде бригад в Ираке и позднее в Сирии. Кроме того, они включают в себя обычных преступников, как в бывшей Югославии,

2. Cynthia Brown and Farhad Karim (eds). *Playing the «Communal Card»: Communal Violence and Human Rights*. London and New York: Human Rights Watch, 1995.

Ираке, Ливии, а теперь и в Сирии, где ради этого многих намеренно освободили из заключения. Еще они могут привлекать добровольцев, зачастую это безработные молодые мужчины в поиске средств существования либо некоей благой цели или приключения. Они редко носят униформу, и это мешает отличать их от нонкомбатантов, хотя часто они щеголяют выделяющей их одеждой или знаками. В качестве имеющей особое значение униформы обычно служат символы глобальной материальной культуры, например: солнцезащитные очки Ray-Ban, обувь Adidas, спортивные костюмы и бейсболки. Согласно сообщениям, штаб-квартира «Парней Френки» находилась в подсобных помещениях магазина одежды в Джаковице. Они носили ковбойские шляпы поверх лыжных масок и разрисовывали лица полосами, как индейцы. Их фирменным знаком был символ сербских четников и силуэт разрушенного города с английскими словами «City Breakers»³.

В Африке не считается чем-то необычным и использование детей-солдат; есть также сообщения о том, что в сербских отрядах задействованы четырнадцатилетние подростки. Например, были сведения, что в Национальном патриотическом фронте Либерии Чарльза Тэйлора, вторгшемся в Сьерра-Леоне накануне Рождества 1989 года, около 30% солдат еще не достигли семнадцатилетнего возраста; Тэйлор даже создал собственный «Отряд мальчиков». Он поддержал вторжение в Сьерра-Леоне довольно небольшого числа мятежников, после чего правительство Сьерра-Леоне призвало в свою армию много граждан, включая мальчиков,

3. *O'Kane Maggie*. The terrible day when Frenki's Boys came calling// The Guardian. 19 June 1999.

некоторым из них было едва по восемь лет: «Многие из этих мальчиков, набранных в правительственную армию, были детьми улицы из Фритауна; до того как их взяли на службу, они занимались мелкими кражами. Теперь они получили АК-47 и шанс заняться кражами в более крупном масштабе»⁴. РЕНАМО (Мозамбикское национальное сопротивление — движение, основанное португальскими силами специального назначения после обретения Мозамбиком независимости и поддерживаемое Южной Африкой) также набирало в свои ряды детей, некоторых из них принуждали возвращаться в собственные деревни и нападать на свои семьи. Детей-солдат использовали и «Тигры освобождения Тамил-Илама» в Шри-Ланке.

Отряды самообороны состоят из добровольцев, пытающихся защитить свои населенные пункты. Это, например, местные бригады в Боснии и Герцеговине, ставившие своей целью защищать всех жителей своего населенного пункта, в частности, в Тузле; отряды самообороны как хуту, так и тутси, пытавшиеся остановить резню в 1994 году; отряды самообороны в Южной Африке, основанные Африканским национальным конгрессом (АНК) для защиты населенных пунктов от «Инкаты», или бригады Свободной армии Сирии. Такие отряды очень трудно содержать, главным образом из-за недостаточности ресурсов. Если их не разбивают, часто они кончают тем, что кооперируются с другими вооруженными группами и снова ввязываются в конфликт.

Иностранные наемники включают как отдельных людей на контракте с конкретными боевыми

4. *Keen David*. When war itself is privatized.

формированиями, так и банды наемников. Среди первых — бывшие российские офицеры, служащие по контракту в новых постсоветских армиях, или британские и французские солдаты, ставшие ненужными в результате сокращений после холодной войны; раньше они обучали, консультировали и даже командовали вооруженными группами во время войн в Боснии и Хорватии и занимаются этим до сих пор в различных африканских странах. Все заметнее становится феномен частных охранных компаний, комплектуемых зачастую отставными солдатами из Великобритании или США, которые работают как на правительство, так и на мультинациональные компании и часто связаны друг с другом. В 1990-е годы недоброй славой пользовались южноафриканская компания по предоставлению услуг наемников Executive Outcomes и ее партнер — британская компания Sandline International. Sandline International стала известна в результате скандала, касающегося продаж оружия в Сьерра-Леоне в начале 1998 года. Executive Outcomes получила известность в связи с крупным военным успехом по защите алмазных копей в Сьерра-Леоне и Анголе. В феврале 1997 года правительство Папуа — Новой Гвинеи наняло Sandline International, чтобы совершить военное нападение на сепаратистскую Революционную армию Бугенвиля (РАБ) и возобновить добычу на медном руднике Бугенвиля; Sandline International заключила на эту работу субконтракт с Executive Outcomes⁵. Характерной чертой американских вторжений, особенно в Ираке и Афганистане, стали американ-

5. Подробности этой истории см.: *Shearer David. Private Armies and Military Intervention, Adelphi Paper 316. London: International Institute for Strategic Studies, 1998.*

ские частные охранные компании, вроде Blackwater (ныне Xe). В число особенно известных имен входят MPRI (Military Professional Resources Inc.), к концу боснийской войны обучавшая хорватскую армию и теперь ставшая частью L-3 Communications, и DymCorps, которая, как правило, берет на себя выполнение полицейских обязанностей и которую недавно купила компания Veritas Capital.

Иностранцев бойцов могут мотивировать не только деньги. Еще до начала Иракской войны во всех конфликтах, затрагивающих ислам, как правило, можно было найти *моджахедов*, ветеранов Афганской войны, финансируемых исламскими государствами, в особенности Ираном и Саудовской Аравией. С момента объявления «Войны против терроризма» так называемые джихадисты присоединились к борьбе против Запада в Ираке, Афганистане, Сомали и Йемене, отмечено их участие и в других частях света, где происходили террористические инциденты.

Последняя категория — это регулярные иностранные войска, обычно действующие под эгидой международных организаций, главным образом ООН, но также и НАТО — в Боснии, Косове и Афганистане, ЭКОМОГ (Группа мониторинга Экономического сообщества стран Западной Африки) — в Либерии, Африканского союза (АС) — в Дарфуре, ЕС — в ДРК, Ачехе, Чаде и на Балканах, СНГ (Содружество Независимых Государств) или ОБСЕ, которые обеспечивают статус разного рода российских операций по поддержанию мира. В общем, эти войска непосредственно не вовлечены в войну, хотя их присутствие весьма значимо и я буду говорить об их роли в шестой главе. В ряде случаев эти войска оказались вовлечены в боевые действия, как это было с ЭКОМОГ в Либерии и Сьерра-Леоне или россий-

скими миротворцами в Таджикистане, и переняли некоторые характеристики других боевых формирований. В войне в ДРК несколько соседних стран (Уганда, Ангола, Руанда, Бурунди) отправили свои войска для участия на той и другой стороне. Не следует забывать, что США, Великобритания и некоторые другие страны тоже имеют войска в Ираке и Афганистане; об этом я говорю в седьмой главе.

За исключением последней категории, малый ареал действий, характерный для этих боевых формирований, позволяет заметить много общего с отрядами, участвующими в партизанской войне. Однако им недостает не только структуры ленинистских или маоистских политических партий, но и иерархии, порядка и вертикальной системы командования, которые типичны для партизанских сил и которые были заимствованы из методов ведения войны в Новое время.

Эти разнообразные группы действуют и автономно, и в кооперации. То, что представляется армией, это в действительности горизонтальные коалиции отколовшихся от регулярных вооруженных сил частей, местного ополчения или отрядов самообороны, криминальных банд, групп фанатиков и прихлебателей, которые договорились о партнерстве, совместных проектах, разделе труда или наживы. Концепция «паутины» Роберта Райха, характеризующая новую глобальную корпоративную структуру (я ссылаюсь на нее в предыдущей главе), вероятно, приложима также и к новым способам ведения войны.

Ввиду стоимости, необходимости технического обеспечения и недостаточного уровня инфраструктуры и специальных навыков эти «армии» редко используют тяжелое вооружение, хотя там, где оно применяется, оно вполне могло бы изменить

положение дел. В Боснии весомое значение имела сербская монополия на тяжелую артиллерию, как в Абхазии — вторжение российских частей с авиацией и артиллерией. Одной из причин, объясняющих успех Executive Outcomes, стала их способность «осуществлять тщательно продуманные операции, такие как использование боевых вертолетов и легких штурмовиков»⁶.

По большей части используется легкое вооружение: винтовки, пулеметы, ручные гранаты, мины и уже на верхнем пределе — артиллерия малого калибра и ракеты малой дальности. Хотя это оружие часто описывается как «низкотехнологичное», оно представляет собой продукт долгой и изощренной технологической эволюции. В сравнении с оружием, применявшимся во Второй мировой войне, оно гораздо легче, проще в использовании и транспортировке, более точно и менее обнаружимо. В противоположность тяжелому вооружению, оно может эффективно применяться необученными солдатами, включая детей. Весьма важны и современные средства связи, позволяющие кооперироваться боевым подразделениям, в частности радиостанции и мобильные телефоны. В Сомали вооруженные силы США не смогли прослушать купленные в магазине сотовые телефоны, которыми пользовались сомалийские ополченцы. За последние десять лет развились новые технологии и новая тактика, как например СВУ (самодельные взрывные устройства) или взрывающие себя террористы-смертники.

С окончанием холодной войны и связанных с ней конфликтов (например, в Афганистане или Южной Африке) серьезно повысилась доступность

6. International Institute for Strategic Studies, *Military Balance 1996–1997*. London: Brassey's, 1997. P. 237.

излишков оружия. Бывает, войны ведутся оружием, добытым в результате налетов на запасы времен холодной войны; в основном это происходило в Боснии и Герцеговине. Оружие могут продавать на черном рынке попавшие под сокращение солдаты, или же оно копируется по чертежам мелкими производителями (как, например, в Пакистане). Помимо этого, новые источники спроса ищут оружейные предприятия, потерявшие государственные рынки. В результате наплыва вооружений новый характер получил ряд конфликтов, например, в Кашмире (в данном случае оружие текло из зоны афганского противостояния). Внезапная доступность оружия после краха албанского государства летом 1997 года стала весомым фактором в эскалации конфликта в Косове. Были открыты тайники с оружием, и сотни тысяч «калашниковых» оказались доступны для продажи по цене несколько долларов за штуку; их легко можно было провезти в Косово через границу. Новые войны можно рассматривать как некую форму утилизации военных отходов, как способ расходования нежелательного избытка вооружений, который был порожден холодной войной, этим самым большим в истории периодом наращивания военного потенциала.

Модели насилия

Тактические приемы этих боевых формирований во многом обязаны тем типам ведения войны, которые разрабатывались во время и после Второй мировой войны с учетом опыта нововременной войны. Революционная война, как о ней говорили Мао Цзэдун и Че Гевара, развивала тактику, изначальный замысел которой состоял в том, чтобы обхо-

дять крупные скопления обычных сил, и которая была практически противоположна традиционному учению о стратегии.

Основная цель революционной войны состоит в контроле над территорией посредством приобретения поддержки местного населения, а не через захват территории у сил противника. Зоны, находящиеся под революционным контролем, обычно расположены в отдаленных частях страны, куда не так легко дотянуться центральной администрации. Там находятся базы, с которых военные отряды могут реализовывать тактику, подрывающую боевой дух и эффективность сил врага. Революционная война имеет ряд сходств с теорией маневра. Она подразумевает децентрализованные рассредоточенные военные действия с сильным упором на внезапность и мобильность. Однако ключевая особенность революционной войны — уклонение от лобовых столкновений, в которых партизанские отряды, вероятнее всего, проиграют, так как они уступают в численности и боевой технике. Стратегические отступления не являются здесь редкостью. Согласно Мао Цзэдуну, «умение убежать — это как раз таки одна из характеристик партизан. Бегство — это главное средство выйти из пассивного состояния и вернуть себе инициативу»⁷. Все теории революционной войны делают особый акцент на завоевании «сердец и умов» — не только на территории, контролируемой революционными силами, но и на территории врага, так чтобы партизан мог действовать, согласно хорошо известному изречению Мао, «подобно рыбе в море», хотя, несо-

7. Цит. по: *Simpkin Richard. Race to the Swift: Thoughts on Twenty-First Century Warfare. London: Brasseys, 1985. P. 311.*

менно, свое применение находят также и террористические методы.

Борьба с повстанцами, до сегодняшнего дня практически всегда бывшая неудачной⁸, изначально предполагала применение обычных вооруженных сил для противодействия данному типу ведения войны. Изначально основная стратегия состояла в уничтожении той среды, в которой революционеры осуществляют свою деятельность, в том, чтобы отравить рыбам море, хотя вследствие иракского и афганского опыта она была переформулирована (более подробно я рассматриваю это в седьмой главе). Например, индонезийцами в Восточном Тиморе или турецким правительством против курдов также были применены приемы вроде насильственного переселения, используемого французами в Алжире и британцами в Малайе, или поражения площадей (*area destruction*) посредством разбрасывания мин, гербицидов или напалма, практикуемого американцами во Вьетнаме.

Новые способы ведения войны заимствуют что-то и от революционной войны, и от классической борьбы с повстанцами. От революционной войны заимствуется стратегия контролирования территории при помощи политических средств, а не посредством захвата территории врага. В какой-то степени здесь задача легче, чем она была

8. Важным исключением, которое широко упоминается, был британский опыт в Малайе. Впрочем, революционное движение было довольно ограниченным, состоя главным образом из китайского меньшинства. Тем не менее интересен метод, которым — в противоположность другим практикам борьбы с повстанцами — британцы копировали революционную тактику, пытаясь завоевать «сердца и умы» обещанием независимости и применяя подобную же военную тактику к партизанам. См. там же.

для революционных сил, поскольку в большинстве случаев центральная власть очень слаба и главный претендент на контроль над территорией — не правительство с обычными для него в нововременную эпоху методами, а близкие типы боевых формирований, пусть даже они называются регулярной армией. И все же, как и в случае революционной войны, разнообразные отряды по-прежнему избегают сражения, главным образом для того, чтобы сберечь личный состав и боевую технику. Обычной вещью считаются стратегические отступления, и земля достается тому, кто оказывается сильнее. Часто случается, что различные группы кооперируются между собой в дележе территории.

Впрочем, важное различие между революционерами и бойцами новых войн лежит в области методов политического контроля. С точки зрения революционеров, очень важна идеология. Даже если страх и составлял значительный элемент их акций, основной целью была народная поддержка и преданность. Следовательно, в контролируемых ими районах революционеры старались выстроить образцовые общества. Воюющие в новых войнах, напротив, устанавливают политический контроль не посредством преданности идее, но посредством преданности некоему ярлыку. В том дивном новом демократизированном мире, где политическая мобилизация основывается на ярлыках и где выборы и референдумы — это зачастую формы проведения переписи, данное обстоятельство означает, что большинство людей, живущих на контролируемой территории, обязаны признавать правильный ярлык. Все прочие должны быть ликвидированы. Более того, даже в недемократизированных районах страх оппозиции, инакомыслия или мятежа усиливает этот спрос на гомогенность населения на основе идентичности.

Вот почему основной метод территориального контроля — это не народная поддержка, как в случае революционной войны, а перемещение населения, удаление всех возможных оппонентов. Для достижения этого результата новая война заимствует приемы по «отравлению моря» из арсенала борьбы с повстанцами — приемы, которые были отточены партизанскими движениями, созданными или поощряемыми западными правительствами, у которых есть опыт борьбы с мятежами, с целью свержения левых правительств в конфликтах «низкой интенсивности» 1980-х годов, как например РЕНАМО в Мозамбике, *моджахеды* в Афганистане или контрас в Никарагуа. Более того, данный подход стал реакцией на провал борьбы с повстанцами во Вьетнаме и Южной Африке и неявным осознанием того, что обычная нововременная война не является больше жизнеспособным вариантом.

Тогда как партизанское движение нацелено на создание для себя благоприятной среды, новая война нацелена на создание неблагоприятной среды для всех тех людей, которых не получается контролировать. Контролирование своей же собственной стороны опирается не на положительные выгоды, поскольку в обстановке нищеты и бесчинств новой войны особо-то и нечего предложить. Напротив, оно опирается на постоянный страх и чувство незащищенности, а также на закрепление ненависти к другому. Отсюда то важное значение, которое имеет крайнее и неприкрытое зверство и вовлечение в эти преступления максимального числа людей, потому что таким образом складывается общее соучастие в беззакониях, санкционируется насилие против ненавистных «других» и углубляется размежевание.

Техники перемещения населения включают в себя следующее.

1. Систематическое уничтожение тех, кто носит другой ярлык (как в Руанде). Убийства тутси в 1994 году производились под руководством правительственных чиновников и армии. В отчете Human Rights Watch говорится: «В таких местах, как коммуна Ньякизу в Южной Руанде, местные чиновники и другие убийцы каждое утро выходили „работать“. После целого дня, проведенного на „работе“ по убийству тутси, они шли домой „распевая песни“... „Работники“ уходили каждый день, пока не была сделана вся работа, то есть пока не были убиты все тутси»⁹.
2. Этнические чистки, то есть насильственное изгнание населения, как в Боснии и Герцеговине (см. третью главу) либо в Закавказье или Дарфуре. Еще один пример: в Абхазии абхазцы составляли всего 17% населения. Для того чтобы контролировать территорию, сепаратистским силам пришлось изгнать большую часть оставшегося населения, главным образом грузин. Но, даже изгнав грузин, абхазы все равно остаются в меньшинстве. Типичная тактика — насаждение страха посредством леденящих кровь и максимально публичных казней и зверств.
3. Превращение местности в непригодную для жилья. Это может быть сделано физически — разбрасыванием противопехотных мин или применением артиллерии и ракет по гражданским целям, особенно по жилым домам, больницам и местам скопления людей, таким как

9. *Brown Cynthia, Karim Farhad. Playing the «Communal Card». P. 9.*

рынки или источники воды. Это может быть сделано экономически — посредством принудительно вызванного голода или блокады. Когда людей лишают средств к существованию, они либо умирают от голода (как в Южном Судане), либо оказываются вынуждены мигрировать. И это может быть сделано психологически — внушением горьких воспоминаний о том, что некогда было родным домом, осквернением всего, что имеет общественное значение. Один из методов — уничтожение истории и культуры, когда физически разрушаются те памятные объекты, которыми для конкретных групп людей определяется их социальная среда. Предполагается, что уничтожение религиозных строений и исторических монументов должно полностью свести на нет даже тень культурно-исторических притязаний на ту или иную конкретную местность. В Баня-Луке в разгар войны сербы уничтожили все 17 мечетей и все, кроме одной, католические церкви. В частности, они сровняли с землей две очень красивые мечети XVI века; в пятницу их начали сносить, а в понедельник разрушили до основания и обломки засыпали землей. По-видимому, бессмысленное уничтожение талибами древних буддийских изваяний в Афганистане также должно было быть способом добиться чего-то подобного. Другой метод — насилие над женщинами, то есть систематические изнасилования и другие сексуальные преступления (что характерно для ряда войн) либо иные публичные и весьма наглядные акты крайней жестокости. Психологические методы обладают тем преимуществом, что они дифференцируют людей в зависимости от ярлыков.

Эти методы нарушают международное право, будь то международное гуманитарное право, законы о правах человека или Конвенция о геноциде. В сущности, то, что раньше считалось нежелательными и незаконными побочными эффектами старой войны, заняло центральное положение в том образе боевых действий, каким характеризуются новые войны. Иногда говорят, что новые войны — это возврат к примитивизму. Однако примитивные войны были весьма ритуализованными и имели определенные социальные ограничения. Рассматриваемые же войны в том смысле рациональны, что к целям войны они применяют рациональное мышление и отвергают нормативные ограничения.

Описанная модель насилия в новом типе войны подтверждается статистикой новых войн. Об этой тенденции к уклонению от сражений и к тому, что основная часть насилия оказывается направленной против гражданского населения, свидетельствует заметное повышение доли гражданских потерь по отношению к потерям военным. О точных цифрах идут горячие споры; этого вопроса я касаюсь в послесловии к книге. Однако существует общее согласие относительно снижения доли погибших в результате боевых действий (*battle-related deaths*) в общем количестве смертей, так что в наши дни число военных и гражданских лиц, погибших непосредственно от огня между воюющими партиями, не идет ни в какое сравнение с числом погибших от того, что иногда именуется «односторонним насилием против гражданского населения», и числом прочих связанных с обстоятельствами войны смертей¹⁰. Равным обра-

10. *Lacina Bethany, Gleditsch Nils Petter. Monitoring Trends in Global Combat: A New Dataset of Battle Deaths // European Journal of Population. 2005. Vol. 21. No. 2–3.*

зом число погибших на войне военнослужащих регулярной армии очень невелико по сравнению с общим числом жертв.

О весомом значении перемещения населения свидетельствуют данные по количеству беженцев и перемещенных лиц. Согласно данным УВКБ ООН, общее количество беженцев по всему миру возросло с 2,4 миллиона человек в 1975 году до 10,5 миллионов в 1985-м и до 14,4 миллиона в 1995 году, затем снизилось до 9,6 миллиона в 2004 году, главным образом вследствие возросшей репатриации, и в 2010 году опять поднялось до 15,4 миллиона¹¹. Эта цифра включает только беженцев, пересекавших международные границы. Согласно данным Женевского Центра мониторинга внутренних перемещений (ЦМВП), число внутренне перемещенных лиц выросло с 17 миллионов в 1998 году до 27,5 миллиона в 2010-м¹². Стоит, конечно, отметить, что эти данные накапливаются до тех пор, пока перемещенных лиц не репатрируют. Поскольку на данный момент методы количественной оценки внутренне перемещенных лиц также значительно усовершенствовались, то прежние цифры, возможно, окажутся заниженными. Тем не менее, как представляется, существует некий тренд к увеличению числа перемещенных на один конфликт. Используя данные Американского комитета по делам беженцев, Майрон Вайнер подсчитал, что число беженцев

-
11. UNHCR. The State of the World's Refugees: In Search of Solutions. Oxford: Oxford University Press, 1995. UNHCR. Global Refugee Trends. Geneva, 17 June 2004. См. также: URL: <http://www.unhcr.org/pages/4a0174156.html>; <http://www.refugees.org/resources/refugee-warehousing/archived-world-refugee-surveys/2009-world-refugee-survey.html>.
 12. Internal Displacement Monitoring Centre, Geneva. URL: <http://www.internal-displacement.org/>

НОВЫЕ И СТАРЫЕ ВОЙНЫ

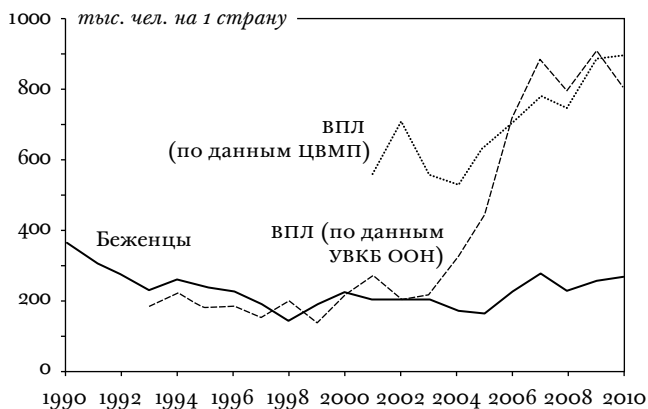

РИС. 5.1. Среднее число беженцев и внутренне перемещенных лиц в странах, где происходили акты насилия, 1990–2010 годы

и внутренне перемещенных лиц на один конфликт увеличилось с 327 тысяч в 1969 году до 1 миллиона 316 тысяч в 1992-м¹³ (1992 год был, конечно, пиковым годом с точки зрения количества конфликтов). Располагая базой данных Уппсальской программы, цифрами УВКБ ООН и ЦВМП, можно наблюдать восходящий тренд по беженцам и внутренне перемещенным лицам на один конфликт. На рис. 5.1 показан рост ежегодного количества беженцев и внутренне перемещенных лиц в странах, переживавших не только вооруженные конфликты, но и то, что Уппсальская программа описывает как субгосударственные конфликты и одностороннее насилие.

13. Weiner Myron. Bad neighbours, bad neighbourhoods: an inquiry into the causes of refugee flows // International Security. 1996. Vol. 21. No. 1.

Финансирование военных действий

Новые войны происходят в контексте того, что можно было бы обозначить как крайнюю версию глобализации. Производство, привязанное к конкретной территории, в большей или меньшей степени коллапсирует либо в результате либерализации и отзыва государственной поддержки, либо через физическое уничтожение (разграбление, обстрелы и т. д.), либо из-за того, что рынки сужаются вследствие дезинтеграции государств, боевых действий или намеренной блокады, наложенной внешними державами (или, что вероятнее, самими боевыми формированиями, действующими «на земле»), либо ввиду невозможности приобрести запасные части, сырье и горючее. В некоторых случаях по-прежнему продолжают производить немногочисленный ряд товаров, имеющих ценность (например, алмазы в Анголе и Сьерра-Леоне, лазурит и изумруды в Афганистане, нефть в Анголе, Чечне или Ираке, наркотики в Колумбии, Афганистане и Таджикистане), — и они обеспечивают источник дохода для всех, кто способен предложить «крышу». Безработица очень высока, и, пока правительства продолжают тратить средства, пышным цветом расцветает инфляция. В некоторых крайних случаях обрушивается валюта и ее заменяет бартер, использование в качестве платежного средства имеющих ценность товаров, либо хождение иностранной валюты, например долларов или евро.

С учетом эрозии налоговой базы (как по причине коллапса производства, так и ввиду затруднений со сбором налогов) правительствам, желающим сохранить потенциал для насильственных действий, необходимо отыскивать альтернативные источни-

ки финансирования, подобно тому как это происходит у групп, приватизировавших военную силу. Учитывая коллапс производственной деятельности, основным источником финансирования является либо внешняя помощь, либо то, что Марк Даффилд называет «трансфером активов»¹⁴, то есть такое перераспределение существующих активов, которое создает для боевых формирований благоприятный режим. Простейшие формы трансфера активов — мародерство, грабежи, вымогательство, разбой и захват заложников. Во всех современных войнах все это широко распространено. Богатых убивают и крадут их золото и ценности. В результате этнических чисток имущество переходит в чужие руки. Скот и средства к существованию расхищаются во время налетов ополченцев¹⁵. При взятии городов мародерству подвергаются магазины и фабрики. Захватываются заложники и обмениваются на еду, оружие, других заложников, военнопленных или тела погибших.

Другая форма трансфера активов — напряженное состояние рынка. Типичная характеристика

14. *Duffield Mark*. The political economy of internal war: asset transfer, complex emergencies and international aid // Joanna Macrae and Anthony Zwi (eds). *War and Hunger: Rethinking International Responses*. London: Zed Press, 1994.

15. Дэвид Кин описал, как при помощи увода скота ополченцами баггара, поддерживаемыми на севере суданским правительством, был вызван голод в Южном Судане в качестве средства ослабить действующую с юга Народную армию освобождения Судана: «Молодым мужчинам баггара, особенно тем, по кому жестко ударила экономическая маргинализация и засуха, рейдерство давало перспективу увеличения их скудного основного капитала». *Keen David*. A disaster for whom? Local interests and international donors during famine. Among the Dinka of Sudan // *Disasters*. 1991. Vol. 15. No. 2. P. 155.

новых войн — многочисленные блокпосты, которые контролируют поставки продовольствия и товаров первой необходимости. Осады и блокады, дележ территории между разными военизированными группами позволяют боевым формированиям контролировать рыночные цены. Таким образом, типичная модель, наблюдаемая в Судане, бывшей Югославии и других местах, такова, что городские жители или даже фермеры просто для того, чтобы выжить, будут вынуждены распродавать свое имущество (автомобили, холодильники, телевизоры или коров) по смехотворно низким ценам в обмен на стоящие больших денег товары первой необходимости.

Более изощренные виды приносящей доход деятельности включают в себя «военные налоги» или получение денег за «крышевание» производства сырьевых товаров и разнообразных форм нелегальной торговли. Ключевой источник дохода в Афганистане, Колумбии, Перу и Таджикистане — производство и сбыт наркотиков. По оценкам, сделанным в 1990-х годах, доход от наркотиков составлял 70% денежных поступлений оппозиции в Таджикистане, а доход колумбийских партизан равнялся почти 800 миллионам долларов США в год, что сопоставимо с правительственными расходами на оборону (1,4 миллиарда долларов США)¹⁶. Чеченские полевые командиры продавали нефть из подпольных скважин российским командирам, которые в свою очередь продавали на московских рынках свою нефть, полученную от Министерства обороны РФ, обеспечивая тем самым зарплаты военнотру-

16. Central Asia's narcotics industry // Strategic Comments. 1997. Vol. 3. No. 5; Colombia's escalating violence: crime, conflict and politics // Strategic Comments. 1997. Vol. 3. No. 4.

жащих. Денежные поступления от продажи нефти и природного газа подпитывали боевые действия в Анголе, некоторых районах Колумбии и Ачехе в Индонезии, а контрабанда нефтяных продуктов помогает поддерживать Нагорный Карабах¹⁷. Срыв торговых санкций и торговля наркотиками, оружием, отмывание денег — все это примеры криминальной деятельности по привлечению доходов, которой занимаются различные военные группы.

И все же, учитывая коллапс внутреннего производства, решающей является внешняя помощь, ведь вооружение, боеприпасы и продовольствие, не говоря уже об автомобилях Mercedes или солнцезащитных очках Ray-Ban, приходится импортировать. Внешняя помощь может принимать следующие формы.

1. Денежные переводы из-за рубежа отдельным семьям, например, от суданских и палестинских рабочих в богатых нефтью странах Ближнего Востока, боснийских и хорватских рабочих в Германии или Австрии. Эти переводы могут конвертироваться в военные ресурсы посредством различных форм вышеописанного трансфера активов.
2. Прямая помощь от живущей за рубежом диаспоры. Сюда входит материальная помощь, вооружение и деньги, например, от американцев ирландского происхождения — ИРА, от живущих по всему миру армян — Нагорному Карабаху, от канадских хорватов — правящей хорватской партии и т. д.
3. Помощь от иностранных правительств. Во время холодной войны как регулярные силы, так и пар-

17. См.: Mary Kaldor, Terry Lynn Karl and Yahia Said (eds). *Oil Wars*. London: Pluto Press, 2007.

тизаны рассчитывали на своих патронов из числа сверхдержав. Этот источник помощи в основном уже иссяк, хотя США все еще обеспечивают поддержку ряду правительств. Соседние государства часто финансируют конкретные фракции, чтобы помочь меньшинствам, из-за наличия большого количества беженцев либо в силу участия в различных типах (нелегальных) торговых договоренностей. Так, Сербия и Хорватия обеспечили поддержку своих клиентелистских малых государств в Боснии и Герцеговине, Армения помогает Нагорному Карабаху, Россия финансово поддержала множество различных сепаратистских движений на своих границах (можно только догадываться, являлось ли это способом вновь установить контроль над постсоветским пространством или же причиной были групповые интересы мафии или военных). Руанда поощряла оппозицию в ДРК, видя в этом способ предотвратить операции ополченцев хуту из тамошних лагерей беженцев, а Уганда поддерживала Руандийский патриотический фронт, который пришел к власти после массовой резни 1994 года и по-прежнему продолжает подстрекать Народную армию освобождения Судана (НАОС) в Южном Судане (в свою очередь суданское правительство поддерживает Господню армию освобождения в Уганде). В число прочих иностранных правительств, которые предоставляют финансирование, входят бывшие колониальные державы, беспокоящиеся о «стабильности», например Франция и Бельгия в Центральной Африке или исламские государства.

4. Гуманитарная помощь. Существуют различные способы, с помощью которых как правительства, так и воюющие группы перенаправляют гума-

нитарную помощь для собственного использования. Более того, исходя из нужд наиболее уязвимых слоев населения, доноры в качестве приемлемого рассматривают пятипроцентную (или даже более) потерю гуманитарной помощи. Самый распространенный метод — это «таможенные пошлины». Боснийские хорваты оставляли себе 27% гуманитарной помощи, перевозимой через так называемую Герцег-Босну; в разгар войны это был единственный способ добраться до определенных районов Центральной Боснии. Однако есть и другие способы, включая разбойные нападения и засады. Суданское и эфиопское правительства смогли нажиться на оказании им гуманитарной помощи, настояв на использовании завышенного официального валютного курса.

По существу, параллельно с фрагментацией и деформализацией войны происходит деформализация экономики. Вместо национальной формальной экономики, с ее акцентом на промышленном производстве и государственном регулировании, устанавливается новый тип глобализированной неформальной экономики, в которой потоки материальных средств извне (гуманитарная помощь и денежные переводы из-за рубежа) интегрированы в локальную и региональную экономику, основывающуюся на трансфере активов и не установленных законом видах торговли. На рис. 5.2 иллюстрируются типичные материальные потоки новой войны. Здесь не предполагается существование производства и налогообложения. Вместо этого — посредством различных форм трансфера активов и торговли на черном рынке — в военные ресурсы «перерабатывается» внешняя поддержка рядовым людям, в форме ли денежных переводов или гума-

ГЛОБАЛИЗИРОВАННАЯ ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА

РИС. 5.2. Поток материальных средств в новых войнах

нитарной помощи. Прямая помощь от иностранных правительств, деньги за «крышу» от производителей сырьевых товаров и помощь от диаспоры увеличивают способность разнообразных боевых формирований извлекать из обычных людей еще больше материальных средств и таким образом поддерживать их военные усилия.

Марк Даффилд описывает, как все это функционировало в случае Судана, где велась нелегаль-

ная долларовая торговля с участием Судана, Заира и Уганды, для чего использовались гуманитарные конвои — как в плане транспорта, так и с целью контролировать цены:

В случае Судана параллельная экономика состоит из целого ряда взаимосвязанных уровней или систем. Локальный трансфер активов связан с не предусмотренной законом коммерческой деятельностью на национальном уровне. В свою очередь, это сочленяется с политическими и государственными отношениями на высшем уровне вкупе с региональными и международными параллельными сетями, торгующими сырьем и твердой валютой. Этот уровень как раз и образует первоначальную точку, где международная помощь и гуманитарное содействие соединяются с параллельной экономикой. В то время как активы текут наверх и вовне, крайним проявлением чего является утечка капитала, международная помощь течет вниз через те же или связанные с ними системы власти¹⁸.

Подобно тому как можно обнаружить примеры военной кооперации между боевыми формированиями в целях дележа территории или разжигания у соответствующих групп населения взаимной ненависти, можно видеть и примеры экономической кооперации. Дэвид Кин описывает практику в Сьерра-Леоне, известную как *sell-game*, используя которую правительственные силы продают оружие и боеприпасы мятежникам:

[Правительственные силы] уходят из города, оставляя оружие и боеприпасы занимающим его мятежникам. Мятежники собирают оружие

18. *Duffield Mark*. The political economy of internal war. P. 56.

и грабят горожан, отнимая главным образом наличные, а затем сами отступают. На этом этапе правительственные силы снова занимают город и уже сами занимаются мародерством, обычно забирая имущество (которое мятежники находят слишком неудобным для сбыта), а также нелегальной добычей ископаемых¹⁹.

Джон Симпсон описывает, как солдаты перуанского правительства освободили захваченных партизан Сияющего пути, «очевидно, для того, чтобы закрепить неспокойную обстановку в районах, где офицеры могут нажиться на нелегальной торговле; в данном случае это преимущественно торговля кокаином»²⁰. Похожие примеры были и в боснийской войне, что я уже анализировала в третьей главе.

Некоторые авторы высказывают мнение, что новый тип ведения войны объясняется экономическими мотивами, и среди исследователей это уже породило споры на предмет «жадность versus чувство оскорбленного достоинства»²¹. Дэвид Кин полагает, что «у войны, в которой избегают сражений, но оказывают давление на невооруженное гражданское население, чтобы в итоге приобрести „мерседес“, возможно, больше смысла... чем в том, чтобы рисковать жизнью во имя национального государства, когда перспективы серьезного финансового выигрыша малы либо их просто нет»²². Однако для объяснения масштаба, жестокости и явной по-

19. *Keen David*. When war itself is privatized.

20. *Simpson John*. In the Forests of the Night: Encounters in Peru with Terrorism, Drug-running and Military Oppression. London: Arrow Books, 1994.

21. *Berdahl Mats R., Malone David M.* Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars. International Peace Academy. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2000.

22. *Keen D.* When war itself is privatized.

рочности новых войн недостаточно одних только экономических мотивов²³. Без сомнения, некоторые присоединяются к боевым действиям, видя в этом способ легитимировать криминальную деятельность, обеспечить политическое оправдание тому, чем они занимаются, и заручиться общественной санкцией на то, что в противном случае считалось бы нелегальными методами получения финансовой прибыли. Без сомнения, есть и другие (рациональные искатели власти, крайние фанатики или жертвы, замыслившие месть), для кого занятия криминальной деятельностью обеспечивают их военно-политические цели. Есть и те, кто против воли оказался втянут в боевые действия, кого подталкивают страх и голод.

Скорее всего, здесь дело в том, что стираются различия между политическим и экономическим, публичным и частным, военным и гражданским. Для внедрения новых принудительных форм

23. Норвежский психолог описывает сеанс с «Иваном», мальчиком из Боснии и Герцеговины:

Как можно говорить с девятилетним мальчиком о том, что его отец застрелил своего лучшего друга? Я попросил дать его собственное объяснение, он посмотрел мне прямо в глаза и сказал: «Я думаю, они пьют что-то, что отравляет их мозги». Однако неожиданно добавил: «Но теперь они все отравлены, ведь, я уверен, это в питьевой воде, и нам реально надо понять, как очистить загрязненные водосемы». Когда я спросил его, не отравлены ли дети не меньше взрослых, он покачал головой и сказал: «Нет, вовсе нет. У них меньше тела, поэтому они меньше заражаются, и я обнаружил, что маленькие дети и младенцы, пьющие почти одно молоко, ничуть не отравились». Я спросил его, слышал ли он когда-нибудь слово «политика»? Он почти подскочил на месте, посмотрел на меня и сказал: «Да. Это же название этой отравы» (цит. по: *Smith Dan. The State of War and Peace Atlas. Harmondsworth: Penguin, 1997. P. 31*).

экономического обмена необходим политический контроль. В свою очередь эти формы требуются, чтобы в контексте государственной дезинтеграции и экономической маргинализации обеспечить новым властителям/гангстерам реальный финансовый базис. Происходит установление новой, реакционной конфигурации социальных отношений, где внутри общих рамок политики идентичности тесно переплетаются экономика и насилие.

Распространение насилия

Новый тип ведения войны — это также и социальные условия, благоприятные для хищничества²⁴. Обуздание конкретных групп или отдельных людей еще могло бы быть возможным делом, однако очень трудно контролировать сами социальные условия, не допустив их распространения либо в пространстве, либо во времени. Наиболее непосредственному воздействию подвергаются соседние страны. Издержки войны в плане прекратившейся торговли, особенно там, где введены санкции или блокада коммуникаций, либо где закрыты границы, преднамеренно или по причине боевых действий; бремя беженцев, поскольку именно соседние государства принимают обычно больше всего беженцев; распространение нелегального товарооборота и перешед-

24. Ряд авторов ссылаются на хищнический характер современной военной экономики. См.: *Bougarel Xavier*. L'Anatomie d'un conflit. Paris: La Decouverte, 1995, которого я цитирую в третьей главе. Также см.: *Naylor R. T.* The insurgent economy: black market operations of guerrilla organizations // Crime, Law and Social Change. 2007. No. 20; *Lewis Peter*. From prebendalism to predation: the political economy of decline in Nigeria // Journal of Modern African Studies. 1996. Vol. 34. No. 1.

шая через локальные границы политика идентичности — все эти факторы воспроизводят те условия, которые являются питательной средой для указанных форм насилия.

НПО Saferworld произвела ряд подсчетов по издержкам конфликта для соседних стран. Один из примеров — война в Мозамбике, который являлся важным торговым маршрутом для таких отрезанных от моря стран, как Замбия, Зимбабве, Малави, Ботсвана и Свазиленд. Малави потеряла всю свою торговлю с Мозамбиком, и, пока война была в разгаре, дополнительные затраты на транспорт оценивались в 11% ежегодных поступлений от экспорта. Подобным же образом резко упала торговля с Зимбабве, издержки по переправке товаров через Южную Африку оценивались в 825 миллионов долларов США (в ценах 1988 года)²⁵. Последовавшее за войнами в Хорватии и Боснии и Герцеговине снижение ВВП на Балканах, бывшее результатом упадка торговли после закрытия границ, применения санкций и увеличения транспортных расходов, было обратно пропорционально (по примерным оценкам) удаленности от эпицентра насилия. В Боснии и Герцеговине снижение ВВП оказалось наиболее заметным, с 2719 долларов США на одного человека до начала войны до 250 долларов на конец войны. Босния и Герцеговина окружена кольцом стран — Сербия/Черногория, Хорватия и Македония, — чьи ВВП снизились от уровня 1989 года на 49, 65 и 55% соответственно. К 1996 году Сербии/Черногории и Македонии только-только удалось остановить это снижение, а Хорватия смогла добиться очень небольшого увеличения темпов роста. Эти

25. Michael Cranna (ed.). *The True Cost of Conflict*. London: Earthscan, 1994.

три страны находятся в окружении внешнего кольца стран, на которых данная ситуация сказалась еще больше — Албании, Болгарии, Румынии и Словении, — чьи ВВП снизились от уровня 1989 года на 81, 88, 73 и 90% соответственно. Наконец, самое последнее кольцо — Венгрия, Греция и Турция; все эти страны также сообщали об экономических потерях как последствиях войны²⁶.

Наряду с прямыми экономическими издержками соседние страны несут основное бремя беженцев. Больше всего их оседает в соседних странах. Согласно цифрам УВКБ ООН, из 14,5 миллиона беженцев, зарегистрированных в 1995 году, большая часть приходится на Африку и Азию (6,7 миллиона и 5,0 миллионов соответственно). В число стран, принявших более чем 500 тысяч беженцев, входили Гвинея (беженцы из Либерии и Сьерра-Леоне), Судан (беженцы в основном из Эфиопии, Эритреи и Чада), Танзания (беженцы в основном из Руанды и Бурунди), Заир (который, по состоянию на 1995 год, уже принял 1,7 миллиона беженцев, из них 1,2 миллиона были из Руанды, остальные же в основном из Анголы, Бурунди и Судана), Иран (беженцы из Афганистана и Ирака), Пакистан (беженцы тоже из Афганистана и Ирака), Германия (беженцы в основном из бывшей Югославии) и США. В Европе крупнейшими после Германии реципиентами беженцев стали Хорватия и Сербия/Черногория. В 2004 году эта модель уже несколько поменялась. Из 9,6 миллиона беженцев около 60% приходилось на Африку, Ближний Восток и Центральную Азию. Крупнейшими реципиентами беженцев были

26. См.: *Bojicic Vesna, Kaldor Mary, Vejdova Ivan*. Post-war reconstruction in the Balkans // *European Foreign Affairs Review*. 1997. Vol. 2. No. 3.

Иран и Пакистан (беженцы из Афганистана), Германия и Танзания. По состоянию на 2010 год, почти 80% из 9,9 миллиона беженцев, вызывающих беспокойство УВКБ ООН, осели в Африке и Азии (включая Ближний Восток). Странами, принявшими более 500 тысяч беженцев, были Иран, Пакистан и Сирия; здесь сказались доминирование беженцев из Афганистана и Ирака²⁷.

Эти громадные скопления беженцев не только ложатся непомерным экономическим бременем на страны, которые и так уже бедны, но, кроме того, они представляют собой постоянный источник напряженности между беженцами и коренным населением. Это происходит по экономическим основаниям, поскольку они конкурируют за ресурсы, по политическим — поскольку они создают постоянное давление на правительства принимающих стран, чтобы те предпринимали какие-то действия по их возвращению домой, и по основаниям безопасности — ведь различные радикальные группы часто используют эти лагеря в качестве своих баз. Имеющий наиболее давнюю историю случай как экономического, так и политического бремени — палестинские беженцы, вытесненные на Западный берег и сектор Газа или осевшие в Иордании и Ливане. Как и в случае палестинских беженцев, постоянный источник политического давления с требованиями радикальных действий образуют беженцы и ВПЛ (внутренне перемещенные лица) в республиках бывшей Югославии, грузинские ВПЛ из Абхазии в Грузии или около миллиона азербайджанских беженцев из Нагорного Карабаха в Азербайджане. В Заире (ныне ДРК) лагерь хутских беженцев служи-

27. UNHCR, *The State of the World's Refugees*.

ли базой для ополченцев хуту и способствовали мобилизации заирских тутси против режима Мобуту.

Незаконный товарооборот — еще один канал распространения нового типа военной экономики. Торговые маршруты по необходимости пролегают через границы. Нестабильность в Албании в середине 1990-х годов главным образом была следствием роста мафиозных групп, тесно связанных с правящими кругами и участвовавших в срыве санкций против Сербии/Черногории, а также в контрабанде оружия в Боснию и Герцеговину. Для финансирования этой деятельности использовались столь драматично обрушившиеся «пирамиды»; это классический случай трансфера активов. Огромный поток вооружений афганским партизанским группам со стороны США в 1980-х годах (много этого оружия в основном ушло на сторону) преобразовался в сети торговли оружием и наркотиками, которыми покрыты Афганистан, Пакистан, Кашмир и Таджикистан²⁸. Марк Даффилд показывает, каким образом «заирцы, имевшие золото, но нуждавшие-

28. К концу 1986 г. Соединенные Штаты поставили помощи на сумму около 3 миллиардов долларов США. Какую-то часть ЦРУ перенаправило в Никарагуа и Анголу, что-то ушло пакистанской военной разведке на их собственные нужды и на черный рынок, что-то продали политические лидеры и что-то оттянули поставщики оружия благодаря раздутым счетам и разворованным грузам. Согласно Нейлору (*Naylor R. The insurgent economy*. P. 19): «Результатом было то, что не только международные гуманитарные организации были вынуждены прочесывать базары, чтобы выкупить ушедшее на сторону продовольствие, одежду, палатки и медикаменты, но и тем главарям афганских мятежников, которые хоть иногда воевали, пришлось использовать прибыль от торговли героином, чтобы купить оружие, за которое уже было заплачено США и Саудовской Аравией».

ся в импортных товарах, еде и топливе, суданцы, имевшие доллары, но нуждавшиеся в еде, одежде и кофе, и угандийцы, имевшие импортные товары, но нуждавшиеся в золоте и долларах для параллельных рынков Кампалы», являлись частью нелегальной долларовой торговли, связанной с войной в Судане²⁹.

И наконец, тенденцию к распространению имеет сама политика идентичности. Ни одна группа, объединенная идентичностью, определяется ли она языком, религией или еще какой-нибудь формой дифференциации, не остается на месте, но все они расходятся дальше, перетекают через границы; и тем не менее именно гетерогенность идентичностей создает благоприятную почву для различных форм эксклюзивизма. Представляющие большинство в одной стране являются меньшинством в другой: тутси в Руанде, Бурунди и ДРК, русские в большей части постсоветских государств (особенно так называемые казаки на границах России), исламские группы в Центральной Азии — вот некоторые из множества направлений, по которым следует политика идентичности.

Можно выявить целый ряд разрастающихся региональных кластеров, для которых характерны эти хищнические социальные условия новых военных экономик. Майрон Вайнер называет их «плохими соседствами». Наиболее явные примеры представлены балканским регионом с Боснией и Герцеговиной в центре, Кавказом к югу от Чечни и до Западной Турции и Северного Ирана, Африканским Рогом, включая Эфиопию, Эритрею, Сомали и Судан, Центральной Африкой, особенно

29. *Duffield Mark*. The political economy of internal war. P. 57.

Руандой, Бурунди и Демократической Республикой Конго, и Центральной Азией от Таджикистана до Индии. Страны, принимающие палестинских беженцев, можно было бы трактовать как еще один такой кластер. Поскольку Израиль заключил мир с соседними государствами, этот конфликт уже не выражается в терминах межгосударственной войны, и в нем начали проявляться многие из характеристик новых типов конфликта.

Заключение

У новых войн есть политические цели. Цель состоит в политической мобилизации на основе идентичности. Военной стратегией для достижения данной цели является перемещение населения и дестабилизация, чтобы можно было избавиться от тех, чья идентичность инакова, и возбудить ненависть и страх. Тем не менее эта разделительная и исключаящая форма политики не может быть свободна от своего экономического базиса. Различные политические/военные группы присваивают активы обычных людей, а равно и то, что осталось от государства, и снимают сливки с внешней помощи, предназначенной для пострадавших, делая это способом, возможным только в условиях войны или чего-то близкого к войне. Иными словами, война обеспечивает легитимацию различных преступных форм увеличения частных богатств, которые одновременно являются источниками денежных поступлений, необходимых для того, чтобы поддерживать состояние войны. Воюющим партиям, как для воспроизводства их власти, так и для доступа к материальным ресурсам, нужен более или менее постоянный конфликт.

Несмотря на то что эта хищническая конфигурация социальных отношений наиболее распространена в зонах военных действий, она характеризует и сопредельные регионы. Поскольку участие населения в войне сравнительно низкое (в Боснии только 6,5% населения непосредственно участвовали в ведении войны), разница между зонами военных действий и очевидно мирными зонами не обозначена столь же точно, как в прежние периоды. Различие между войной и миром провести настолько же трудно, насколько трудно провести различие между политическим и экономическим, публичным и частным, военным и гражданским. О новой военной экономике можно говорить как о некоем континууме, берущем начало в том соединении преступности и расизма, которое фиксируется в городах Европы и Северной Америки, и достигающем своей наиболее сильной манифестации в тех районах, где масштаб насилия максимален.

Если уж мы можем обнаружить насилие и хищничество в местах, которые считаются мирными зонами, то и практически во всех зонах военных действий можно найти островки цивилизованности. О них известно гораздо меньше, чем о насилии и преступности, как раз потому, что это не нормальное состояние, о котором обычно сообщается, а островки цивилизованности. Однако есть регионы, где по-прежнему функционирует местный государственный аппарат, где взимаются налоги, оказываются услуги и сохраняется какое-то производство. Есть группы, которые защищают гуманистические ценности и отвергают политику партикуляризма. Наглядный пример — город Тузла в Боснии и Герцеговине. Другой пример — это отряды самообороны, созданные в Южной Руанде. По отдельности сберечь эти островки цивилизо-

ванности трудно, они стиснуты полюсами насилия, однако такие примеры становятся возможны, поскольку сам этот новый тип войны имеет фрагментный и децентрализованный характер.

Именно потому, что новые войны — это некое социальное положение, проявляющееся по мере того, как увядает формальная политическая экономия, их очень трудно закончить. Дипломатические переговоры сверху не могут учесть подспудные социальные отношения; различные группы трактуются ими так, как будто они протогосударства. Временное прекращение огня или перемирие, возможно, попросту легитимирует новые соглашения или акты о партнерстве, устраивающие в данный момент эти различные группы.

Войска по поддержанию мира, посланные наблюдать за режимом прекращения огня, отражающим статус-кво, возможно, лишь помогут сохранить существующий раздел территории и предотвратить возвращение беженцев. Экономическая реконструкция, проходящая под контролем существующей «политической власти», возможно, всего лишь обеспечит новые источники поступлений по мере исчерпания местных активов. До тех пор пока властные отношения остаются теми же, насилие начнет снова — раньше или позже.

Страх, ненависть и хищничество не могут быть рецептами для долгосрочной жизнеспособной политики. Более того, этот тип военной экономики постоянно находится на грани истощения. Это, однако, не означает, что они исчезнут сами по себе. Надо, чтобы была некая альтернатива. В следующей главе я рассмотрю возможности для возникновения такой альтернативы, в частности то, как островки цивилизованности могли бы противопоставить новой войне некую иную логику.

6. По направлению к космополитическому подходу

ПОСЛЕ окончания холодной войны существовал большой оптимизм в отношении возможностей решения глобальных проблем, в частности, связанных с войнами. В докладе «Повестка дня для мира» Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали говорил о «втором шансе» для ООН теперь, когда холодная война больше не блокирует ее деятельность. В повседневное употребление вошел термин «международное сообщество», подразумевающий сплоченную группу правительств, действующих через международные организации. Казалось, что конфликты в целом ряде стран близки к завершению — в Камбодже, Намибии, Анголе, Южной Африке, Никарагуа, Афганистане. Что же до тех конфликтов, которые не были урегулированы, то казалось, что широкое одобрение получает идея о праве/долге интервенции в гуманитарных целях, изложенная французским министром и бывшим директором организации «Врачи без границ» Бернаром Кушнером.

В 1990-х годах заметно увеличилось число операций ООН по поддержанию мира, расширился и круг задач, помимо традиционных задач мониторинга и поддержания режима прекращения огня, о выполнении которых просили миротворцев: доставка гуманитарной помощи, защита людей в зонах безопасности, разоружение и демобилизация,

создание безопасной среды для проведения выборов и оповещение о нарушениях международного гуманитарного права. Помимо этого, были усилены и мандаты. И в Сомали, и в Боснии войска по поддержанию мира получили полномочия действовать согласно главе VII Устава ООН, которая позволяет применять силу. Кроме того, многосторонние операции по поддержанию мира проводились не только под эгидой ООН. За организацию миротворческих миссий были ответственны и региональные организации, такие как НАТО, ЕС, СНГ, АС или Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС). В 2001 году Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета под председательством Гарета Эванса и Мохаммеда Сахнуна выступила с концепцией «Обязанность защищать», которая была официально принята на Генеральной Ассамблее ООН в 2005 году и с тех пор все больше проникает в установочные документы ООН¹.

И все же, вопреки надеждам и благим намерениям, опыт, ставший известным как «гуманитарная интервенция», пока что разочаровывает, если не сказать больше. В лучшем случае люди получают питание и заключается хрупкое перемирие, хотя непонятно, можно ли этот результат приписывать присутствию войск по поддержанию мира. В худшем случае ООН оказывается опозорена и унижена, как, например, в случае, когда ей не удалось предотвратить геноцид в Руанде, когда так называемая «зона безопасности» в Сребренице оказалась занята боснийскими сербами или когда охота за сомалийским полевым командиром Айдидом закончи-

1. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>.

лась фарсом вперемешку с трагедией. Кроме того, сам термин «гуманитарная интервенция» использовался для оправдания войн, как например в Косове, а теперь в Ираке и Афганистане, что положило начало скептическому отношению ко всей концепции в целом; отсюда же понятие «военный гуманизм», введенное Ноамом Хомским². Даже недавняя интервенция в Ливию, восхваляемая некоторыми как первый пример реализации программы «Обязанность защищать», поднимает вопросы относительно того, каким образом употребляется данный термин.

Этим неудачам было дано много объяснений: краткосрочное мышление политиков, роль СМИ, которые пробуждают общественное сознание в конкретное время и в конкретном месте, недостаточная координация правительств и международных органов, нехватка материальных ресурсов, — и все они имеют определенные резоны. Однако наиболее важное объяснение заключается в ошибочном восприятии, упорном сохранении унаследованных из прошлого способов мыслить об организованном насилии, неспособности понять характер и логику новой войны. Одним типом реакции на новые войны стала трактовка их в качестве войн в духе Клаузевица, в которых воюющие стороны являются государствами или же объединениями, претендующими на государственность. Многие из употребляемых терминов, такие как «вмешательство», «поддержание мира», «принуждение к миру», «суверенитет», «гражданская война», исходят из представлений о национальном государстве и нововременной войне, которые не толь-

2. *Chomsky Noam. The New Military Humanism: Lessons from Kosovo.* London: Pluto, 1999.

ко трудно применимы в современном контексте, но и вообще могли бы стать препятствием для надлежащих действий. Другой тип реакции фаталистичен. Поскольку эти войны не могут быть поняты в традиционных терминах, считают, что они представляют собой возврат к примитивизму или анархии, а следовательно, максимум, что можно сделать, — это только смягчить последствия. Иными словами, войны трактуются как природные катастрофы; отсюда использование таких терминов, как «комплексная чрезвычайная ситуация», — терминов, свободных от политического значения. Действительно, здесь предполагается, что сам термин «гуманитарный» должен иметь неполитическое значение. Его начали ассоциировать с оказанием гуманитарной помощи в войнах, с помощью нонкомбатантам или раненым, а не с соблюдением прав человека, которое подразумевалось классическим употреблением термина «гуманитарная интервенция»³.

Анализ, проведенный в предыдущих главах, предполагает иной подход к попыткам разрешения этих конфликтов. Необходим гораздо больший политический отклик на новые войны. Необходимо, чтобы стратегии насаждения «страха и ненависти» была противопоставлена стратегия захвата «сердце и умов». Необходимо, чтобы политике исключения была противопоставлена политика включенности. Необходимо, чтобы преступления полевых командиров было противопоставлено уважение международных принципов и правовых норм. Короче говоря, необходима новая форма космополитической политической мобилизации, которая

3. См.: *Walzer Michael. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations.* Harmondsworth: Penguin, 1980.

охватывала бы и так называемое международное сообщество, и местное население и была бы способна служить противовесом подчиняющему влиянию различных типов партикуляризма. Скептик мог бы возразить, что на международной повестке уже стоит некая форма космополитической политики. Несомненно, уважение прав человека, абсолютное неприятие геноцида и этнических чисток все чаще фигурируют в общепринятой риторике политических лидеров. Однако политическая мобилизация не исчерпывается этими вещами. На первом плане здесь не должны стоять прочие соображения, будь то геополитика или краткосрочные внутренние заботы. Должны быть созданы базовые рекомендации стратегического и практического плана, которых нет и по сей день.

В этой главе я развиваю данный аргумент. Сначала я изложу некоторые общие соображения о принципах легитимности и о терминологии гуманитарной интервенции, а затем разберу то, что мог бы значить космополитический подход с политической, военной и экономической точек зрения.

Реконструкция легитимности

Ключ к контролю над насилием — реконструкция легитимности. Я согласна с Ханной Арендт, говорящей, что власть покоится на легитимности, а не на насилии. Под легитимностью я понимаю общественное согласие с политическими институтами и даже поддержку таковых институтов, притом что свои властные полномочия эти институты приобретают на основе деятельности в рамках согласованного набора правил — верховенства права. Арендт утверждает:

Никогда не существовало правительства, которое основывалось бы исключительно на средствах насилия. [...] У отдельных людей, никем не поддерживаемых, никогда не будет достаточной власти, чтобы успешно применять насилие. Следовательно, во внутренних делах насилие выполняет функцию последнего средства власти против преступников или мятежников, то есть против отдельных индивидов, которые, скажем так, отказываются подчиниться консенсусу большинства. Что же касается реальной войны... то огромное превосходство в средствах насилия может стать бесполезным, столкнувшись с плохо оснащенным, но хорошо организованным противником, который представляет гораздо более могучую силу⁴.

То же самое доказывается Гидденсом. Внутреннее умиротворение новоевропейских государств достигалось не насилием, а расширением верховенства права и попутно административных функций государства, включая расширение функций надзора. Монополия на легитимное организованное насилие подразумевала контроль над насилием и гораздо меньший расчет на использование физического принуждения, не считая, конечно, его использования на международной арене. Досовременные государства применяли во внутренних делах гораздо больше насилия, чем новоевропейское, но они были и гораздо менее могущественными. В той мере, в какой внешнее насилие способствовало внутреннему умиротворению, это была непрямая связь, вытекающая из возросшей легитимности государства, обусловленной защитой территории от внеш-

4. *Arendt Hannah*. Reflections on Violence. London and New York: Harcourt, Brace, 1979. P. 50–51.

них врагов и приращением административного потенциала.

В новых войнах нарушена эта монополия на легитимное насилие. И решающее значение здесь имеет не приватизация насилия как таковая, а распад легитимности. Как я уже говорила в предыдущей главе, новая война имеет партикуляристские цели. Политический контроль на основе исключения, в частности перемещения населения, — это стратегическая цель, а террор и дестабилизация — это тактика для достижения данной цели. По этой причине восстановление легитимности фактически невозможно для любой из воюющих партий. Спорадически насилие может контролироваться при помощи шатких перемирий и режима прекращения огня, но они редко длятся долго в ситуациях, когда нарушены моральные, административные и практические ограничения против частного насилия. Впрочем, в условиях непрерывного насилия сравнительно бессильны и обособленные группы граждан или политические партии, пытающиеся восстановить легитимность на основе политики инклюзивности.

Термин «космополитизм», употребляемый в кантианском смысле, подразумевает существование человеческого сообщества с определенными разделяемыми всеми правами и обязанностями. В трактате «К вечному миру» Кант изобразил мировую федерацию демократических государств, в которой право гражданина мира сводится к праву «гостеприимства» — следует радушно принимать странников и иностранцев и обращаться с ними с уважением⁵. Я употребляю этот термин в расши-

5. *Perpetual Peace* (1795) // *Kant's Political Writings* / ed. Hans Reiss. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. *Кант И.*

рительном смысле, обозначая им, с одной стороны, некое позитивное политическое видение, охватывающее собой толерантность, мультикультурализм, цивилизованные порядки и демократию, а с другой — некое, в большей мере правовое, уважение к определенным первостепенным универсальным принципам, которыми должны руководствоваться политические сообщества на различных уровнях, включая глобальный. Иными словами, космополитизм объединяет в себе уважение к универсальным общечеловеческим принципам и ориентированность на несектантское мировоззрение и даже решительнее — на прославление культурного разнообразия, высокую оценку и гордость от того, что люди несхожи между собой.

Эти общечеловеческие принципы подспудно уже содержатся в различных договорах и конвенциях, составляющих корпус международного права⁶. Во второй главе я ссылаюсь на различные правила ведения боевых действий и законы войны, в которых дело касается злоупотреблений вооруженной силой. Законы и обычаи войны, восходящие к раннему Новому времени, были кодифицированы в XIX и XX столетиях; особенно важны были Женевские конвенции, принятые при содействии Международного комитета Красного Креста (МККК), и Гаагские конференции 1899 и 1907 годов. Нюрнбергские процессы после Второй мировой войны обозначили рубеж, с которого впервые началось применение законов против «военных преступлений» или, что существеннее, «преступлений про-

К вечному миру//Иммануил Кант. Сочинения. В 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994.

6. См.: *Teitel Rudi. Humanity's Law. Oxford: Oxford University Press, 2011.*

тив человечности». В послевоенный период к тому, что было известно как международное гуманитарное право, прибавились нормы, касающиеся прав человека. Разница между гуманитарным правом и законами о правах человека имеет отношение в основном к тому, происходят ли нарушения закона на войне или в мирное время. Первое ограничивает свой предмет злоупотреблениями властью в ситуации военного времени. Обычно здесь исходно предполагается, что война — это, как правило, новоевропейская межгосударственная война и что злоупотребления подобного рода исходят от иностранной державы, иными словами, речь идет об агрессии. Вторые в равной мере озабочены злоупотреблениями властью в мирное время, в частности злоупотреблениями правительства в отношении его граждан, то есть речь идет о репрессиях⁷.

Нарушения международных норм, находящиеся в ведении того и другого корпуса права, это в действительности именно те нарушения, которые образуют самую сердцевину нового образа ведения войны. Как я уже говорила, в новых войнах нарушаются классические различия между внутренним и внешним, войной и миром, агрессией и репрессией. Военное преступление — это в то же самое

7. «Назначением законов вооруженного конфликта было регулирование случаев использования насилия между государствами, а в случае гражданских войн — между властями и восставшими. Назначением законов о правах человека было (среди прочего) предотвращение и регулирование случаев использования насилия властями по отношению к подданным, находятся ли они формально в состоянии восставших или нет; некая область конфликта, для которого международное право, по определению, не предложило средств». *Best Geoffrey. War and Law Since 1945.* Oxford: Clarendon Press, 1994.

время еще и массовое нарушение прав человека. Ряд авторов уже указали на то, что для формирования «гуманного» или «космополитического» права гуманитарное право следует объединить с законами о правах человека⁸. Не так давно Руди Тайтель предложила термин «закон человечности». Какие-то элементы космополитического режима уже существуют⁹. Неправительственные организации и СМИ привлекают внимание к нарушениям прав человека или военным преступлениям, правительства и международные институты в какой-то степени реагируют на это, используя различные методы — от убеждения и давления до пока еще робкого контроля за соблюдением правовых норм. В отношении последнего особенно важным было учреждение международных трибуналов, рассматривающих нарушения международного гуманитарного права в Руанде и бывшей Югославии, и создание Международного уголовного суда (МУС), разбирающего дела по тяжким международным преступлениям (*core crimes*) — военным преступлениям, преступлениям против человечности и геноциду. Трибуналы по военным преступлениям были учреждены в 1993 и 1994 годах, а МУС — в 1998 году.

Эти робкие шаги по направлению к космополитическому режиму, однако, вступают в конфликт со многими более традиционными геополитическими подходами, принятыми так называемым международным сообществом, продолжающим подчеркивать важность государственного суверенитета

8. По теме гуманного или космополитического права см.: *Pictet J. International humanitarian law: a definition // UNESCO, International Dimensions of Humanitarian Law. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1988.*

9. *Teitel Rudi. Humanity's Law.*

как базиса международных отношений. Это в особенности проявилось после 11 сентября и провозглашения «Войны против терроризма». В той терминологии, которая используется для описания реакции международного сообщества на конфликты, начавшиеся после окончания холодной войны, отражено преобладание геополитики. Литература изобилует дискуссиями о вмешательстве и невмешательстве¹⁰. Вмешательство берется в значении посягательства на суверенитет, а в своей сильной версии — военного посягательства. Считается, что недопущение вмешательства, выраженное в частности в п.1 ст. 2 Устава ООН, которая отсылает к «принципу суверенного равенства», имеет важное значение, будучи способом удерживать применение силы в рамках, уважать плюрализм и выступать «в качестве тормоза для крестовых походов, территориальных и имперских амбиций государств»¹¹. Но что означает вмешательство и невмешательство в настоящее время? Новые типы войны являются и глобальными, и локальными. Уже имеет место широкое международное участие — как частное (посредством связей в диаспоре, НПО и т.д.), так и публичное (посредством государств-патронов или международных органов, предоставляющих помощь или займы либо оказывающих иные виды содействия). Более того, как я говорила в предыду-

10. Хорошую вводную литературу по проблеме см. в: *Ramsbotham Oliver, Woodhouse Tom. Humanitarian Intervention in Contemporary Conflict: A Reconceptualization. Cambridge: Polity, 1996; Forbes Ian, Hoffman Mark. Political Theory, International Relations and the Ethics of Intervention. London: Macmillan, 1993.*

11. *Roberts Adam. Humanitarian Action in War, Adelphi Paper 305. Oxford: Oxford University Press for the International Institute for Strategic Studies, 1996.*

щей главе, различные стороны конфликта всецело зависят от поддержки извне. Также это, как правило, войны, характеризующиеся эрозией или дезинтеграцией государственной власти. Какой смысл в том, чтобы в подобной ситуации говорить о посягательстве на суверенитет?

Иллюстрацией искусственности этих терминов был спор о том, являлась ли война в Боснии межгосударственной или гражданской войной? Те, кто полагал, что это межгосударственная война, благосклонно относились к внешнему вмешательству для поддержки боснийского государства. Их позиция состояла в том, что боснийское государство уже было признано международным сообществом и что эта война является результатом акта агрессии со стороны Сербии. Отсюда следовал вывод, что данное вмешательство было оправдано согласно главе VII Устава ООН, так как сербская агрессия — это «угроза международному миру и безопасности». Те же, кто полагал, что это гражданская война, были против вмешательства. Они утверждали, что это была национально-освободительная война между сербами, хорватами и боснийцами за контроль над остатками югославского государства, а значит, вмешательство было бы нарушением суверенитета. Обе позиции упускали суть дела. Это была война этнических чисток и геноцида. Не все ли равно, совершались ли преступления сербами из Белграда или сербами из Боснии? Не все ли равно в практическом плане, были ли международным сообществом признаны Югославия или Босния государствами? Надо было что-то сделать для защиты самих жертв и подкрепления уважения к международным гуманитарным нормам. Спор же о том, был ли этот конфликт межгосударственной или гражданской войной, фактически

трактовал его как старую войну между сражающимися сторонами, в которой насилие против гражданского населения — это всего лишь побочный эффект войны.

Кроме того, поскольку в данном типе конфликта уже столь широко в различных формах наличествует внешнее участие, такой вещи, как невмешательство, просто не существует. Непредоставление защиты пострадавшим — это некая разновидность безмолвного вмешательства на стороне тех, от кого исходят злоупотребления против гуманитарных прав или прав человека.

Иногда высказывается мнение, что вмешательством следует называть только военное вмешательство. Военные средства часто противопоставляются политическим в качестве способа разрешения конфликтов. В основе этого различия лежит допущение, что данные войны сопоставимы с современными войнами. Военная интервенция подразумевает военную поддержку одной из сторон в конфликте. С другой стороны, политический подход подразумевает ведение переговоров между сторонами. Отсюда спор о том, была ли война в Боснии межгосударственной или гражданской войной, представлялся порой как спор о военных средствах против средств политических. Повторюсь, этот спор упускал суть дела. Вопрос был не в том, использовать ли военные или политические средства, а в том, какого рода политика будет руководить применением военной силы. Предпосылкой аргумента в пользу внешнего вмешательства на стороне боснийского государства, как и аргумента в пользу ведения переговоров, которые, возможно, привели бы к использованию войск в роли миротворцев, является традиционный геополитический взгляд на этот конфликт, согласно которому обе стороны

должны быть протогосударствами и согласно которому политическое решение возникло бы либо в результате победы одной из сторон, либо в результате компромисса. Это решение должно было бы иметь отношение к разделу территории.

Альтернативный космополитический подход исходит из допущения, что решение не осуществимо, если оно основывается на политических целях воюющих сторон, и что законность может быть восстановлена только на основе альтернативной политики, действующей в рамках космополитических принципов. Как только будут установлены ценности включенности, толерантности и взаимоуважения, за ними с легкостью последуют территориальные решения. Что это значит в практическом плане, станет предметом остальных разделов данной главы.

От дипломатии, проводимой сверху вниз, к космополитической политике

Международное сообщество относительно успешно справилось с тем, чтобы останавливать (по крайней мере временно) конфликты, идя путем переговорных решений между воюющими сторонами. Впрочем, у этого подхода есть несколько недостатков.

Во-первых, участвуют в переговорах обычно те люди, которые, собственно, и несут ответственность за насилие. Таким образом переговоры повышают статус воюющих партий и сообщают своего рода публичную легитимность лицам, которые могут быть преступниками. Во время боснийской войны многие отмечали тот парадокс, что по телевизору показывали международных переговорщиков,жимающих руки Караджичу и Младичу, притом

что Международный трибунал и ведущие западные политики уже назвали их обоих военными преступниками. То же самое противоречие наглядно и в случае участия «красных кхмеров» в парижских переговорах, результатом которых были соглашения об окончании войны в Камбодже, и в привлечших большое внимание переговорах между Мохаммедом Айдилом и Али Махди по поводу разделения Могадисхо вскоре после прибытия войск США в Сомали в декабре 1992 года, и в нынешнем выдвигании талибов на передний план переговоров в Афганистане.

Во-вторых, прийти к осуществимому решению чрезвычайно трудно ввиду партикуляристской природы политических целей воюющих сторон. Один из вариантов — территориальный раздел как некая разновидность апартеида на основе идентичности. Другим вариантом выступает совместное разделение власти на основе идентичности. Документальные материалы подобных соглашений удручают. Разделами не обеспечивается основание для стабильности; беженцы, перемещенные лица или только что оформленные меньшинства образуют долговременный источник напряженности, что подтверждается историей разделов на Кипре, в Индии, Пакистане, Ирландии или Палестине¹². Не лучше обстоит дело и с соглашениями о разделении власти. Конституции и Кипра, и Ливана являют собой пример неосуществимых компромиссов, обостривших этническую и/или религиозную конкуренцию и взаимную подозрительность. Вашингтонское соглашение между хорватами и мусульманами, Дейтонское соглашение, Соглашение

12. См.: *Kumar Radha*. The troubled history of partition // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. No. 1.

в Осло между Израилем и палестинцами, Таифское соглашение в Ливане — все они сегодня наглядно демонстрируют потуги объединить несовместимые формы эксклюзивизма.

Третий недостаток состоит в том, что подобные соглашения основываются, как правило, на преувеличенных ожиданиях относительно того, что у воюющих сторон хватит сил и власти, чтобы выполнить соглашения. Так как власть воюющих сторон опирается в основном на страх и/или корыстный интерес, а не на общественное согласие, они нуждаются в небезопасной среде, чтобы поддерживать себя на плаву и в политическом, и в экономическом отношении. В политическом плане идентичность опирается на страх и ненависть к другому. Если же говорить об экономике, то денежные поступления зависят от сторонней помощи, идущей в пользу военных действий, и от различных форм трансфера активов, в основе которых лежит мародерство, вымогательство или же ценовые диспропорции, ставшие результатом ограничений свободы передвижения. В мирное время эти источники средств к существованию перестают действовать.

Зачастую высказывается мнение, что, несмотря на эти недостатки, иной альтернативы нет, что это единственные люди, которые могут покончить с насилием. Естественно, тот, кто несет ответственность за насилие, тот и обязан положить ему конец, однако из этого не следует, что эти люди могут наладить мир. Переговоры с полевыми командирами порой, может быть, и необходимы, но нужно, чтобы они происходили в контексте, в котором могут быть возвращены альтернативные политические круги вне узкогрупповой принадлежности. Цель здесь состоит в том, чтобы создать условия альтернативной политической мобилизации. Это значит,

что посредники должны очень четко представлять себе международные принципы и стандарты и отвергать компромиссы, если они нарушают данные принципы; в противном случае пострадает доверие к институтам и с выполнением соглашений могут возникнуть большие трудности. Суть переговоров — взятие насилия под контроль для того, чтобы можно было создать простор для возникновения или возрождения гражданского общества. Чем «нормальнее» ситуация, тем обширнее возможности для развития политических альтернатив. Есть еще и другой, так сказать, потенциальный источник власти, который обязательно должен быть представлен на переговорах, учитываться или включаться в любой компромисс и который, вообще говоря, должен больше проявлять себя. Именно ввиду того, что это не тотальные войны, вовлеченность в них населения низка, лояльность непостоянна, источники поступлений иссякают, — всегда существует возможность выявления местных борников космополитизма, людей и мест, отвергающих политику войны, то есть выявления острокровок цивилизованности.

В третьей главе я описала пример Тузлы в Боснии и Герцеговине. Еще один пример — северо-западный Сомалиленд, где местным старейшинам через переговорный процесс удалось установить относительный мир. В Армении и Азербайджане тамошним отделениям Хельсинской гражданской ассамблеи (ХГА) удалось договориться с местными властями по обе стороны границы, в Казахе и Иджеване, и создать мирный коридор; этот коридор стал местом освобождения заложников и военнопленных, местом, где был организован диалог между женскими группами, молодежью и даже силами безопасности. В Сьерра-Леоне женское дви-

жение сыграло решающую роль в оказании давления с требованием демократии и прокладывании мирного пути¹³. В Афганистане была образована «Гражданская платформа за национальные интересы и безопасность человека», в состав которой вошли религиозные и племенные лидеры, женские и молодежные группы, учителя, врачи и другие люди, для которых забота об общественном интересе стала их собственным выбором¹⁴.

В Южной Африке во время насильственных столкновений между Партией свободы Инката (ПСИ) и Африканским национальным конгрессом (АНК) было много случаев мирных договоров, заключенных на местном уровне. Дэвин Бреммер описал, как фонд Wilgespruit Fellowship Centre смог создать мирную зону в Медоулендсе в Соуэто, которое было очагом насилия между ПСИ и АНК¹⁵. В общине Мпумаланга в Квазулу-Натале два местных лидера, представлявших две главные политические группы, объединились с другими жителями, чтобы образовать Фонд мира и надежды, который на локальном уровне предоставлял услуги посредничества и другие услуги по разрешению конфликтов, такие как «система контроля слухов»¹⁶. На Филиппинах стратегия мирных зон была принята после того, как один город на севере, Хунгдуан, убе-

13. *Kaldor Mary*. A decade of humanitarian intervention: the role of global civil society // Helmut Anheier, Marlies Glasius and Mary Kaldor (eds). *Global Civil Society* 2001. Oxford: Oxford University Press, 2001.

14. URL: <http://www.afpam.org/2011/09/nulla-dolore-amet-blanditi-wisi/>

15. *Bremmer Davin*. Local peace and the South African transition // *Peace Review*. 1997. Vol. 9. No. 2.

16. *Warfield William*. Moving from civil war to civil society // *Peace Review*. 1997. Vol. 9. No. 2.

дил партизан уйти из города, а потом не дал войти в него военным; как говорят, стратегия мирных зон стала важным фактором окончания войны¹⁷.

Можно перечислить много других примеров из Северной Ирландии, Центральной Америки, Воеводины или Западной Африки. Почти во всех этих случаях важную роль играют женские группы. О них редко сообщается, потому что они выпадают из новостной повестки. В круг их деятельности могут входить локальные переговоры и разрешение конфликтов между местными фракциями или давление на воюющие стороны, чтобы те не приближались к конкретной местности. Им зачастую трудно поддерживать свою деятельность из-за тягот военной экономики — притока ищущих безопасного места беженцев, безработицы и пропаганды, особенно телевидения, радио и видеокассет, контролируемых воюющими сторонами. Однако необходимо, чтобы их принимали всерьез и чтобы они получили кредит доверия тех, кто оказывает стороннюю поддержку.

Эти группы представляют потенциальное решение. Насколько они способны мобилизовать поддержку, настолько же ослабляют власть воюющих сторон. Насколько могут быть расширены контролируемые ими районы, настолько же уменьшаются размеры районов военных действий. Они представляют собой также хранилище знаний и информации о местной ситуации, они могут давать рекомендации и направлять космополитическую стратегию.

Во многих местах правительства и международные организации делают все больший акцент на роли местных НПО и низовых инициатив и пре-

17. Ed Garcia /Filipino zones of peace //Peace Review. 1997. Vol. 9. No. 2.

доставляют им финансирование и другие формы поддержки. В ряде случаев поддержка НПО видится неким субститутом действия. Предполагается, что они должны взять на себя те задачи, которые международное сообщество не способно выполнить. Однако непонятым остается то, что в контексте войны выживание таких групп всегда под вопросом. Гражданское общество нуждается в государстве. Если местные государственные органы не обеспечивают те условия, в которых возможно развитие альтернативной политики, то должна быть поддержка от международных организаций. Как бы мужественны ни были те, кто заняты деятельностью в НПО, они не могут работать вне обстановки правопорядка. Движение за мир в Боснии и Герцеговине было уничтожено, когда сербы начали стрелять по демонстрантам. То, что происходило в Руанде, это классическая иллюстрация того, что бывает с местными поборниками космополитизма, когда нет сторонней поддержки. Вот что говорит об этом Алекс де Ваал:

Руанда имела образцовое «правозащитное сообщество». Семь НПО по защите прав коренного населения тесно сотрудничали со своими иностранными коллегами и патронами, обеспечивая не имеющую себе равных документальную фиксацию идущих массовой резни и убийств. [...] Они предсказывали массовые зверства, если известные поименно виновники не будут призваны к ответу. Однако не было «основного движения», которое могло бы подкрепить планы активистов, не было политического истеблишмента, готового прислушаться к их критике и действовать согласно ей, и не было международных организаций, готовых пойти на меры и понести риски, необходимые для их защиты. [...] 6 апреля 1994

года экстремисты хуту потребовали у правозащитного сообщества признаться во лжи и запустили процесс окончательного решения. Наравне с искоренением всех тутси, они принялись за систематичное уничтожение всех критиков. ООН самоустранилась, а правительство США выдумывало благовидные предлоги, извиняющие бездействи¹⁸.

Поскольку воюющие группы полагаются на стороннюю поддержку, постольку нужна сознательная стратегия опоры на локальные космополитические инициативы. Какую форму примет поддержка, будет ли она включать отправку войск, зависит от ситуации и того, что местные группы посчитают необходимым. Однако до сих пор отсутствует решимость вступить в серьезный диалог с этими группами наряду с диалогом с воюющими сторонами, увидеть в них партнеров в совместном космополитическом проекте и сообща выработать взаимную стратегию расширения круга сторонников мира. Со стороны западных политических лидеров существует тенденция отклонять подобные инициативы как несущественные, хотя и достойные; «граждане не могут заключать мир», — это сказал Дэвид Оуэн, когда был переговорщиком в бывшей Югославии. Может быть, данная установка объясняется горизонтальным характером коммуникации на высшем уровне, то есть тем фактом, что лидеры, как правило, разговаривают только с лидерами. Это также имеет отношение к колониальной ментальности, которая, как представляется, крепко засела в головах представителей международных институтов, находящихся с миссией в отдаленных странах;

18. Times Literary Supplement. 21 February 1997.

будь то в Сомали, Боснии или Закавказье, повсюду раздаются жалобы на то, что никто, по-видимому, не прислушивается систематически к мнению местных экспертов или НПО.

Водитель-сомалиец в Могадишо прокомментировал переговоры между Мохаммедом Айдидом и Али Махди следующими словами:

Все согласны, что эти люди причинили стране очень много ненужных страданий. Мы понимаем, что посольству США пришлось иметь с ними дело. Но разве надо было обниматься с ними столь крепко и столь публично? На мой взгляд, все они — военные преступники. Внешнему миру следовало бы сказать им, что да, надо, чтобы они позволили появиться и другим лидерам. Почему посольство США не пригласило также религиозных лидеров, старейшин, женщин, профессионалов, когда встречались Айдид и Али Махди, чтобы дать понять им, у кого украдена власть? Очень жаль, что они не думали об этом. Были посланы совсем неправильные сигналы¹⁹.

В действительности как раз такой была стратегия Мохаммеда Сахнуна, который в апреле 1992 года был назначен спецпредставителем ООН в Сомали и в октябре ушел в отставку из-за разочарования в политике ООН. Говоря словами Алекса де Вааля, в Сомали роль Сахнуна оказалась «мифологизирована». Он открыто добивался того, что называл стратегией «гражданского общества», в рамках которой к разнообразным переговорам привлекаются старейшины, женщины и нейтральные кланы: «Его стратегия состояла не столько в том, чтобы маргинализировать полевых командиров, сколько в том,

19. Цит. по: Ibid. P. 30.

чтобы включить в политическую дискуссию людей вне круга полевых командиров»²⁰.

Манкирование альтернативными источниками власти выявляет некую близорукость, связанную с недопониманием самого характера власти и того отношения, в котором власть состоит с насилием. Действенный ответ на новые войны должен основываться на альянсе между международными организациями и локальными поборниками космополитизма с целью реконструировать легитимность. Необходимо, чтобы стратегия завоевания «сердец и умов» отождествлялась с личностями и группами, которые пользуются уважением за их порядочность. Их самих надо поддерживать, а их советы, предложения и рекомендации необходимо принимать всерьез. Для космополитического ответа нет стандартной формулы; суть здесь скорее в том, что в каждой локальной ситуации должен существовать процесс, вовлекающий те лица и группы, посредством которых проводится некая стратегия. Необходимо сообща проработать различные слагаемые международного участия — использование войск, роль переговоров, финансовые средства на реконструкцию.

Часто высказывалось мнение о трудностях точного выявления локальных космополитов. Не являются ли они всего лишь маргинальными группами интеллектуалов? Есть ли умеренные религиозные и националистические группы, считающиеся кос-

20. *De Waal Alex.* Famine Crimes: Politics and the Disaster Relief Industry in Africa. Bloomington and Indianapolis: Africa Rights and the International African Institute/Indiana University Press, 1997. P. 178. См. также: *Sahnoun Mohamed.* Somalia: The Missed Opportunities. Washington, DC: US Institute for Peace, 1994.

мополитическими? Здесь, конечно, необходимы развернутые экспертные консультации. Но посредством подобных консультаций можно выделить тех, кто озабочен будущим всего общества в целом, а не просто сектантским интересом. При более инклюзивном подходе ключевую роль играют обычно женские группы. Даже притом что космополиты составляют немногочисленное меньшинство, зачастую они оказываются наилучшим источником идей и предложений.

Следствия данного аргумента затрагивают также и способы оказания международным сообществом политического давления на политических и военных лидеров для достижения соглашения или получения разрешения на ввод сил поддержания мира. В число типичных методов входят угроза воздушных ударов или экономические санкции, вследствие чего происходит отождествление лидеров с населением вместо их обособления, их начинают трактовать как тех, кто представляет «стороны», как легитимных лидеров государств или протогосударств. Подобные методы легко могут оказаться контрпродуктивными, будучи чуждыми местному населению и сужая возможности давления снизу. Возможно, есть обстоятельства, в которых эти методы будут верной стратегией, и есть другие — где более эффективными могут оказаться более прицельные подходы: например, привлечение лидеров к суду в качестве военных преступников, так чтобы они не могли никуда уехать; снятие ограничений с культурной коммуникации, чтобы таким образом поддержать гражданское общество. Суть в том, что местные космополиты лучше всего смогут посоветовать, какой из подходов будет наилучшим, — с ними необходимо консультироваться и обращаться как с партнерами.

От поддержания мира
и/или принуждения к миру
к космополитическому
правоприменению

В литературе по вопросу поддержания мира, как правило, проводится жесткое разделение между поддержанием мира и принуждением к миру²¹. Оба термина основываются на традиционных допущениях относительно характера войны. Поддержание мира основывается на предпосылке того, что между двумя сторонами, участвующими в войне, соглашение уже достигнуто, и задача миротворца — осуществлять наблюдение и мониторинг того, как это соглашение выполняется. Принципы поддержания мира, как они сложились в послевоенный период, — согласие, беспристрастность и неприменение силы. С другой стороны, принуждение к миру, санкционированное согласно главе VII Устава ООН, это в своей основе вступление в военные действия — оно означает вмешательство в войну на одной из сторон. Это различие считается важным, потому что, как изначально и предполагается, военные действия влекут за собой применение максимальной силы, поскольку войны, как они понимаются в традиции Клаузевица, тяготеют к крайностям. Озабоченность генерала Роуза во время войны в Боснии и Герцеговине «пересечением линии Могадишо» связана с сохранением этого раз-

21. См., напр.: William J. Durch (ed.). *The Evolution of UN Peacekeeping: Case Studies and Comparative Analysis*. New York: St Martin's Press, 1993; Ministry of Defence, *Wider Peacekeeping*. London: HMSO, 1995; *Berdal Mats R. Whither UN peacekeeping?* Adelphi Paper 281. London: International Institute for Strategic Studies, 1993.

личения и с тем, чтобы не соскользнуть от поддержания мира к принуждению к миру.

Анализ новых войн показывает, что нужно как раз не поддержание мира, а контроль за применением космополитических норм, то есть контроль за применением международного гуманитарного права и законов о правах человека. Именно потому, что эти войны главным образом направлены против гражданского населения, они не имеют той же логики крайностей, какая характерна для нововременных войн. И поэтому должна быть возможность разработки стратегии по защите гражданского населения и задержанию военных преступников. Политическая цель состоит в том, чтобы обеспечить защищенные зоны, где могут появиться альтернативные формы инклюзивной политики. Для этого годятся многие из тех тактик, которые были выработаны в войнах недавнего времени (например, использование зон безопасности, гуманитарных коридоров или бесполетных зон), однако на сегодняшний день их реализация затруднена негибкостью мандатов и/или жесткой приверженностью тому, что видится как принципы поддержания мира. Ряд авторов уже предложили новые определения того, что нужно, чтобы усидеть на двух стульях представлений о поддержании мира и принуждении к миру, — как, например, «поддержание мира второго поколения», «активное поддержание мира» (*robust peacekeeping*) или официальный британский термин «расширенное поддержание мира» (британцы настаивают, что это все же поддержание мира, а не промежуточный термин), — но все они, как правило, остаются в традиционных рамках мышления о войнах²².

22. См., напр.: *Mackinlay John, Chopra Jarat. A Draft Concept of Sec-*

Космополитическое правоприменение лежит где-то посередине между воинской операцией и полицейскими функциями. Некоторые из тех задач, ради выполнения которых возможно обращение к международным войскам, вполне укладываются в традиционные пределы: например, разведение противников, обеспечение режима прекращения огня или контролирование воздушного пространства. Другие же задачи являются существенно новыми: например, защита зон безопасности или коридоров для доставки гуманитарных грузов. Третьи близки к традиционным полицейским задачам: обеспечение свободы передвижений, гарантирование личной безопасности (особенно возвратившихся беженцев или перемещенных лиц) и задержание военных преступников. Полицейские функции оказались огромным пробелом операций по поддержанию мира. В 1960-х годах, когда силы по поддержанию мира были посланы на Кипр, они не смогли предотвратить межобщинный конфликт, потому что полицейские функции не были частью их мандата. Вооруженные силы известны нежеланием брать на себя полицейские задачи, однако оказалось, что к этому сложно привлечь и полицейских, так как они нужны в собственном обществе. Как бы ни оценивалось сделанное ими, британские силы в Северной Ирландии брались за выполнение полицейских задач. С учетом маловероятности еще одной старой войны вооруженным силам в конечном счете все же придется переориентироваться, объединив выполнение военных и полицейских задач.

Подобные задачи требуют контроля за соблюдением правопорядка и поэтому обязательно пред-

ond Generation Multinational Operations, Providence, RI: Thomas J. Watson Jr. Institute for International Studies, 1993.

полагают применение силы, и все же, учитывая принципы, которыми определяется их применение, задачи космополитического правоприменения стоят ближе к операциям по поддержанию мира. Имеет смысл разъяснить эти принципы и показать, как нужно было бы их переформулировать.

Согласие

В тех сценариях, которые были разработаны при подготовке официального наставления для британских сил по поддержанию мира, сделано заключение, что «принудительное умиротворение» не имеет практического смысла:

Без более широкой кооперации и согласия большинства местного населения и руководства основных органов действующей власти, будь то стороны в споре или правительственные учреждения, рассчитывать на успех попросту неразумно и нереалистично. Подход, действующий вне рамок широкого согласия, сопряжен с такими рисками и требует такой численности сил, рассчитывать на которые попросту неразумно и нереалистично. Проще говоря, согласие (в самой широкой форме) — это обязательное условие, если мы хотим иметь хоть какие-то виды на успех²³.

Сообразно этому аргументу, согласие требуется как на оперативном, так и на тактическом уровне. На оперативном уровне согласие требуется до учреждения миссии. На тактическом о локальном согласии уже нужно договариваться командующим силами.

23. *Dobbie Charles*. A concept for post-Cold War peace-keeping // *Survival*. Autumn 1994. Vol. 36. No. 3.

Тот аргумент, что «принудительное умиротворение» невозможно, абсолютно корректен. Следствие основного посыла этой книги — необходимость сделать так, чтобы все увидели, что международные вооруженные силы легитимны; иначе говоря, они должны будут функционировать на основе некоторого рода согласия, и даже поддержки, и действовать в рамках согласованного набора правил. В противном случае есть риск, что они станут всего лишь еще одной стороной в конфликте, как, по-видимому, в какой-то степени произошло с войсками ЭКОМОГ в Либерии, где отсутствие выплат, боевой техники и выучки закономерно предполагало, что солдаты стали заниматься махинациями на черном рынке и/или кражами гуманитарной помощи, и где войска от нейтралитета перешли к поддержке тех или иных групп²⁴.

Впрочем, безоговорочное согласие невозможно; в противном случае были бы не нужны силы по поддержанию мира. Например, если защита гуманитарных конвоев основана на согласии, то переговоры об этом с равным успехом, а может быть и более эффективно, смогут вести невооруженные агентства ООН или НПО. Необходимость в войсках основана на том факте, что не каждый согласен с интервенцией и что с теми, кто препятствует конвоям, может быть, придется разбираться с применением силы. Схожие причины могут объяснять невозможность получения согласия *как* от местного населения, *так и* от воюющих сторон. Если догово-

24. «Пытки, изнасилования, разграбление имущества и даже каннибализм со стороны поддерживаемых ЭКОМОГ групп наносят вред общей политической репутации ЭКОМОГ». *Howe Herbert. Lessons of Liberia: ECOMOG and regional peace-keeping//International Security. 1996–1997. Vol. 21. No. 3. P. 163.*

риваться о соглашении приходится с военным преступником, то в глазах местного населения может пострадать доверие к самой операции.

Вообще говоря, международные войска изначально могут надеяться на очень доброжелательное отношение. В бывшей Югославии репутация ООН была очень высока; многие местные жители служили в контингенте ООН. Однако отсутствие силовой реакции на действия тех, кто срывал доставку гуманитарной помощи, отсутствие эффективной защиты безопасных убежищ, бездействие в отношении поиска и задержания военных преступников или даже необеспечение режима бесполетных зон — все это сильно подорвало легитимность организации в целом. То же самое относится и к Сомали, где многие местные жители надеялись, что американские войска, прибывшие в большом количестве, разоружат воюющие стороны. Когда американцы объявили, что не будут разоружать группировки, и начали переговоры с полевыми командирами, это стало большим разочарованием. Вот как выразился один бывший сомалийский банкир:

Вы думаете, они проделали весь этот путь, со всей этой техникой и всем этим оружием, просто чтобы перевезти еду из Байдабо в Бардеру? (*Смеется.*) Рано или поздно боевые действия, продолжающиеся во многих частях страны, сгонят людей с мест, и через несколько месяцев из-за них здесь будет голод и опустошение. А что потом? Можете не сомневаться, войск уже не будет. «Сомали, — скажут они, — имела свой шанс»²⁵.

25. Цит. по: African Rights, Somalia and Operation Restore Hope: A Preliminary Assessment. London: African Rights, 1993, P. 28.

Что *на самом деле* важно, так это повсеместное согласие от пострадавших, от местного населения — независимо от того, было ли получено формальное согласие сторон конфликта на оперативном уровне. Если, не жертвуя целями миссии, согласие можно получить на оперативном уровне, это конечно же преимущество. Удержание согласия местного населения и опора на него на тактическом уровне, вполне возможно, будут означать свободу действовать без согласия той или иной из сторон.

Беспристрастность

Беспристрастность, как правило, интерпретируется как отказ становиться на ту или иную сторону. МККК проводит уместное различие между беспристрастностью и нейтралитетом. Принцип беспристрастности, определяет МККК, означает, что он «не делает никакого различия по признаку национальности, расы, религиозных верований, класса или политических взглядов. Он старается облегчить страдания индивидов, руководствуясь единственно их нуждами, и сделать так, чтобы приоритетом пользовались наиболее неотложные бедственные случаи». Принцип нейтралитета означает, что, «для того чтобы продолжать пользоваться доверием всех, Красный Крест может и не принимать ту или иную сторону во враждебных действиях или в любое время уклониться от участия в разногласиях политического, расового, религиозного или идеологического характера»²⁶.

На практике беспристрастность и нейтралитет путают. Для космополитического правоприменения это различие важно. Закон должен исполняться

26. *Roberts Adam*. Humanitarian action in war. London: International Institute for Strategic Studies, 1996. P. 51.

беспристрастно, то есть без какой-либо дискриминации на основании расы, религии и т. д. Поскольку почти неизбежно, что одна сторона нарушает закон чаще другой, невозможно одновременно действовать и согласно принципу беспристрастности, и согласно принципу нейтралитета. Нейтралитет может быть важен для такой организации, как Красный Крест, зависящей в своей деятельности от принципа согласия, хотя настойчивое проведение принципа нейтралитета уже нередко вызвало вопросы, в частности, во время Второй мировой войны. Также он мог бы иметь важное значение с точки зрения традиционной концепции поддержания мира или чисто гуманитарного понимания роли миротворцев, то есть в смысле доставки продовольствия. Но если задачей войск является защита людей и прекращение нарушений прав человека, то настаивание на нейтралитете в лучшем случае запутывает, в худшем — подрывает легитимность.

После бомбардировки штаб-квартиры ООН в Ираке летом 2003 года многие НПО и гуманитарные агентства уже требуют ради сбережения гуманитарного пространства возвращения к принципам Красного Креста и снова отделения военных от тех, кто берет на себя выполнение гуманитарных задач. Проблема состоит в том, что в новых войнах гуманитарное пространство подвергается сжатию. Отделять друг от друга военную и гуманитарную деятельность больше невозможно. Напротив, ради защиты гуманитарного пространства военные должны действовать по-другому. В Ираке вооруженные силы США были силами, ведущими военные действия, и с США же отождествлялись международные агентства. Самостоятельной силы, способной на космополитическое правоприменение (или ответственной за него), не было.

По словам Маккинлея, «у солдата ООН тот же подход, что и у полицейского, контролирующего исполнение закона. Он будет отстаивать его — безразлично, какая сторона бросает ему вызов. Однако легитимность обязана полностью сохраняться на всех уровнях». Впрочем, Маккинлей, по-видимому, полагает, что если солдат ООН беспристрастно контролирует исполнение правил, то можно сохранить уважение обеих сторон²⁷. То же самое доказывает Добби, один из авторов наставления британских сил по поддержанию мира, когда сравнивает роль миротворца с ролью судьи на футбольном матче. Однако эти войны не футбольные матчи: стороны не принимают правил. Напротив, нарушение правил составляет саму природу этих войн. Суть здесь скорее в том, чтобы убедить рядовых людей в преимуществах правил, для того чтобы изолировать и маргинализировать тех, кто их нарушает.

Применение силы

Традиционно поддержание мира предполагало упор на принцип неприменения силы. Наставление британских сил по поддержанию мира использует

27. *Mackinlay John*. Improving multifunctional forces // *Survival*. Autumn 1994. Vol. 36. No. 3. На самом деле Маккинлей сам путается. Дальше он говорит: «Там, где применяется сила, беспристрастность [здесь он подразумевает нейтралитет], по-видимому, может быть утрачена, особенно заинтересованной стороной. Впрочем, если легитимность не пострадала, видимость беспристрастности может быть восстановлена». Здесь важна легитимность в глазах местного населения. Восстановить нейтралитет, который он называет беспристрастностью, может оказаться невозможным, поскольку воюющие стороны не относятся к тем, кто соблюдает правила. Суть в том, чтобы сохранить беспристрастность с точки зрения пострадавших.

термин «минимальная необходимая сила», определяемый там как «взвешенное применение насилия или принуждения, достаточное лишь для достижения конкретной цели, доказательно обоснованное, соразмерное и соответствующее, эффект которого ограничен данной конкретной и легитимной намеченной целью»²⁸.

Британцы противопоставляют эту позицию тому, что известно как доктрина подавляющей силы Уайнбергера–Пауэлла. Вмешательство сил ООН в Сомали часто приводится как пример возможных рисков, связанных с применением силы. В основном это было американское вмешательство, санкционированное в соответствии с главой VII Устава ООН. После того как пакистанские миротворцы были атакованы силами Мохаммеда Айдида, американцы начали на него охоту. Результатом бомбардировок Южного Могадишо стало множество смертей, а охота на Айдида не увенчалась успехом. (Из-за отказа американцев поделиться с ООН разведанными был сорван тщательно подготовленный рейд на предполагаемое укрытие Айдида, так как оказалось, что это офис ООН.) Предел неудач американцев был достигнут, когда Айдиду удалось сбить два американских вертолета, убить 18 солдат, чьи изувеченные тела были публично выставлены перед телекамерами, и ранить еще 75.

Проблемой, на которую указали различные комментаторы, было не применение силы как таковое, а исходная предпосылка подавляющей силы и непринятие во внимание местной политической ситуации и необходимости действовать таким образом, чтобы поддержать легитимность и укрепить

28. Цит. по: *Dobbie Charles. A concept for post-Cold War peace-keeping.* P. 137.

кредит доверия. Йоан Льюис и Джеймс Мэйолл так описывают американскую реакцию на положившее начало событиям убийство пакистанских митротворцев:

Вместо того чтобы проводить независимое законное расследование и искать способ политически маргинализировать Айдида, силы адмирала Хоуи отреагировали с неоправданной жестокостью, вызвав значительные потери среди сомалийцев — не только сторонников Айдида. [...] Адмирал Хоуи, который вел себя так, словно он шериф Могадишо, объявил Айдида вне закона, предложив за его поимку награду в 20 тысяч долларов²⁹.

Во многом с этой же дилеммой американцы столкнулись в Ираке и Афганистане.

Вопрос применения минимальной силы ставит армию нашего времени в неловкое положение, так как они организованы в традиции Клаузевица и выучены противостоять другим армиям, организованным похожим образом. Как показал случай Сомали, при столкновении с вызовом новых войн им чрезвычайно трудно нащупать средний путь между применением массивной огневой мощи и полным бездействием. В отличие от военных действий, где цель заключается в том, чтобы минимизировать потери собственной стороны, каково бы ни было количество жертв на стороне противника, и в отличие от операций по поддержанию мира, обходя-

29. *Lewis Ioan, Mayall James. Somalia // James Mayall (ed.). The New Interventionism 1991–1994: United Nations Experience in Cambodia, Former Yugoslavia, and Somalia. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 117.*

щихся без применения силы, космополитическое правоприменение обязано минимизировать потери со всех сторон. Заслужено Нюрнберга было упреждение на то, что ответственность за военные преступления несут отдельные лица, а не коллективы. Для космополитического правоприменения обязательным условием является не уничтожение сторон конфликта, а арест лиц, которые могли бы совершать военные преступления или нарушать права человека.

Космополитическое правоприменение может подразумевать, что спасение жизни пострадавших окажется сопряжено с риском для жизни миротворцев. Изменить это исходное условие, наверное, труднее всего. Международный персонал — это всегда привилегированный класс в новых войнах. Вопреки утверждению ООН о том, что в основе ее деятельности лежат принципы гуманности, жизни сотрудников ООН или ее местного персонала ценятся выше жизней рядовых местных жителей. Полемика о гуманитарной интервенции вращается вокруг вопроса, допустимо ли жертвовать жизнями соотечественников во имя людей, живущих где-то далеко. Из этого привилегированного положения соотечественников и западных граждан проистекает тот факт, что западные державы (в особенности США) предпочитают воздушные удары, несмотря на физический и психологический вред, который причиняют даже высокоточные боеприпасы. Этот тип национального или государственнического мышления пока еще не примирился с концепцией общечеловеческого сообщества.

Фактически заявка на космополитическое правоприменение представляет собой амбициозную заявку на создание нового типа солдата-полицейского, которая потребует значительного переосмыс-

ления вопросов тактики, технического оснащения, а прежде всего — командования и военной подготовки³⁰. Необходимое здесь оснащение, как правило, дешевле того, которое национальные вооруженные силы заказывают для гипотетических войн будущего, как они мыслятся в традиции Клаузевица. Очень важное значение имеет транспортировка, особенно по воздуху и морю, поскольку это эффективные способы сообщения. Большую часть этого оснащения можно купить или взять в аренду из гражданских источников, хотя военная техника, как правило, легче доступна и хорошо подстраивается под конкретные нужды.

Более существенно то, что новым космополитическим силам придется стать профессиональными и обрести облик, близкий к гражданским службам. Они должны приобрести культуру космополитического правоприменения и понять свое отличие от традиционных войск, чья цель заключалась в том, чтобы разбить врага. Вот почему столь важно гражданское командование. Они обязаны знать и соблюдать законы войны и следовать строгому кодексу поведения. Сообщения о случаях коррупции или нарушений прав человека должны расследоваться подобающим образом³¹. Прежде всего

30. Я детально обсуждаю идею сил по обеспечению безопасности человека в кн.: *Beebe Shannon D., Kaldor Mary. The Ultimate Weapon is no Weapon: Human Security and the New Rules of War and Peace. New York: Public Affairs, 2010.*

31. Имеются сообщения о преступлениях против прав человека со стороны персонала ООН в Камбодже, Боснии и Герцеговине, Сомали и Мозамбике. Преступления включали изнасилования, убийства и вовлечение в детскую проституцию в Мозамбике. См., напр.: *African Rights, Somalia: Human Rights Abuses by the UN Forces. London: African Rights, 1993.*

мотивация этих новых сил должна стать органической частью более широких представлений о праве гражданина мира. В то время как солдат, будучи легитимным носителем оружия, должен был быть готов умереть за свою страну, международный солдат/полицейский рискует своей жизнью ради человечности.

Примеры Косова и Ливии

Войны в Косове и Ливии иллюстрируют проблему использования военных приемов в гуманитарных целях. Вмешательство в Косово в 1999 году было провозглашено первой войной за права человека. Британский премьер-министр Тони Блэр воспользовался случаем 50-й годовщины НАТО, которая пришлась на время воздушных налетов, чтобы изложить новую «доктрину международного сообщества». «Мы все сейчас интернационалисты, нравится ли это нам или нет, — сказал он чикагской аудитории. — Нельзя отказаться от участия в глобальном рынке, если мы хотим преуспевать. Нельзя игнорировать новые политические идеи в других странах, если мы хотим проводить курс инноваций. Нельзя закрывать глаза на конфликты и нарушение прав человека в других странах, если мы по-прежнему хотим жить в безопасности»³².

Десятилетием позже вмешательство НАТО в ливийскую революцию было провозглашено первой законно санкционированной операцией программы «Обязанность защищать». Резолюция Совета Безопасности ООН № 1973, принятая 17 марта 2011

32. «Доктрина международного сообщества», речь Тони Блэра в Экономическом клубе в Чикаго 24 апреля 1999 г. URL: <http://www.pm.gov.uk/output/Pagel297.asp>.

года, оказалась огромным достижением, подоспевшим как раз вовремя, чтобы помешать силам Каддафи захватить восточный город Бенгази, который к тому времени был освобожден защитниками демократии. Впервые цель программы «Обязанность защищать» вышла за пределы американо-европейской прерогативы. На принятии резолюции активно настаивала Лига арабских государств, при воздержавшихся России и Китае. Резолюция призвала государства-участники и региональные организации «принять все необходимые меры... чтобы защитить находящиеся под угрозой гражданское население и районы с гражданским населением в Ливийской арабской Джамахирии (включая Бенгази), исключив при этом иностранную оккупационную силу любой формы на любой части ливийской территории»³³. Кроме того, резолюция № 1973 предвлялась резолюцией № 1970, согласно которой Ливия передавалась в ведение МУС и против Каддафи вводились санкции.

Однако действительный результат обеих войн гораздо более неоднозначен. В обоих случаях заявленная цель представляла собой некую инновацию и важный прецедент в сфере международных действий. Тем не менее эти методы гораздо больше соответствовали традиционной концепции войны и имели мало связи с заявленной целью. Оба раза НАТО полагался на воздушные удары. В случае косовской войны было сделано почти 36 тысяч боевых вылетов, из которых 12 тысяч были ударными. Было сброшено около 20 тысяч «умных» бомб и 5 тысяч обычных. Однако, по-видимому, это не причинило большого урона югославской военной ма-

33. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/39/PDF/N1126839.pdf?OpenElement>.

шине. Пятьдесят лет югославская армия готовилась отражать удар превосходящих сил врага. Была построена обширная подземная сеть, включающая склады, аэродромы и казармы, разработана тактика, включавшая создание ложных целей, скрытое размещение танков и артиллерии, меры сохранения объектов ПВО и уклонения от скоплений войск. На начальных стадиях НАТО никак не удавалось подавить югославскую систему ПВО, именно поэтому авиация НАТО продолжала летать на высоте 4,5 километра. На суше также не удавалось нанести большой урон силам сербов. НАТО утверждает, что воздушные удары сдерживали силы сербов и не давали им открыто развернуть военную технику, однако воздушные удары тем не менее не препятствовали проведению операций против албанского гражданского населения в Косове. Поражение гражданских целей было более успешным — дорог, мостов, электростанций, нефтебаз и заводов. По причине настоятельного требования, чтобы авиация не летала ниже высоты 4,5 километра, пилоты не видели того, что происходит на земле, и полагались на разведданные из многочисленных, зачастую плохо скоординированных, источников.

Соответственно, совершались неоднократные ошибки, что с ошеломляющей ясностью проявилось в ходе нанесения воздушных ударов. Среди худших примеров — бомбежка китайского посольства и беженцев в Косово. Так называемые сопутствующие потери представляют собой около 1400 погибших. Экологи только теперь оценили последствия ущерба, нанесенного в ходе бомбардировок промышленных объектов. Оказались уничтожены исторические памятники, например, в Нови-Саде. Был взорван телецентр, причем погибли находившиеся там журналисты. Были атакованы цели даже

в Черногории, чье правительство к тому времени уже отказалось от участия в войне в Косове.

Задолго до прекращения исхода косовских албанцев силы сербов подстегнули этот процесс под прикрытием бомбардировок. В период до 24 марта 1999 года, когда началась бомбардировка, действия Армии освобождения Косова (АОК) были использованы как предлог для этнических чисток, главным образом регулярными югославскими силами и сербской полицией; страну покинуло около 400 тысяч человек. После 24 марта в операции по зачистке было убито около 10 тысяч человек, включая детей, и более миллиона человек были вынуждены покинуть страну. Когда в июне сюда вошли силы НАТО, в Косове осталось только 600 тысяч человек, причем 400 тысяч из них были внутренне перемещенными лицами³⁴.

Кроме того, вскоре после вступления войск НАТО начался процесс ответных этнических чисток и около 160 тысяч сербов уехало из страны. Сегодня те сербы, которые остались, живут в защищенных анклавах, а напряжение между сербами и албанцами остается очень высоким, свидетельство чему — разделенный город Митровица и беспорядки в марте 2004 года.

Можно утверждать, что политические последствия данного типа бомбардировок были также контрпродуктивны. Несмотря на заявления на-

34. Количество погибших широко обсуждается. Данные цифры представляют наиболее точную оценку Независимой международной комиссии по Косово, основывающуюся на сопоставлении широкого круга сообщений от НПО и других источников. См.: Annex 1, «Documentation on human rights violations», The Kosovo Report: The Report of the Independent International Commission on Kosovo. Oxford: Oxford University Press, 2000.

товских ораторов, что между убийством по ошибке и умышленным убийством существует большая разница, для жертв бомбардировок эта разница не была очевидной. Кто определяет, считать ли убийство гражданского населения «бойней» или «побочными потерями»? Подобным образом настойчивые заявления западных лидеров, что бомбардировка была направлена против режима, а не против сербов, во все не убеждали тех, кто испытал ее действие на себе. Воздушные удары мобилизовали национальные чувства сербов, позволив Милошевичу во время войны «закрутить гайки» в отношении НПО и независимых СМИ и тем самым минимизировать внутригосударственные ограничения на его действия в Косове; они же позволили чувству виктимности затмить всякое чувство ответственности за эти войны. Воздушные удары, вместе с притоком беженцев, поляризовали общественное мнение и в Македонии, и в Черногории, высветив внутреннюю напряженность и риск дальнейшего распространения насилия. Они поляризовали также и международное общественное мнение: для многих на Востоке и Юге заявление о том, что это была война за права человека, рассматривалось как прикрытие для преследования западных имперских интересов на Балканах.

В конце концов Милошевич капитулировал, и беженцы вернулись в Косово. Была создана переходная администрация ООН. С одной стороны, спустя чуть более десятилетие кажется возможным, что решение могло бы быть найдено и что в конечном счете сербы могли признать независимость Косово. С другой стороны, травму этнических чисток, проводившихся всеми сторонами, нельзя отменить задним числом и напряженность между двумя сообществами, равно как и повсеместные нарушения прав человека никуда не исчезли.

В случае вмешательства в Ливии в 2011 году авиация НАТО и других членов коалиции провела около 24 200 боевых вылетов, включая свыше 9000 ударных. По заявлениям НАТО, было уничтожено около 5900 военных целей, включая свыше 400 центров управления войсками. Первоначальными целями были объекты ПВО и тяжелое вооружение, расположенное вокруг опорных пунктов восставших, но постепенно перечень целей расширился, включив командные пункты и колонны военной техники в открытой пустыне. По сути, НАТО вступил в войну на стороне восставших. Более того, британский и французский спецназ, переодетый в гражданскую одежду, в реальной обстановке консультировал и инструктировал восставших. Ввиду того что альянс контролировал воздушное пространство и из-за улучшившейся за последние десять лет прицельной точности НАТО достиг гораздо большего успеха в минимизации потерь среди гражданского населения от воздушных ударов, нежели во время войны в Косове. Однако это еще не то же самое, что защита гражданского населения. Конечно, воздушные удары были предназначены уничтожить потенциал Каддафи для подавления мирных протестов. Однако цели операции были изменены и от защиты гражданского населения перешли к поддержке восставших, поэтому очевидно, что под перекрестным огнем неизбежно должно было оказаться и гражданское население. Сейчас, когда я пишу эту книгу, данных о потерях по этой войне еще нет; оценки разнятся от 2 до 100 тысяч человек. Однако поскольку это была война, в результате боев погибло много гражданских лиц. В конце концов Каддафи был низложен, вот только боевые действия укрепили возможности вооруженных ополчений и долгосрочные перспек-

тивы установления демократии все еще не поддаются точной оценке.

Оба этих вмешательства были войнами, а не гуманитарными интервенциями. В обоих случаях существуют доводы в пользу поддержки этих войн, так как в Косове на родину смогли вернуться беженцы, а в Ливии был свержен жестокий диктатор. Но войны всегда заключают в себе человеческие трагедии и имеют долгосрочные последствия для будущих способов осуществления власти.

Была ли здесь какая-либо альтернатива? Космополитический подход непосредственно нацелен на защиту людей. Он больше похож на осуществление полицейских функций, чем на ведение военных действий, и включает в себя такие методы и приемы, как зоны безопасности, гуманитарные коридоры, международные наблюдатели, бесполетные зоны и аресты военных преступников. Цель состоит в создании безопасной среды, где люди могут действовать свободно и без страха и где могут быть возвращены инклюзивные формы политики. Альтернативные возможности были в обоих случаях, но подобный подход всегда сопряжен с трудностями и на него редко отваживаются.

От гуманитарной помощи к реконструкции

Марк Даффилд пишет о двухъязычной системе экономической помощи в 1990-х годах. С одной стороны, предпосылкой официальной помощи являются программы структурной перестройки или стратегии перехода, которые способствуют упадку формальной экономики. С другой стороны, для того чтобы справиться с последствиями, была разработа-

на система социальных гарантий, основывающаяся в основном на передаче функций по оказанию помощи в ведение НПО³⁵. Об этом же говорят Альваро де Сото и Грациана дель Кастильо в их дискуссии о плохой координации между МВФ и Всемирным банком с одной стороны и ООН — с другой. Последствия и издержки, в политическом и гуманитарном плане, политики этих организаций прежде просто не принимаются к сведению. Они описывают проблемы выполнения мирной программы в Сальвадоре на условия программы стабилизации МВФ. Для того чтобы уложиться в лимит расходов МВФ, Сальвадор не смог позволить себе создание национальных сил гражданской полиции и не смог приступить к реализации программы «земля в обмен на оружие» для реинтеграции партизан, как того требовало мирное соглашение: «Программа перестройки и план стабилизации с одной стороны и мирный процесс с другой родились и были выращены так, как будто они дети из разных семей. Они жили под разными крышами. У них было мало общего помимо принадлежности приблизительно к одному и тому же поколению»³⁶.

На протяжении последних 20 лет произошло значительное увеличение масштабов гуманитарной помощи: в 2000 году она составляла чуть более 10% официальной помощи на развитие, а к 2009 году достигла уже 13%. Создание в 1991 году Департамента ООН по гуманитарным вопросам и в 1992 году Бюро Европейского сообщества по гуманитарным вопросам (БЕСГВ) было выражением растущей важ-

35. *Duffield Mark*. Relief in war zones: towards an analysis of the new aid paradigm // *Third World Quarterly*. 1997.

36. *De Soto Alvaro, del Castillo Graciana*. Obstacles to peacebuilding // *Foreign Policy*. Spring 1994. Vol. 94.

ности гуманитарного содействия. В пятой главе я описала, каким образом оказание гуманитарной помощи встраивается в функционирование военной экономики. В действительности гуманитарная помощь также вносит вклад и в провалы формальной экономики. Она замещает местное производство. В Сомали политика наводнения страны продовольствием в конце 1992 года, с тем чтобы помощь гарантированно доходила до тех, кто действительно в ней нуждается, привела к резкому падению цен, в результате чего фермерам перестало быть экономически выгодно производить продовольствие³⁷. В Тузле, центре солевых копей, ежедневно выбрасывалось несколько тонн соли из-за опасности прекращения добычи, однако же УВКБ ООН в гуманитарных целях импортировало соль из Нидерландов. Предоставление гуманитарной помощи в лагерях часто ведет к тому, что малоимущие фермеры забрасывают собственные средства заработка на жизнь³⁸. Также гуманитарные программы, как правило, проходят мимо местных специалистов и создают новые иерархии, где те, кто работают на международные учреждения, получают жалование и прочие дополнительные привилегии, а высококвалифицированные местные жители, как например доктора и учителя, живут за счет гуманитарной помощи.

Гуманитарная помощь имеет существенное значение; в противном случае люди бы голодали. Однако необходимо, чтобы она направлялась с гораздо большей точностью, учитывала рекомендации местных экспертов, которые реально знают мест-

37. African Rights, Somalia and Operation Restore Hope.

38. Frances Stewart and Valpy Fitzgerald (eds). *War and Underdevelopment*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

ную ситуацию. Необходимо также, чтобы ее сопровождала помощь по реконструкции. Под реконструкцией я имею в виду воссоздание формальной политической экономики, основанной на общепринятых правилах, и полное изменение тех негативных социальных и экономических отношений, которые я описала в пятой главе. Слово «реконструкция» имеет и другие коннотации, связанные с войнами более ранних времен. Обычно считают, что это программа экономической помощи по образцу плана Маршалла 1947 года, которая приводится в действие сразу после того, как достигнуто общее политическое урегулирование. Агентства по оказанию помощи часто настаивают на том, что помощь по реконструкции нельзя предоставлять раньше, чем будет достигнуто политическое урегулирование, и что, более того, помощь по реконструкции в качестве приманки служит стимулом для достижения политического урегулирования. Однако я уже высказывала мнение, что длительное урегулирование может быть достигнуто только в ситуации, основанной на альтернативной политике, политике цивилизованности, — что является очень трудной задачей до тех пор, пока не исчезли эти негативные социальные и экономические отношения. Вместо этого реконструкцию следует рассматривать как стратегию достижения мира, а не как стратегию, которая может быть реализована только после установления мира.

Ситуация того, что можно было бы назвать полувойновыми (*near war*) экономиками, не столь сильно отличается от ситуации войны. Говорим ли мы о местах, где недавно было достигнуто соглашение о прекращении огня, или о «плохих соседствах», где распространены характерные для войны негативные отношения, во многом симптомы одни и те же: без-

работица, развал базовой инфраструктуры, всеохватывающая преступность, — и это именно те симптомы, которые способствуют началу или возобновлению войны. Иными словами, реконструкция — это одновременно и довоенная, и послевоенная стратегия, нацеленная на профилактику и лечение.

Реконструкция должна в первую очередь означать воссоздание органов политической власти, хотя бы только на местном уровне, и реконструкцию гражданского общества — как в смысле правопорядка, так и в смысле обеспечения тех условий, в которых возможна мобилизация альтернативных политических групп. Этим не подразумевается реконструкция того, что было раньше. Реконструкция обязательно должна влечь за собой реструктуризацию политических и экономических механизмов, для того чтобы не повторились условия, положившие начало войне. Налаживание соответствующих форм государственного управления и введение регулируемых рыночных отношений требуют времени и должны являться частью долговременного процесса, посредством которого к участию смогут подключиться разные группы в обществе.

Часто высказывается мнение, что реконструкция должна подразумевать и «переход», при этом имеется в виду необходимость реформирования тех институтов, которые предшествовали войне. К сожалению, термин «переход» стал ассоциироваться со стандартной формулой демократизации и перехода к рынку, в которую включаются формальные аспекты демократии, например выборы, наравне с экономической либерализацией и приватизацией. В отсутствие осмысленных политических институтов, благодаря которым могут иметь место подлинные дебаты и гражданское участие, и в ситуациях, когда верховенство права слабо и когда не-

достаёт взаимного доверия и ответственности, эта стандартная формула может обострить подспудные проблемы, создав стимулы для эксклюзивистской политики или для криминализации государственных в прошлом предприятий. Реконструкция должна включать реформирование, однако не обязательно в духе стандартной формулы перехода.

Реконструкцию следует проводить прежде всего в ареалах цивилизованности, чтобы те могли послужить образцами, поощряющими сходные инициативы в других местах. Там, где не существует легитимных местных органов власти, мог бы быть предложен режим опеки или протектората. Опыт международных администраций привел к скептицизму в отношении идеи локальной опеки. Подобным администрациям не хватает знания местной специфики и достаточного потенциала, особенно в плане осуществления полицейских функций и правосудия. В качестве аргументов против опеки или протектората используется риторика помощи себе собственными силами и понятие «культуры зависимости», однако людям очень сложно помочь самим себе, когда они во власти бандитов.

Прежде всего необходимо восстановление правопорядка, для того чтобы создать ситуацию, в которой сможет возобновиться нормальная жизнь, а беженцы и перемещенные лица смогут вернуться на родину. Эта задача включает разоружение, демобилизацию, защиту данной зоны, задержание военных преступников, осуществление полицейских функций и/или создание и подготовку местных полицейских сил и восстановление судебной системы.

Несмотря на значительно возросшие усилия по достижению разоружения и демобилизации, ре-

зультат неоднозначен³⁹. Силам ООН очень трудно добиться чего-то большего, чем частичное разоружение, а такие методы, как программы «выкупа» оружия, как правило, приводят к сдаче некондиционного оружия, тогда как оружие высокого качества остается спрятанным. Кроме того, сейчас так много источников приобретения оружия, по крайней мере стрелкового, — как по причине большого числа производителей, так и по причине доступности излишков оружия, — что эта задача не имеет конца. Вполне может оказаться, что создание безопасной среды важнее разоружения. Обязательные условия безопасности — эффективное осуществление полицейских функций и задержание военных преступников, неважно, берутся ли за это международные силы совместно с чиновниками по делам гражданского населения или силы местной полиции под международным наблюдением; кроме того, местные власти могут взять эту ответственность на себя, может быть с некоторой внешней поддержкой, как это происходит в наиболее прочно утвердившихся ареалах цивилизованности.

Правопорядок нуждается не только в разоружении и осуществлении полицейских функций, но и — не в меньшей степени — в независимой и заслуживающей доверия судебной системе и активном гражданском обществе, то есть в создании относительно свободного публичного пространства. По этой причине, чтобы прекратить неослабевающую партикуляристскую пропаганду и покончить не просто с физическим, но и психологиче-

39. См. ежегодный Обзор конверсионной деятельности по глобальному разоружению, демилитаризации и демобилизации Боннского международного центра конверсии, www.bicc.de.

ским запугиванием, существенное значение имеют инвестиции в образование и свободные СМИ. Эти условия гораздо важнее формальных процедур демократии. Внешние наблюдатели часто настаивают на выборах как способе обеспечить план и конечный срок их [процедур демократии] установления. Но в отсутствие предварительных условий безопасности, публичного пространства, примирения и открытого диалога, выборы могут окончиться легитимацией воюющих партий, как это, например, было в Боснии после Дейтона, и даже более того — провоцированием еще большего насилия, как в Ираке и Афганистане.

Для создания самодостаточного ареала цивилизованности, чтобы можно было финансировать поддержание правопорядка, образование и СМИ, чтобы солдаты находили работу и образование и чтобы уплачивались налоги, должна быть восстановлена местная экономика. Демобилизация не менее трудное дело, чем разоружение, и не только в контексте сохраняющихся угроз безопасности. Более того, самая большая слабость программ РДР (разоружение, демобилизация и реинтеграция) на данный момент — реинтеграция. Многим солдатам хотелось бы бросить бандитизм и найти постоянную работу или — в случае детей и молодежи — получить образование. Однако программы реинтеграции были не очень успешны по причине безработицы, дефицита кадров и плачевного состояния образовательных услуг.

Приоритетны базовые виды услуг и местное производство. Необходимо восстановление инфраструктуры (водо- и электроснабжения, транспорта, почты и телекоммуникаций) как на локальном, так и на региональном уровне. Инфраструктура необходима не только сама по себе, в не меньшей мере

она жизненно важна для восстановления нормальных торговых связей; она может быть предметом переговоров, даже когда нет согласия в других областях. Даже в разгар войны порой можно достичь согласия по этим конкретным проблемам, особенно там, где есть некий взаимный интерес. Например, поставки газа в Сараево обеспечивались почти всю войну. Другая сфера — это поддержка локального производства базовых товаров первой необходимости, с тем чтобы сократить потребность в гуманитарной помощи, особенно в продовольствии, одежде, строительных материалах и т. д. Это хороший способ, наряду с коммунальными службами, стимулировать локальную занятость.

Поскольку реконструкция — это стратегия, ориентированная на мирное устройство, она должна давать экономическую безопасность и надежду на будущее, чтобы изгнать атмосферу страха, в которой живут люди, и предложить, в особенности молодежи, альтернативные способы обеспечить свою жизнь, отличные от армии или мафии. Какие именно действия необходимы, зависит от специфики каждой отдельной ситуации, однако определенные принципы можно конкретизировать.

Первое. Все проекты по оказанию помощи следует основывать на принципах открытости и интеграции. Часто есть соблазн принять — в интересах восстановления служб — размежевания и разделы, сложившиеся благодаря войне, и тем самым легитимировать статус-кво, в то время как нужно помогать его изменить. Например, предполагалось, что в Мостаре администрация ЕС реинтегрирует город, который был поделен на хорватскую и мусульманскую половины. Хотя в ограниченном ряде случаев, например с водоснабжением, ЕС справился с тем, чтобы договориться об общих проектах, в большин-

стве случаев оказалось, что ему легче вводить отдельные проекты в каждой половине города, тем самым он явно следовал стратегии отдельного развития. Ввиду отсутствия безопасной среды и поскольку ЕС опасался принять ту или иную сторону, договариваться обо всем пришлось националистическим лидерам. Открытость и интеграция подразумевают, что любой человек должен иметь возможность получить пользу от этих проектов и что проекты явным образом направлены на сближение людей, например, посредством трудоустройства беженцев, перемещенных лиц или демобилизованных солдат или включения элемента совместного пользования. Необходимо, чтобы открытость и интеграция стимулировались не только на локальном, но и на национальном и региональном уровнях.

Второе. Необходимо, чтобы помощь была децентрализована и чтобы она поощряла локальные инициативы. Через расширение круга реципиентов участниками программы становится больше людей, появляется больше возможностей для эксперимента и меньше риска того, что с помощью будут «сниматься сливки» или ее первоначальный облик будет искажен политическими компромиссами. Там, где уже идет процесс демобилизации, наиболее успешными, по-видимому, стали ориентированные на локальные сообщества программы, зачастую организованные самими ветеранами, — например, Советом ветеранов Уганды или Национальной комиссией по демобилизации в Сомалиленде, вместе с организацией ветеранов SOYAAAL разработавшей программу демобилизации и реинтеграции. Ветераны объясняли это так:

Устали сами парни на «техничках» (пикапы с установленными на них пулеметами или противо-

танковыми орудиями). Никаких выгод они не видят, только смерть. Из «техничек» они вылезают сами. Среди тех, кто теперь трудится на мирной работе, есть такие, которые были законченными бандитами. Двести долларов на постоянной работе они предпочитают миллионам, которые они получали бы, будучи бандитами⁴⁰.

В Сьерра-Леоне относительно успешна программа «развитие в обмен на оружие», по которой местные сообщества сами разоружаются с помощью полиции и после объявления их «свободными от оружия» получают награду в виде проекта развития по их выбору⁴¹.

Третье. Очень важно использовать потенциал местных специалистов и поощрять в местном обществе охватывающие широкую аудиторию дебаты о том, каким должно быть оказание помощи. Это важно для того, чтобы повышать эффективность при использовании людей, имеющих знания и опыт данной местности, чтобы увеличивать прозрачность, сокращать коррупцию и наращивать гражданское участие. Одним из тяжелейших последствий международной помощи стала смена работы квалифицированными специалистами, бывшая результатом иностранных контрактов и изменившейся тарифной сетки. Высококвалифицированные врачи, инженеры, учителя или юристы часто идут работать водителями и переводчиками, поскольку там гораздо выше оклады. Примерами этой законо-

40. *De Waal Alex*. Contemporary warfare in Africa // Mary Kaldor and Basker Vashee (eds). *Restructuring the Global Military Sector*. Vol. 1: New Wars. London: Cassell/Pinter, 1997. P. 331.

41. URL: <http://web.undp.org/evaluation/documents/thematic/conflict/SierraLeone.pdf>.

мерности со сменой работы квалифицированных специалистов служат Босния, Косово и Афганистан.

Даже в районах, кажущихся наиболее трудно исцелимыми, существуют какие-то возможности для выделения помощи на основе этих принципов. Необходимо, чтобы стратегия расширения ареалов цивилизованности, компенсирующая распространение «плохих соседств», смогла охватить своим действием непосредственно и сами плохие соседства. Бедные нецивилизованные местности попадают в порочный круг: из-за поведения местных «органов власти» им отказывают в помощи, процветают безработица и преступность, тем самым помогая партикуляристским полевым командирам сохранять свою позицию в силе. Важнее определить пути для поддержки определенных иницилируемых снизу проектов, преодолевающих размежевания военного времени, для того чтобы начать создавать в этих местностях пространства открытости.

Реконструкцию можно рассматривать в качестве нового подхода к развитию, как альтернативу и структурной перестройке/переходу, и выделению гуманитарной помощи. Как и в случае космополитического правоприменения, она неизбежно будет затратным делом в краткосрочной перспективе, потребует средств, превосходящих те, которые богатые страны пока готовы выделять на поддержание мира и помощь заокеанским странам. Реконструкция означала бы отход от некоторых неолиберальных допущений относительно объемов государственных расходов, которые в последнее время господствуют в международной экономической ортодоксии. Реконструкция означает, что вопросы политического процесса, экономики и безопасности должны быть объединены в новый тип гуманистической глобальной политики, который

7. Новые войны в Ираке и Афганистане

«УВИДЕВ падение статуй, — сказал президент Буш 1 мая 2003 года на палубе авианосца „Авраам Линкольн“, объявляя об окончании военных действий в Ираке, — мы стали свидетелями наступления новой эпохи»¹. Как и его министр обороны Дональд Рамсфелд, президент Буш заявил о том, что была открыта новая форма войны, поставившая себе на службу информационные технологии, так чтобы война могла быть быстрой, точной и вестись с низкими потерями. Первые результаты вторжения привели военных обозревателей в ликование. Сам Буш отзывался об этом вторжении как об «одном из самых стремительных успехов в истории»². Макс Бут, автор журнала *Foreign Affairs*, описывал эту войну как «ослепительную». «То, что Соединенные Штаты и их союзники так или иначе победили — и победили столь быстро, — надо расценивать как одно из знаковых достижений в военной истории»³.

Войны в Афганистане и Ираке, которые последовали за ужасными событиями 11 сентября и стали выражением так называемой войны против терроризма, и в самом деле были новыми типами вой-

1. George W. Bush, President Bush announces major combat operations in Iraq have ended: remarks by President Bush from the USS Abraham Lincoln, 1 May 2003.
2. Ibid.
3. *Boot Max*. The new American way of war // *Foreign Affairs*, July/August 2003.

ны, но только не того рода, который описан в данной книге. Действительно, были использованы все виды новых технологий, от самых передовых спутниковых систем до сотовых телефонов и Интернета, не говоря уже о беспилотниках и прочей роботехнике. Но если мы хотим понимать эти войны так, чтобы это пошло на пользу тем, кто принимает политические решения, то не следовало бы определять их новаторский характер в терминах технологии. Новизну этих войн необходимо анализировать не с точки зрения технологии, а с точки зрения дезинтеграции государств и изменений социальных отношений под влиянием глобализации, как это описано в предыдущих главах.

Можно говорить о том, что бушевская и рамсфелдовская концепция новой войны была больше похожа на обновленную версию старой войны, использующую новые технологические достижения. Непонимание США действительной обстановки и в Афганистане, и в Ираке, тенденция навязывать свое собственное видение того, как должна выглядеть война, стали чрезвычайно опасны. Это уже подстегнуло действительные новые войны и связано с риском постоянного самовоспроизводства. В некотором отношении эти войны можно было бы трактовать как испытательную площадку для центрального тезиса, развиваемого в этой книге, — об опасности такой ситуации, когда свои концептуальные представления о войне мы не приводим в соответствие новому глобальный контексту.

Вначале я аргументирую, почему американское видение тех войн, которые они вели, лучше описывать в терминах обновленной «старой войны», а затем проанализирую действительную обстановку с точки зрения «новой войны»: общие условия частично недееспособных государств, воюющие сто-

роны и их цели, тактика и методы финансирования и то, в какой степени США и их союзники пытались адаптироваться к сложившимся условиям. В заключительном разделе я буду говорить о возможностях, благодаря которым альтернативные стратегии могут сократить риски, стоящие перед афганским и иракским населением и перед международным сообществом в целом.

Наукоемкая старая война

В течение последних десятилетий XX века череда американских администраций развивала понятие о том, что США могут применять передовые технологии для ведения дистанционных войн теми способами, которые позволят удержать американское военное превосходство и тем самым уверить американских граждан, что правительство США способно их защитить и обеспечить безопасность Америки, не рискуя — или рискуя очень незначительно — потерями среди американцев и не нуждаясь в дополнительном налогообложении.

Истоки этой идеи можно проследить в системе представлений холодной войны. Во время холодной войны ядерное устрашение могло пониматься как воображаемая война⁴. Весь период холодной войны обе стороны вели себя так, будто они находятся в состоянии войны, с наращиванием военного потенциала, технологической конкуренцией, шпионажем и контршпионажем, военными играми и учениями. Эта активность помогала напомнить людям о Второй мировой войне и поддерживать

4. См.: *Kaldor Mary. Imaginary War: Understanding the East-West Conflict. Oxford: Blackwell, 1990.*

на американской стороне веру в американскую миссию защищать мира от зла, используя более совершенную технологию. Технологические разработки были ответом на то, чем, по мнению составителей планов, мог бы обзавестись СССР, — это был так называемый «худший сценарий». Это интровертированное планирование, о чем я высказалась в другом месте, подразумевало, что американский и советский научно-технический прогресс лучше объяснять так, словно оба эти государства вооружались не против друг друга, а против фантомной немецкой военной машины, которая в воображении составителей этих планов продолжала набирать обороты⁵.

Наступление эпохи информационных технологий породило в 1970-х и 1980-х годах споры о будущем направлении развития военной стратегии. Так называемая школа военной реформы полагала, что оружейные платформы эпохи Второй мировой войны уязвимы теперь не меньше, чем были уязвимы солдаты в Первой мировой войне, по причине использования высокоточных боеприпасов (ВТБ) и что преимущество уже перешло к обороне. Представлялось, что высокий уровень потерь техники в войнах во Вьетнаме и на Ближнем Востоке в результате применения ручных противотанковых гранатометов подтверждает этот аргумент. Поборники традиционной американской стратегии полагали, что наступательные маневры по образцу Второй мировой войны приобретут даже еще большее значение, так как применение боеприпасов для поражения площадей могло бы полностью подавить оборонительные силы и ракетное оружие,

5. *Kaldor Mary. Imaginary War...* Ch. 11, 12.

а беспилотные летательные аппараты (БПЛА) могли бы заменить уязвимую пилотируемую авиацию. Следствием была стратегия воздушно-наземной операции 1980-х годов, основную часть которой, «глубокий удар» (удар в глубине обороны противника), должны были осуществить новые на тот момент крылатые ракеты «Томагавк», вооруженные тогда ядерными боеголовками.

После окончания холодной войны военные расходы США снизились на одну треть, но сказалось это главным образом на личном составе. Военные исследования и разработка (НИОКР) сократились гораздо меньше, чем расходы в целом, и это позволило разрабатывать и модификации традиционных платформ времен холодной войны, и новые технологии, сопряженные с тем, что стало известно как революция в военном деле (РВД). По сути, РВД была преемником концепции воздушно-наземной операции, но с еще большим упором на технологию. Для энтузиастов РВД наступление эпохи информационных технологий имеет столь же важное значение, какое имело открытие стремени или двигателя внутреннего сгорания в революционном развитии способов ведения войны. РВД — это война-зрелище (*spectacle war*), война, ведущаяся на дальних расстояниях, с использованием компьютеров и новых коммуникационных технологий⁶. Важный аспект новых технологий — усовершенствования в области виртуальных военных игр, что еще более подчеркивает воображаемую природу современных концепций войны. Министерство обороны все чаще и чаще привлекает к рабо-

6. См.: *Freedman Lawrence*. The Revolution in Strategic Affairs. Adelphi Paper 318. London: International Institute of Strategic Affairs, 1998.

те голливудских продюсеров, чтобы они помогали придумывать будущие наихудшие сценарии, положив начало тому, что Джеймс Дер Дерриан описывает как MIME-NET, военно-промышленно-развлекательные сети (military-industrial-entertainment network)⁷. Одним из наиболее цитируемых высказываний о войне в Ираке было замечание генерала Уильяма Уоллеса, командующего пятым корпусом армии США и исполняющего обязанности командующего всем вооруженным контингентом США в Ираке, о том, что «враг, с которым мы воевали, несколько отличается от того, против которого мы играли в войну на симуляторах»⁸.

Термин «трансформация обороны» в качестве нового жаргона начал для администрации Буша вытеснять концепцию РВД. Вот как об этом выразился один энтузиаст трансформации обороны:

Как бы неровно ни крутился приводной ремень, в американскую армию наконец-то проникают лучшие качества современной американской экономики — ее авантюристичность, спонтанность и готовность делиться информацией. Как тот тинэйджер, который вырос, копаясь в автомобильных дви-

7. В результате событий 11 сентября военные пригласили к сотрудничеству Институт креативных технологий Университета Южной Калифорнии, чтобы подключить Голливуд к разработке гипотетических сценариев террористических атак, которые могут привести к наиболее тяжелым последствиям. См.: *Der Derian James*. 9/11: Before, After and Between // Craig Calhoun, Paul Price and Ashley Timmer (eds). *Understanding September 11*. New York: New Press, 2002. P. 180.

8. По словам Макса Бута, в репортаже *New York Times* было выпущено выражение «несколько», тем самым американские трудности были преувеличены. См.: *Boot Max*. *The new American way of war*.

гателях, помог создать моторизованные армии Второй мировой войны, так и сержанты, привыкшие играть в видеоигры, просматривать веб-страницы и создавать большие таблицы, делают вооруженные силы сегодняшней информационной эры эффективными⁹.

Дональд Рамсфелд заявлял, что трансформация обороны «нацелена не только на создание нового высокотехнологичного оружия — хотя это несомненно является ее частью. Также она нацелена на новые способы мыслить и новые способы сражаться»¹⁰.

Он говорил о «сверхпревосходстве» (*overmatching power*) в противоположность «подавляющей» силе (*overwhelming power*):

В XXI веке масса, возможно, уже не наилучшая мера силы в конфликте. Все-таки когда пал Багдад, на суше было чуть более 100 тысяч американских солдат. Генерал Фрэнк подавил врага не традиционным троекратным преимуществом в массе, но сверхпревозмог врага, используя передовой потенциал инновационных и неожиданных средств¹¹.

И все же трудно избежать того вывода, что информационные технологии прививаются сейчас к традиционным взглядам относительно того, каким образом следует применять вооруженные силы, и к традиционным институциональным оборон-

9. *Cohen Elliott A.* A tale of two secretaries // Foreign Affairs. May/June 2002. P. 39.

10. *Rumsfeld Donald H.* Transforming the military // Foreign Affairs. May/June 2002. P. 21.

11. *Rumsfeld Donald H.* Testimony to the Senate Armed Services Committee, 9 July 2003.

ным структурам. Со времен Второй мировой войны методы изменились не сильно¹². Несмотря на происходящую каждые десять лет смену названий (воздушно-наземная операция, революция в военном деле и трансформация обороны), они по-прежнему включают в себя сочетание дальней бомбардировки с воздуха и быстрых наступательных маневров. Само же использование видеоигр предполагает наличие тех геймеров, которые были воспитаны в системе представлений холодной войны.

В случае вторжения в Афганистан на планирование сухопутного наступления с применением обычных вооружений не было времени. Вместо этого ЦРУ получило задачу координирования антиталибских сил, известных как Северный альянс, базировавшихся в основном на севере и северо-востоке. ЦРУ обеспечивало их деньгами, оружием и провиантом, как это делалось во время более ранней войны против советской оккупации. В наземной операции принимали участие силы спецназа, воевавшие бок о бок с афганцами, иногда верхом, и имевшие возможность, используя устройства GPS, вызывать американскую авиацию, наносившую мощные воздушные удары.

При вторжении в Ирак предпринятые действия во многом опирались на американское информационное преимущество. Коалиционные силы были в состоянии обрабатывать информацию, получаемую и со спутниковых снимков, и из сообщений

12. Керстин Хоканссон доказала этот пункт, сравнив тактики во Вьетнаме и Афганистане. См.: *New wars, old warfare? Comparing US tactics in Afghanistan and Vietnam*//Jan Angstrom and Isabelle Duyvesteyn (eds). *The Nature of Modern War: Clausewitz and his Critics Revisited*. Stockholm: Swedish National Defence College, Department of War Studies, 2003.

с земли, поэтому беспроводная система Интернет в любой момент могла показать дислокацию войск, где вражеские силы имели красный цвет, а свои — синий. Известный как Force XXI Battle Command, Brigade and Below [Концепция боевого командования и управления для сил XXI века на уровне бригады и ниже], данный комплекс был установлен практически на каждую боевую машину. Это позволяло непосредственно уничтожать силы «красных» с воздуха. Макс Бут указывает на то, что в начале Второй мировой войны Германия справилась с разгромом Франции, Нидерландов и Бельгии за 44 дня, потеряв «только лишь» 27 тысяч человек (кавычки его); если сравнивать с сегодняшним днем, вторжение в Ирак заняло у американцев и британцев 26 дней, а это страна с территорией в три четверти площади Франции, и стоило им смерти 161 человека [многие из этого числа погибли под своим же огнем, на военном жаргоне — «синие по синим» (blue on blue)].

Обе войны изображались как мощные моральные крестовые походы. В американском мышлении эпохи холодной войны всегда присутствовал идеалистический лейтмотив. «Ось зла» Буша — отзвук «империи зла» Рональда Рейгана. Основной посыл состоит здесь в том, что Америка — это не нация, а некое общее дело, с миссией обратить остальной мир к американской мечте и избавить мир от врагов. Эти войны были представлены с точки зрения «Войны против терроризма» — глобального конфликта, не менее амбициозного и далеко идущего, чем была холодная война, замысел которого предполагает установление нового мирового порядка. «Спокойствие Америки и мир на планете мы не отдадим на милость кучки безумных террористов и тиранов, — сказал Буш, выступая на церемо-

нии выпуска в Вест-Пойнте 1 июня 2002 года, — мы избавим нашу страну и мир от этой темной угрозы»¹³. И он же в своей победной речи на авианосце «Авраам Линкольн» описал «освобождение Ирака» как «решительный шаг вперед в кампании против террористов»¹⁴.

Однако в обоих случаях сопротивление было довольно слабым — в Афганистане сильнее, чем в Ираке. Какие-то бои шли в Северном Афганистане; был ужасающий эпизод, когда сотни пленных талибов, сдавшихся Северному альянсу, были подвергнуты бомбежке и казнены в тюрьме Дашт-и-Лейли. Фактически талибы ушли из Кабула, а затем сдали остававшиеся под их контролем провинции на Юге. Также США и их союзники пытались и не смогли поймать Усаму бен Ладена в пещерах Тора-Бора. В случае же Ирака иракская армия и Республиканская гвардия попросту испарились. Американцы сбрасывали листовки на арабском, призывающие солдат снять форму и идти по домам, и большинство из них послушались указаний. На предпоследней неделе марта был, как выразился один комментатор, «неприятный скоротечный эпизод яростного беспорядочного боя», когда «Федаины Саддама» («Мученики Саддама») и другие мелкие подразделения, созданные для защиты режима, пытались оказать сопротивление¹⁵.

Однако в целом и в Афганистан, и в Ирак американцы вошли с согласия их народов. Ситуация выглядела вначале спокойно в обеих странах. Так

13. George W. Bush, West Point graduation speech, 1 June 2002.

14. Bush, «Major combat operations in Iraq have ended».

15. См.: *Hashim Ahmed S.* The Sunni Insurgency in Iraq. Center for Naval Warfare Studies, 15 August 2003. URL: <http://www.mideasti.org/articles/doc89.html>.

было не потому, что коалиционные силы обладали полным контролем. Скорее всего, в Афганистане это происходило потому, что их радушно принял народ Афганистана, надеявшийся, что вторжение положит конец религиозному гнету и десятилетиям насилия. В Ираке же причиной было то, что люди с готовностью наделили коалиционные силы презумпцией невинности, описывая происшедшее как «освобождение/оккупацию». Фактически единственными районами, действительно оккупированными коалиционными силами, были Кабул (в случае Афганистана) и их собственные защищенные базы (в случае Ирака).

Частично недееспособные государства

Свержение режимов не то же самое, что построение демократии. Афганистан и Ирак — очень разные страны. Афганистан в полтора раза больше Ирака по площади и является в основном сельской страной. Это одна из беднейших стран в мире. Продолжительность жизни среднего афганца 43 года; менее трети всего населения и только 12% женщин умеют читать и писать. Напротив, Ирак в основном урбанизирован, с развитым, высокообразованным средним классом и системой здравоохранения мирового класса (так было до начала войн и введения санкций). Более того, Ирак — одна из древнейших цивилизаций в мире; здесь была изобретена арифметика, а «Дом мудрости» (я была там в 2004 году) — старейший мозговой центр в мире, основанный в IX столетии.

Однако общим у Афганистана и Ирака на момент вторжений было то, что они оба стояли

на краю коллапса государства. У Афганистана всегда было слабое государство, зависящее от поступлений от сторонних держав, а национальное правительство, по сути, никогда не осуществляло контроль за пределами Кабула. Десятилетия войны, повлекшие за собой физическое уничтожение и крупномасштабное перемещение населения, сильно ослабили и традиционные структуры управления, и потенциал государства. Более того, война против советской оккупации 1979–1989 годов могла бы рассматриваться как часть пути к новым войнам. Советский Союз проводил классическую стратегию борьбы с повстанцами, повлекшую за собой «бомбардировки с воздуха, широкое применение мин, рейды по поиску и уничтожению противника и депопуляцию большей части страны»¹⁶. *Моджахеды*, финансируемые Саудовской Аравией и США через пакистанскую межведомственную разведку (ИСИ), были предтечами сегодняшних воюющих сторон (более того, многие являются теми же самыми людьми), развив дело сопротивления, которое скопировало ряд худших сторон стратегии борьбы с повстанцами и в то же время стало образом жизни и источником дохода. Томас Барфилд говорит об этом так:

К сожалению, успешная стратегия сопротивления, сделавшая страну неуправляемой для советских оккупантов, закончилась также тем, что Афганистан стал неуправляемым для самих афганцев. В прошлом афганцам удавалось избежать коллапса государства, но теперь их политическое тело было поражено аутоиммунным нару-

16. *Barfield Thomas. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010. P. 238.*

шением, когда антитела сопротивления угрожают разрушить любую государственную структуру независимо от того, кто контролирует ее или ее идеологию¹⁷.

Советский Союз ушел оттуда в 1989 году, а коммунистическое правительство оставалось у власти до 1992 года, когда советская помощь иссякла. Период распрей между разными командирами *моджахедов* привел к подъему Талибана — некоей более строгой религиозной фракции *моджахедов*, чьи новобранцы набирались главным образом из молодежи, особенно беженцев, прошедших подготовку в пакистанских медресе. На самом деле Талибан никогда полностью не контролировал страну, и, хотя они навязывали гнетущий женоненавистнический порядок, их вклад в государственное строительство и развитие был незначителен — именно поэтому их так легко было опрокинуть.

В случае Ирака и у президента Буша, которого консультировала изгнанная оппозиция, и у Саддама Хусейна имелась общая заинтересованность в том, чтобы иракский режим изображался как классическая тоталитарная система, контролирующая каждый аспект общества и устранимая лишь силовыми методами¹⁸. Действительно, на момент вторжения режим демонстрировал характеристики, которые типичны для последних фаз тоталитаризма — системы, ломающейся под влиянием глобализации, не способной поддерживать свое закрытое автаркическое жестко контролируемое устройство. После двух крупных войн и наложения экономиче-

17. Ibid. P. 6.

18. См.: *Said Yahia*. Civil society in Iraq // Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor (eds). *Global Civil Society*. 2004. Vol. 5. London: Sage, 2005. P. 6.

ских санкций налоговые поступления резко снизились, то же самое произошло и с оказанием услуг. На последние годы правления Саддама пришлось подъем трайбализма, когда Саддам Хусейн для сохранения власти заключал сделки с племенными лидерами, распространение преступности (как по причине санкций, так и из-за сбоев командной экономики), а также появление сектантской политики, как этнической, так и религиозной, так как баасистская идеология утратила свою привлекательность. Иными словами, накануне вторжения Ирак являл все признаки начинающейся несостоятельности государства (state failure) — нехватку законных источников дохода, упадок государственных служб, утрату легитимности, эрозию и быстрое разрастание военных ведомств и органов безопасности, подъем сектантской политики идентичности и рост преступности. Вторжение просто сжало этот процесс в краткий трехнедельный период.

Вторжение в эти страны в обоих случаях фактически уничтожило не только режим, но и то, что оставалось от государства. В Афганистане мелкие структуры гражданской службы и силы безопасности были подорваны инфильтрацией тех ополчений, которые недавно помогали американцам опрокинуть режим. Сказался также и тот факт, что широкомасштабное международное присутствие поменяло престижность профессиональных знаний и умений, поэтому низкооплачиваемые государственные служащие были готовы идти на гораздо более низкие, но лучше оплачиваемые позиции в международных учреждениях или НПО, зачастую просто водителями или переводчиками¹⁹. В Ира-

19. Ghani Ashraf, Lockhart Clare. Fixing Failed States: A Framework for

ке же государство было еще больше подорвано двумя указами учрежденной Временной коалиционной администрации — одним, освобождавшим от должностей всех бывших членов Партии арабского социалистического возрождения («Баас») и фактически лишавшим государственную службу всех квалифицированных сотрудников, поскольку членство в Партии возрождения было необходимым условием для карьерного продвижения, и другим, расформировывающим армию, а тем самым устранявшим одну унифицированную службу безопасности, унижавшим и обрекавшим на нищету тех самых людей, которые сняли форму и позволили американцам осуществить вмешательство (и у которых все еще был доступ к оружию).

Обычная военная сила не может воссоздавать государства. В США во время этих вторжений общим мнением, усиленно выражавшимся и государственным секретарем Колином Пауэллом, и его преемницей Кондолизой Райс, было то, что работа военных — вести военные действия и военнотружущие не должны использоваться для того, что Пауэлл пренебрежительно назвал «обязанностями констебля»²⁰. «Президенту надо помнить, — писала Райс в журнале *Foreign Affairs*, — что вооруженные силы — это особый инструмент. Он смертоносен, и таким он и задуман. Это не гражданские движения за мир. И совершенно точно они не задуманы для строительства гражданского общества»²¹. Результатом был вакуум в сфере

Rebuilding a Fractured World. Oxford and New York: Oxford University Press, 2008.

20. Цит. по: *Freedman Lawrence*. The transformation of strategic affairs. Adelphi Paper 379. London: International Institute for Strategic Studies, 2006.

21. Campaign 2000: Promoting the National Interest // *Foreign Affairs*. January/February 2000.

безопасности. При этом что в Афганистане американцы продолжали охоту на лидеров «Аль-Каиды» с помощью отдельного соединения (операция «Несокрушимая свобода»), натовский контингент с международными полномочиями, МССБ (Международные силы содействия безопасности), который мог бы действовать в качестве «мирной силы», с самого начала оставался в пределах Кабула. В Ираке американцы не делали ничего, чтобы помешать широко распространившемуся мародерству, которое началось вслед за вторжением (за исключением охраны министерства нефтяной промышленности и нефтяных установок), в частности допустив утрату уникальных предметов древности и рукописей из музеев, составляющих часть мирового цивилизационного наследия. «Всякое бывает», — таков был небезызвестный лаконичный отклик Дональда Рамсфелда.

Также не было и серьезного гражданского усилия по реконструкции государства. В Афганистане было сделано гораздо больше, чем в Ираке. ООН возглавила процесс национального строительства, основываясь на Боннском соглашении, собравшем вместе все афганские фракции и влиятельных лиц, за исключением Талибана. Тем не менее этот процесс сдерживался тем, что американцы продолжали опираться на Северный альянс, вследствие чего в правительстве оказались бывшие военачальники (или полевые командиры) и члены их ополчений, а также небезопасной обстановкой за пределами Кабула. Например, на севере реабилитация бывших командиров привела к этнической дискриминации в отношении пуштунского населения, из которого в основном и был укомплектован Талибан. В Кандагаре американцы настаивали на утверждении губернатором бывшего командира *моджахедов* Гуль Ага Шерзая. Под давлением американского спецназа, назначившего награду

за поимку лидеров Талибана, ополчения Шерзая стали ответственны за убийства и пытки бывших членов Талибана, несмотря на их попытки сдаться.

В Ираке неопытные работники республиканского аппарата сидели в защищенной «зеленой зоне» — большом районе Багдада, где базировалась Временная коалиционная администрация (ВКА). Трава и пальмовые деревья, фонтаны и водоемы, дворцы и розарии создавали спокойную обстановку для сотрудников созданного коалицией аппарата, которые без устали работали, пытаясь внедрить «готовые к употреблению» модели демократии в Ираке. Они разработали план из 12 шагов по внедрению демократии; один из чиновников говорил мне в ноябре 2003 года, что «мы должны быстро закончить с этим, потому что лучше знаем, как строить демократию; политическое давление вынудит нас передать суверенитет иракцам, которые не знают, как это сделать не хуже, чем делаем мы». Они очень рассчитывали на экспатриантов вроде встречавшегося мне бывшего халяльного мясника из Северного Лондона, который был назначен специалистом по политическому планированию в новосозданном министерстве обороны. Когда временное иракское правительство наконец-то было сформировано — одновременно с запуском ведущего к выборам политического процесса, — оно состояло в основном из кучки консультантов, бывших иностранцами или вернувшимися из изгнания иракцами, которые редко покидали «зеленую зону». Кроме того, под влиянием опыта бывшей Югославии политический процесс в большой степени определялся этнорелигиозными соображениями, поэтому, когда в 2005 году происходили выборы, электоральные варианты были определены в терминах религиозного многообразия — там были отдельные листы для курдов, шиитов и суннитов.

Итак, на момент вторжения обе страны являли собой типичные примеры ситуаций, в которых развиваются новые войны: бывшие авторитарные государства, по той или иной причине не способные адаптироваться к открытости внешнему миру. Обе страны уже демонстрировали аспекты хищнической политической экономики, которая характерна для новых войн и которая была следствием войн предшествующего времени. В обеих странах положение ухудшило характерное для старых войн убеждение в том, что все, что нужно, это разбить врага.

Новые войны

Даже при этих условиях для развития новых войн потребовалось какое-то время. В Ираке мятеж начал разгораться летом 2003 года, в Афганистане в 2005 году. Талибан только начал перегруппироваться и опять просачиваться в определенные регионы. С тех пор насилие неуклонно росло. В Ираке оно достигло вершины в 2006–2008 годах, когда мятеж приобрел форму межрелигиозного конфликта. В Афганистане насилие продолжает расти и на момент написания этой книги держится на самой высокой отметке, начиная с вторжения.

Каковы же характеристики того насилия, из-за которого эти конфликты квалифицируются как «новые войны»?

Воюющие стороны

Прежде всего, эти войны ведут сети государственных и негосударственных участников. В обоих случаях можно перечислить три главные категории: повстанческие движения; автономные ополчения,

часто стоящие на стороне правительства; коалиционные и правительственные силы. Эти повстанческие движения больше напоминают общественные движения, нежели типичные вертикально организованные движения мятежников-партизан прежних периодов. Коалиционные силы включают в себя также большое число поставщиков частных охранных услуг и поэтому больше напоминают гибридные сети, характеризующие новые войны, чем регулярные силы прежних эпох. Также активными участниками насилия в обеих странах являются обычные преступники, но зачастую трудно провести различие между криминальными группами и другими слагаемыми этого насилия, включая правительственную сторону.

В Ираке повстанческое движение (в основной массе) было представлено иракскими националистами и суннитскими исламистами и возникло более или менее спонтанно, начавшись летом 2003 года. Наиболее важным пополнением были бывшие военные: около 100 тысяч бывших сотрудников иракской службы безопасности потеряли работу, когда армия была расформирована. Они базировались в основном в Фаллудже, которая была родным домом сил спецназа, Мосуле, где размещались главным образом старшие армейские офицеры, и кое-где в Багдаде. Бывшие военные обеспечивали профессиональное «ноу-хау» и были в состоянии получить доступ к некоторым оружейным складам прежнего режима.

Эти националистические и суннитские ячейки имели следующие названия: Исламское национальное сопротивление, «Бригады революции 1920 года» (отсылка к иракскому восстанию против британского владычества), Национальный фронт освобождения Ирака, Генеральное командование во-

оруженных сил — за сопротивление и освобождение Ирака, Патриотический фронт (или Исламский фронт освобождения Ирака «JAMI») ²². Было также несколько более мелких, левых и секулярных групп с такими названиями, как *нассериты*, бригады *Аль-Анбар* (или Генеральный секретариат за освобождение демократического Ирака), так же как несколько бывших баасистских фракций, таких как «Федаины Саддама», движение «Змеиная голова» и *Аль-Ауда (Возвращение)* ²³.

В Афганистане большинство повстанцев — это талибы. Вначале они концентрировались на юге и юго-востоке, но сейчас все больше распространяются по всему северу. Хотя они остаются под руководством муллы Омара, базирующегося в Кветте в Пакистане, поскольку сопротивление распространилось, в движение были включены и другие местные группы, действующие, по-видимому, относительно автономно. Более мелкие повстанческие группы имеются также и в других районах. Сеть Хаккани, возглавляемая бывшим командиром *моджахедов* Джалалуддином Хаккани и его сыновьями Сирахуддином и Бадаруддином, была связана с серией дерзких атак, вроде взрывов в отеле «Серена» в январе 2008 года, неудавшегося покушения на президента Карзая и совсем недавнего убийства Бурхануддина Раббани, бывшего президента и одного из основателей движения *моджахедов*, которому была поручена задача вступить в переговоры с Талибаном. Хезб-э-Ислами (Исламская

22. Hashim Ahmed S. The Sunni Insurgency in Iraq. См. также: Haddad Samir, Ghazi Mazin. An inventory of Iraqi resistance groups: «Who kills hostages in Iraq?» // Al Zawra [Baghdad] [19 September 2004].

23. Hashim Ahmed S. The Sunni Insurgency in Iraq.

партия Афганистана) Гульбеддина Хекматияра ведет боевые действия с момента советской оккупации и обычно союзничает с Талибаном, хотя и участвовала в столкновениях с Талибаном на севере; у нее есть политическое ответвление, представленное в афганском парламенте.

«Аль-Каида» присутствует и в Ираке, и в Афганистане, хотя в Ираке это не было очевидно до вторжения в марте 2003 года²⁴. В Афганистане ее террористические лагеря были уничтожены во время вторжения и большинство прошедших оперативную подготовку скрылись в Пакистане. Тем не менее вторжение в Афганистан и Ирак словно магнит подействовало на джихадистов по всему миру и сильно расширило оперативный простор и благоприятные возможности для подготовки и приобретения опыта. В обеих странах имеет место угроза активизации локально базирующихся повстанческих групп. Более того, такая угроза привела к рождению феномена, известного как «Пробуждение Ирака», когда основная масса повстанцев перешла на другую сторону; это было началом резкого спада насилия.

В Афганистане и в Ираке есть племенные ополчения. Племена часто рассматриваются в качестве традиционных структур. Однако в обеих странах племена были «переизобретены» в ответ на колониализм, войну и государство эпохи модерна. Так,

24. Иорданский боевик Абу Мусаб аз-Заркави, воевавший в Афганистане с *моджахедами*, создал небольшое формирование Ансар аль-Ислам, лагерь которого находился в автономной северной части Ирака. После вторжения аз-Заркави объединился с более экстремистски настроенными исламистскими группами в Ираке, в 2004 г. поклялся в верности Усаме бен Ладену и переименовал свою организацию в «Аль-Каиду» в Междуречье.

в Ираке племена — это на самом деле группы с общим интересом, имеющие некоторые элементы кланового устройства или кровного родства. Тогда как в традиционном представлении племена располагаются в сельской местности, в Ираке в период Саддама развивались сельско-городские племенные сети, потому что, с одной стороны, Саддам Хусейн все больше опирался на племена в интересах безопасности, а с другой — потому что с упадком общественного благосостояния и крушением гражданского общества более важное значение приобрели личные связи²⁵. Многие племенные ополчения были связаны с повстанческими группами. Например, племя Зобай было тесно ассоциировано с Революционными бригадами и Исламской армией Ирака. В Афганистане племена подобным же образом были «переизобретены» после массового перемещения; также это происходит по мере того, как племенных старейшин все больше заменяют молодые командиры. Племенное мировоззрение поддерживает местные сети; зачастую они сотрудничают с Талибаном и другими повстанческими группами — отчасти из-за страха, отчасти из-за разочарования в афганском правительстве и коалиционных силах.

Кроме того, в Афганистане есть ополчения, контролируемые бывшими командирами, которые теперь союзничают с правительством и, более того, зачастую являются губернаторами провинций или министрами; это люди типа Абдул-Рашида Дустума, узбекского полевого командира, до 2001 года контролировавшего северные территории и возглавлявшего тот отряд всадников, который в 2001 году

25. См.: *Long Austin*. The Anbar awakening // *Survival*. 2008. Vol. 50, N. 2.

с большой жестокостью освободил Мазари-Шариф. До 2008 года он был главнокомандующим афганской армии. В число прочих командиров входят Назир Мохаммад, который управляет столицей провинции Файзабадом и чьи ополчения вроде как должны защищать НАТО, Исмаил-хан, который господствует в западном городе Герате, и Гуль Ага Шерзай, который был губернатором Кандагара, затем на этом посту его сменил сводный брат Карзая.

В Ираке самые, пожалуй, важные вооруженные ополчения примыкают к политическим партиям и стали участниками межрелигиозной борьбы за контроль над государственным аппаратом. Пешмерга близка к курдским партиям, которые оказывали Саддаму Хусейну сопротивление на севере. Некоторые ополчения были созданы партиями в изгнании, самый важный из них — Корпус Бадр, примкнувший к Верховному исламскому совету Ирака (ВИСИ) и обученный инструкторами из Революционной гвардии Ирана. Из ополчений, созданных после 2001 года, наиболее значима Армия Махди Муктады ас-Садра, известная как Джаиш аль-Махди (ДЖАМ). Корпус Бадр и ДЖАМ просочились в министерство внутренних дел и полицию между 2005 и 2007 годом. Один из бывших командующих Корпуса Бадр, Баян Джабр, в 2005–2006 годах был министром внутренних дел.

Последняя категория — это коалиционные и правительственные силы. Коалиционные силы привлекают к работе сотни тысяч поставщиков частных охранных услуг, как местных, так и зарубежных, поэтому все они начинают больше напоминать сети регулярных войск и военизированных формирований, которые можно обнаружить во многих «новых войнах»; эти последние гораздо менее дисциплинированы и в меньшей степени знакомы с закона-

ми войны. В Ираке, например, оказалось, что ответственность за некоторые из самых тяжелых случаев пыток в тюрьме Абу-Грейб несут именно частные военные компании. В Афганистане же частные военные компании, по-видимому, причастны к ряду случаев рэкета с «крышеванием».

И в Ираке, и в Афганистане для воссоздания армии и полиции были сделаны большие усилия. В обоих случаях в ряды сил безопасности, особенно полиции, просочились представители различных ополчений и силы безопасности оказались вовлечены в насилие. В Афганистане предпринимались неоднократные усилия, чтобы укомплектовать местную полицию (Афганская национальная вспомогательная полиция (2006 год), Программа афганской общественной защиты (2008 год) и совсем недавняя «изменяющая правила игры» инициатива Петреуса — Афганская местная полиция), однако все эти силы имеют тенденцию становиться просто еще одним вооруженным ополчением.

Политические цели

Общим у всех повстанческих групп является то, что они находятся в оппозиции к американской оккупации. Подобно движениям, возникшим в других «новых войнах», они могут быть поняты с точки зрения тех условий, которые порождены глобализацией. Существует целый ряд личных мотивов. В Ираке многие присоединились к мятежу, чтобы отстоять прежние позиции во власти либо по причине унижения, доставленного им американцами увольнением, во время рейда или на блокпосту. В Афганистане костяк Талибана составляют неимущие перемещенные молодые люди, получившие воспитание в медресе Пакистана, которые пред-

лагают кров и еду бедным семьям. Однако к ним присоединились еще и те, кто пострадали от рук проправительственных сил и/или местных командиров, и те, кто, подобно их иракским товарищам по несчастью, перенес унижение ночных рейдов и блокпостов, и/или те, кто использует мятеж как прикрытие для сведения счетов, для «крышевания» или преступной деятельности. В обоих случаях, какова бы ни была индивидуальная мотивация, объединяющим их мировоззрением (сейчас или раньше, как в случае Ирака) выступает гибридный салафизм и национализм.

Это мировоззрение также пропагандирует «Аль-Каида», которая имеет более глобальный и антиполитический характер, чем локально базирующиеся повстанческие группы. Фактически ее целью является сама по себе борьба против Запада. Осуществляя демонстративные атаки на шиитские районы и шиитские памятники, «Аль-Каида» разжигала межрелигиозное насилие в Ираке, поэтому мятеж все больше принимал форму гражданской войны. Принято считать, что начало межрелигиозному конфликту было положено подрывом 22 февраля 2006 года мечети аль-Аскари в Самарре, одной из наиболее важных шиитских усыпальниц в мире.

Часто говорят, что нео-Талибан, как иногда описывают текущий мятеж в Афганистане, имеет более умеренный характер, чем прежний Талибан, — он делает больший акцент на национализм и с большей готовностью терпит существование здравоохранения и образования. Тем не менее факты показывают, что после присоединения к Талибану молодые новобранцы радикализируются. Флориан Брошк описывает видеофильмы, показываемые сторонникам Талибана, в которых

западное военное присутствие в Афганистане изображено с точки зрения исторической преемственности последних двухсот лет: мекканцы²⁶, средневековые крестоносцы и монголы, равно как и британские и советские захватчики Афганистана, — все это разные личины одного и того же врага, который нападает на мусульман также и в Палестине, Ираке и в других частях мира²⁷.

Первоначально иракский мятеж не имел узкорелигиозной идентичности даже несмотря на то, что большинство повстанцев сунниты. Однако по мере интенсификации насилия идея борьбы с Западом, являющаяся зеркальным отражением американской идеи «Войны против терроризма», все больше приобретала межрелигиозный характер, поскольку удары коалиционных сил наносились в основном по суннитским районам. Как и в других новых войнах, это насилие представляло собой некую форму политической мобилизации, некий способ выстраивания суннитской или шиитской идентичности, которые до войны имели менее ясные очертания. Более того, это усиливалось политическим процессом, так как политики использовали различные узкорелигиозные идентичности, чтобы получить голоса или министерские кресла.

Хотя мятеж в Афганистане является в основном пуштунским и хотя в правительстве, образованном после 2001 года, господствуют традиционные пра-

26. Имеются в виду жители Мекки, в период ранней проповеди Мухаммада (610–622 гг.) настроенные по отношению к нему враждебно. — *Примеч. ред.*

27. *Broschek Florian*. Inciting the believers to fight': A closer look at the rhetoric of the Afghan jihad// Afghan Analysts Network, February 2011.

вющие племена, насилие пока еще не перешло в этническое или племенное измерение. Так только Талибан в 2009 году распространился на север, он начал собирать в свои ряды узбекские и таджикские ополчения, а против «межрелигиозной ненависти» уже в 2006 году предостерег мулла Омар в своем послании в канун Ида. В Афганистане столько этнических и племенных аффилиаций, что, даже если в политических целях, вроде победы на выборах, мобилизуется этническое и племенное соперничество и даже если оно перерастает в насилие, эти разногласия трудно встроить в более широкую политическую систему взглядов. Как выразился один комментатор, в Талибане «следует видеть националистический исламистский мятеж, который в своих собственных целях подпитывает и манипулирует племенными дисбалансами и соперничеством»²⁸.

С точки зрения коалиционных сил и их местных союзников, оба конфликта видятся в рамках концепции старой войны: смысл «Войны против терроризма» понимается как поражение повстанческих движений и «Аль-Каиды» в Ираке и в Афганистане. Время от времени высказываются и гуманитарные соображения, особенно в Афганистане и особенно в рамках миссии ООН и санкционированного ООН контингента МССБ, в противоположность проводимой американским соединением операции «Несокрушимая свобода». Однако на практике, особенно с момента, когда эти две группы войск были объединены, преобладает именно идеология «Войны против терроризма».

28. *Gopal Anand*. The Battle for Afghanistan: Militancy and Conflict in Kandahar. Counterterrorism Strategy Initiative Policy Paper. Washington, DC: New America Foundation, November 2010. P. 14.

Тактика и методы

Обычные военные тактики, взятые на вооружение коалиционными силами, представляли собой серьезный фактор, способствующий насилию. Как во время самих вторжений, так и после них США пользовались тактиками «старой войны», тогда как действовать приходилось в сложных условиях «новой войны» XXI века. Тактики были нацелены на подавление мятежа. Преследуя «Аль-Каиду» и Талибан в Афганистане и отвечая на разгорающийся мятеж в Ираке, американские вооруженные силы в основном не покидали своих баз и решались на это, только чтобы атаковать врага. Столкнувшись с жестокой действительностью мятежа, коалиционные войска, по-видимому, по умолчанию обратились к военной логике. Из этой военной логики вытекают избыточное применение силы, широкое распространение задержаний, пыток и недозволенного обращения в качестве средств получения информации, попытки уничтожить безопасные убежища мятежников посредством нападений на такие места, как Фаллуджа, Самарра, Наджаф или эс-Садр в Ираке или Кандагар и прочие опорные пункты талибов в Афганистане (это напоминает типы борьбы с повстанцами, например, во Вьетнаме или Алжире). Один из американских солдат в Ираке сказал так: «Не думаю, что мы станем тратить много сил, чтобы на деле испытать старую идею о „завоевании сердец и умов“. Я не рассматриваю это как один из показателей успеха»²⁹.

События в Фаллудже в апреле 2004 года иллюстрируют первостепенное значение военной логи-

29. Цит. по: *Krepinevich Andrew F. How to win in Iraq//Foreign Affairs. September/October 2005.*

ки в первые годы войны в Ираке. Экспедиционная группа морской пехоты только что сменила 82-ю воздушно-десантную дивизию в качестве силы, отвечающей за этот непокорный город. Морская пехота вошла в Фаллуджу с явным намерением открыть новую страницу, стараясь привлечь на свою сторону население и в то же время изолируя мятежников, использовавших город как базу, с которой можно было начать атаки по всей стране. Командующий силами морской пехоты с уверенностью предсказывал, что через несколько недель его военнослужащие будут играть в футбол с местными жителями. Произошло же все, однако, прямо противоположным образом. Попытка хирургического устранения террористов постепенно выродилась в осаду и полномасштабную войну, когда погибли четверо бойцов из американской частной военной компании, а их тела были изуечены перед телевизионными камерами. Применение карательных мер, тяжелого вооружения и неизбирательного огня быстро объединило жителей Фаллуджи, занявших сторону мятежников, и, более того, большую часть Ирака, занявшую сторону Фаллуджи. Применение белого фосфора привело наблюдателей в ужас и снова воскресило призрак Вьетнама.

Иракцев подтолкнули к тому, чтобы сплотиться на стороне их злейших врагов — приверженцев режима, которые собрались туда со всей страны, и отборных арабских джихадистов. Как только морские пехотинцы начали нести потери, их главным стремлением, вместо завоевания сердец и умов, стала решимость отомстить за павших товарищей, «умиротворить город» и «закончить работу». Только интенсивное политическое давление позволило вступить в действие режиму прекращения огня, который проложил дорогу следующим механиз-

мам безопасности, в соответствии с чем контроль над городом был передан бывшему командующему Республиканской гвардией. Антиамериканские настроения, возникшие в связи с этим нападением, позволили мятежникам вернуться в город (включая лидера «Аль-Каиды» в Ираке, Абу Мусаба аз-Заркави). В ноябре 2004 года вооруженные силы США атаковали снова, вызвав бегство сотен тысяч людей, причинив многие физические разрушения и тысячные потери среди гражданского населения.

Для многих иракцев Фаллуджа подтвердила неистребимое впечатление, что скоро будут врывать-ся в каждый дом, открывать огонь по гражданским лицам и без всяких оснований арестовывать молодых мужчин. Такое было бы невозможно в Ираке в первые годы после вторжения, не столкнись жители на собственном опыте с наглостью молодых солдат на блокпостах. На каждом блокпосту висели угрожающие знаки, на английском и арабском языках, предупреждавшие, что военнослужащие «уполномочены открывать огонь на поражение». Конечно, и без этого людей пугало присутствие коалиционных сил, так как они были мишенью для террористических атак и имели привычку в случае нападения стрелять без разбора.

Нечто подобное происходило и в Афганистане. В первые годы после вторжения большинство боевиков Талибана искали примирения. Письмо от группы талибских лидеров с просьбой иммунитета от ареста в обмен на их воздержание от политической активности было проигнорировано. Вместо этого оставшихся талибов травили и запугивали и войска спецназа США, и военачальники наподобие Шерзая, получавшие денежные вознаграждения за убийство или поимку талибов. Необоснованные аресты, ночные рейды и выборочные ликвидации —

все это стало вкладом в развитие у людей глубокого чувства униженности. С 2004 года Талибан начал возвращаться на юг и юго-восток. Предполагалось, что операция «Медуза», осуществлявшаяся канадскими силами МССБ, должна очистить Кандагар от мятежников: сотни талибов были убиты или захвачены. Как и в Фаллудже, конечным результатом был, однако, новый приток бойцов к мятежникам и новые тактики.

В последние годы силы спецназа США интенсифицировали свои операции по уничтожению или захвату. Они предпринимают значительные усилия по минимизации потерь среди гражданского населения, но тем не менее иногда допускаются ошибки, и наступательные операции — это в настоящее время наиболее важная причина внутреннего перемещения. Как и в Ираке, обычный военный подход чрезвычайно затрудняет сбор полезной разведывательной информации, которая могла бы помочь найти более эффективный подход. Сидя в своих безопасных лагерях, американские командиры попросту не знают того, что происходит. Все, что у них есть, это информация со спутников, которая, может быть, и помогает точно засечь местоположение конкретного врага, но никак не облегчает понимания политической действительности.

Показательный пример ошибки — атака в Тахаре 2 сентября 2010 года. Эта атака убила пожилого бывшего талиба по имени Забет Аманулла, который тихо проживал в Кабуле и приехал в Тахар, чтобы помочь своему племяннику в его избирательной кампании, — и вместе с ним еще девять гражданских лиц, находившихся в составе колонны сторонников кандидата. По результатам радиоэлектронной разведки, американцы были убеждены, что Забет Аманулла — это псевдоним талибско-

го теневого губернатора провинции, невзирая на то что многие рядовые афганцы могли бы свидетельствовать об ошибке. Расследовавшая этот инцидент Кейт Кларк говорит об этом так:

Оценки того, что произошло 2 сентября 2010 года, исходят, по-видимому, из параллельных миров. Один мир — это мир американских военных, чьи знания часто обусловлены в основном данными радиоэлектронной разведки и сообщениями от очень ограниченного числа осведомителей и которые по большей части сосредоточиваются на действиях мятежников. Другой мир — это нормальный повседневный мир афганской политики. В случае нападения на Тахар эти миры никак не сообщались³⁰.

Несмотря на очень успешные операции по уничтожению или захвату, в ходе которых буквально сотни талибов были убиты, захвачены или бежали, Талибан смог найти замену командирам и сохранить нетронутыми свои теневые структуры. Новые молодые командиры более радикальны, более жестоки и меньше связаны с местными условиями. «Пока что, — как пишет Гопал, — все выглядит так, что способность иностранных сил уничтожить или захватывать командиров уравновешена способностью повстанцев находить им замену»³¹.

Непрерывные военные атаки, ночные рейды и задержания молодых мужчин, которые проводятся с унижением их достоинства и после которых их зачастую рекрутируют в вооруженные фор-

30. *Clark Kate*. The Takhar attack: Targeted killings and the parallel worlds of US intelligence and Afghanistan//Afghan Analysts Network. May 2011.

31. *Gopal Anand*. The Battle for Afghanistan.

мирования, вносят свой вклад в оправдание и/или служат оправданием интенсификации атак талибов или местных полевых командиров.

Тактики мятежников и в Ираке, и в Афганистане — это типичные тактики новых войн. Их главная цель состоит в оказании влияния на местные сообщества, и они добиваются этого посредством страха и запугивания. С 2005 года и иракских мятежников, и другие ополченческие формирования втягивали в межрелигиозное насилие и этнические чистки такими способами, которые вызывали в памяти югославские войны. В то время как суннитские группы предпочитали использовать взрывы и/или террористов-самоубийц в шиитских районах или против шиитских памятников, шиитские группы использовали эскадроны смерти для показательных убийств известных суннитов и для занятия соседних территорий с изгнанием их обитателей. Обычно они захватывали имущество суннитов, включая дома, особняки и торговые точки, со времен Османской империи принадлежавшие багдадской буржуазии, и отдавали их шиитским семьям либо разграбляли. Они вымогали у местных торговцев деньги, развешивали в районе шиитские флаги, просачивались в местную полицию, частично или полностью обновляя ее состав. Они забирали себе заправочные станции и брали под контроль основные объемы продажи бензина, пропана и керосина. Они вводили дополнительное местное «налогообложение», фактически устанавливая своего рода параллельную систему. Под прицелом были в особенности интеллектуалы и средний класс; в период самого интенсивного насилия погибли сотни преподавателей высшей школы.

В Басре, на юге насилие не проявляло себя до тех пор, пока на провинциальных выборах 2005 года

власть не взяла исламистская партия «Аль-Фадия». Насилие началось с мести бывшим членам партии «Баас» и военным чинам, но постепенно превратилось в токсичную помесь политической и криминальной деятельности: атаки мятежников, особенно Армии Махди, против британских сил, заставившие британцев спрятаться в укрытиях и защищать себя, сократив свое присутствие на улицах; межрелигиозные чистки против суннитов и христиан (в частности, тех христиан, у которых была лицензия на продажу алкоголя); схватка за ресурсы между различными племенными и религиозными группами, и в том числе недобросовестная конкуренция за контроль над министерством нефтяной промышленности, объектами нефтяной промышленности и профсоюзами нефтяников с целью откочки нефтяных доходов; убийства чести, убийства известных интеллектуалов и нападения на женщин, не носящих хиджабы, равно как и всепроникающая преступность с процветающим похищением людей и захватом заложников ради получения выкупа и по политическим мотивам.

В Афганистане типичная модель такова: небольшая группа вооруженных бойцов приходит в некую местность из Пакистана и собирает *ушр* (налог) или *закят* (пожертвования). Они, например, могут рассылать «ночные письма» с приказами не отдавать дочерей в школу или сыновей — в афганскую армию. Они могут предлагать свои услуги в качестве мобильных судов, что в отсутствие механизмов правосудия стало очень популярным. Они мобилизуют духовенство, из числа которого многие прошли подготовку в Пакистане, и они же платят преступникам, дестабилизирующим обстановку в районе. Они убивают или изгоняют тех, кто им не симпатичен, и могут напасть на защищен-

ные здания, например больницы или мечети, поэтому никто не чувствует себя в безопасности. Их успех является следствием отсутствия местных институтов вроде полиции или же их [местных институтов] активного потворства. Они вербуют местных добровольцев и создают местные сети, как военные, так и политические. Талибан уже создал теневые структуры с теньвыми губернаторами для каждой провинции в Афганистане.

После 2006 года Талибан усвоил многие из тех тактик, которые впервые были опробованы в Ираке. В их число входит применение так называемых самодельных взрывных устройств с нажимной пластиной, которые детонируют, когда по ним проезжает транспортное средство, но которые не делают различий между гражданскими и военными целями, а также использование целевых убийств и террористов-смертников (раньше в Афганистане подобные вещи считались несоответствующими исламу). Мятежники все больше привлекают в свои ряды детей, прошедших с этой целью подготовку в медресе. 1 мая 2011 года 12-летний террорист-смертник убил троих гражданских лиц и ранил еще 12 человек. 26 июня 2011 года мятежники поручили восьмилетней девочке отнести пакет со взрывчаткой к полицейской машине, они удаленно взорвали заряд, убив саму девочку³². Подобная тактика применяется полевыми командирами, запугивающими местное население, чтобы увеличивать свои земельные владения, обеспечивать электоральную поддержку, контролировать контрабанду и прочие виды криминальной деятельности.

32. UNAMA, Protection of Civilians in Armed Conflict, Kabul, Afghanistan, annual report 2011.

Основные жертвы этого насилия — гражданское население. Гражданские лица гибнут в результате американских атак (сопутствующие потери). Их убивают, когда мятежники атакуют коалиционные цели, потому что у них нет таких же средств защиты, как у солдат. Они являются жертвами нарушений прав человека и этнических чисток, так как разные группы с каждой из сторон пытаются сохранить контроль над территориями. Один из самых показательных аспектов этой печальной истории, иллюстрирующих ту цену, какой были оплачены жизни американских или британских солдат, состоит в том, что никто точно не знает количество гражданских потерь. Количество погибших военнослужащих тщательно фиксируется, однако количество погибших среди гражданского населения не подсчитывается. Согласно оценкам «Счета погибших в Ираке» (Iraq Body Count), основывающимся на сообщениях СМИ, по состоянию на сентябрь 2011 года, в Ираке погибло свыше 100 тысяч гражданских лиц. Цифры, представленные британским медицинским журналом *The Lancet*, использовавшим эпидемиологические методы интервьюирования выборочных семей, гораздо выше. Они сообщают о числе погибших, превышающем 650 тысяч человек, с марта 2003 года по середину 2006 года, из которых свыше 600 тысяч человек погибло по причине насилия³³. По-настоящему интенсивный период насилия, когда ежемесячно гибли от 3 до 4 тысяч человек, наступил уже позже того времени, к которому относится оценка *The Lancet*. В январе 2008 года британская организация Ori-

33. Burnham Gilbert, *Lafta Riyadh, Doocy Shannon, Roberts Les*. Mortality after the 2003 invasion of Iraq: a cross-sectional cluster sample survey // *The Lancet*. 2006. Vol. 368. No. 9545.

nion Research Business, основываясь на опросах отдельных иракских семей, оценила потери от конфликта в миллион с лишним человек³⁴.

В Афганистане систематический сбор данных о погибших среди гражданского населения начался только в 2007 году. ООН сейчас ведет базу данных, но к ней нет публичного доступа. Согласно миссии ООН в Афганистане, между 2007 и 2010 годом погибло около 8832 гражданских лица³⁵. Число погибших среди гражданского населения увеличивается каждый год: в первое полугодие 2011 года погибло около 1462 человека, тогда как в тот же период 2010 года — 1267 человек. Это увеличение объясняется ростом атак мятежников. Число гражданских лиц, погибших от действий коалиционных или проправительственных сил, уже немного снизилось, отражая увеличение усилий по сокращению потерь среди гражданского населения. У проправительственных сил самой весомой причиной потерь среди гражданского населения были атаки с воздуха. У мятежников такой причиной стало использование СВУ, за которым идут атаки смертников и выборочные ликвидации³⁶.

Количество перемещенных лиц, наверное, даже еще внушительнее. В Ираке около 4 миллионов людей были принуждены покинуть свои родные места,

34. Opinion Research Business, «Revised Casualty Data, press release», 28 January 2008. London: ORB. URL: <http://www.opinion.co.uk/Documents/Revised%20Casualty%20Data%20%20Press%20release.doc>.

35. UNAMA, «Afghanistan, Annual Report 2010 — Protection of Civilians in Armed Conflict». URL: <http://unama.unmissions.org/Portals/UNAMA/human%20rights/March%20PoC%2Annual%20Report%20Final.pdf>.

36. UNAMA, «Afghanistan, Midyear Report 2011 — Protection of Civilians in Armed Conflict». URL: <http://unama.unmissions.org/Portals/UNAMA/Documents/2011%20Midyear%20POC.pdf>.

половина из них уехали за границу. В Афганистане 40% населения, оцениваемого в 28 миллионов, перемещались несколько раз в течение жизни. Многие уехали за границу. Афганцы составляют крупнейшую в мире популяцию беженцев, причиной чему являются главным образом прежние войны и режим талибов. Однако внутренне перемещенные лица и те, кто уехали из сельской местности, чтобы пополнить собой городское население, составляли сопоставимое число. Начиная с 2001 года свыше 4 миллионов беженцев вернулись в Афганистан. И все же многие снова уезжают. В конце 2010 года, по оценкам УВКБ ООН, за пределами Афганистана находилось все еще свыше 3 миллионов беженцев. По оценкам Центра мониторинга внутренне перемещенных лиц (ЦМВП), начиная с 2006 года было внутренне перемещено около 760 тысяч человек. Наиболее весомая причина — наступательные операции западных сил. «Хотя силы США и МССБ в 2010 году предприняли успешные усилия по минимизации гражданских потерь и человеческих жертв, они не предприняли тех же усилий, чтобы сократить масштаб внутреннего перемещения, невзирая на значительность этого масштаба и доказанное влияние вынужденного перемещения на поддержку международных сил»³⁷. Другие причины перемещения — умышленное изгнание населения силами ополчений и вооруженных формирований, споры за права на землю, доступ к воде и выпас скота и этнические чистки, например, в случае шиитского меньшинства.

37. Internal Displacement Monitoring Centre, Afghanistan: Need to Minimise New Displacement and Increase Protection for Recently Displaced in Remote Areas, 11 April 2011. URL: <http://www.interna-displacement.org>.

Источники финансирования

Война в Ираке была нефтяной войной. Обычно считается, что это была война за нефть в том классическом смысле «старых войн», когда великие державы конкурируют друг с другом за контроль над нефтяными установками и маршрутами транспортировки. Несомненно, этот мотив являлся частью американской концепции «старой войны». Рабочая группа по выработке энергетической стратегии под руководством вице-президента Дика Чейни, созданная всего лишь через десять дней после того, как администрация Буша приступила к исполнению обязанностей, открыто высказывала мнение, что защита источников нефти на Ближнем Востоке в момент все более жесткой и изменчивой ситуации на рынках соответствует жизненным интересам США, а Пол Вулфовиц, в то время заместитель министра обороны, высказывался так: «Наиболее важная разница между Северной Кореей и Ираком заключается в том, что в отношении Ирака у нас просто не было никакого выбора с точки зрения экономики. Эта страна купается в море нефти».

Однако, и это более важно, это была война за нефть в смысле «новой войны», согласно которому нефтяные доходы различными способами шли на финансирование боевых действий и, более того, доступ к нефтяным доходам стал мотивацией для ведения боевых действий. В политической экономике новых войн нефть стала ключевым ресурсом. Американские официальные лица заявляли, что у мятежников есть «неограниченные деньги», которые поступают к ним от сторонников бывшего режима, саудовских и других религиозных благотворительных организаций или криминальной деятельности, — и основная часть этих денег име-

ет свой источник в ближневосточных нефтяных доходах. Но нефтяные деньги притекали не только извне. Преступные сети, еще раньше контролировавшие огромную инфраструктуру нелегальной продажи нефти, созданную Саддамом Хусейном, чтобы обойти санкции ООН, разворачивают иракскую нефть с помощью контрабандной цепи, которая простирается вплоть до Персидского залива с одной стороны и по территории Турции с другой. Как раз в эпоху Саддама исчезали огромные суммы денег (нелегальная торговля нефтью была крупнейшим источником незаконных доходов для бывшего режима, примерно 9,2 миллиарда долларов США от продаж в Иорданию, Сирию и Турцию).

Контрабанда нефтью может принимать разнообразные формы, включая откачку дизельного топлива у поставщика или создание «врезок» в трубопроводы. Племена, которым платили за охрану трубопроводов, развернули прибыльный бизнес, откачивая нефть перед тем, как трубопровод брался под охрану. Вдобавок конкуренция за получение доступа к нефтяным доходам на локальном и национальном уровнях была важным фактором насилия в период выборов, тогда как другие виды криминальной деятельности, как например мародерство, захват заложников, похищение людей и нападения на грузовые колонны, можно понять как способы вторичной переработки нефтяных доходов. Трудность, связанная с нефтью как источником финансирования, состоит в том, что для нефтедобычи необходимо бурение скважин, а это требует — в долгосрочной перспективе — наличия государственной инфраструктуры; возможно, это некое объяснение того, почему Ирак, по-видимому, отодвигался от края пропасти³⁸.

38. Mary Kaldor, Terry Lynn Karl and Yahia Said (eds). *Oil Wars*.

Если война в Ираке была нефтяной войной, то войну в Афганистане можно описать как наркотическую войну. Основные источники финансирования этой войны — внешняя помощь и выращивание мака. Афганистан отвечает более чем за 90% выращиваемого в мире мака, в основном маковые поля сконцентрированы на юге и западе и располагаются в наиболее небезопасных районах³⁹. Локальные ячейки Талибана изначально задумывались как самофинансируемые. В одном районе (правда, он расположен на севере) о талибах говорят, что они получают приблизительно 30% своих доходов из Пакистана (деньги выделяются состоятельными донорами в Пакистане и странах Персидского залива), приблизительно еще треть — от *ушра* («налог», собранный с местных сообществ) и *закята* (пожертвований), а остальное — от контрабанды наркотиков⁴⁰. У всех формирований (полевых командиров, полиции и т. д.) криминальные источники финансирования, наряду с контрабандой наркотиков, включают в себя мародерство и разбой, контрабанду древесины и запрещенных к ввозу/вывозу драгоценных камней, торговлю людьми, похищение людей и захват заложников и, что существенно, «крышевание» строительной и транспортной отраслей.

Афганистан считается практически самой коррумпированной страной в мире. В Индексе восприятия коррупции Transparency International

39. URL: http://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afg_opium_survey_2010_exsum_web.pdf.

40. *Gustiozzi Antonio, Reuter Christof*. The insurgents of the Afghan north: The rise of the Taleban, the self-abandonment of the Afghan government and the effects of ISAF's «capture-and-kill» campaign // Afghan Analysts Network. April 2011.

за 2009 год Афганистан занимал 179 место из 180. Но все же «коррупция» — это едва ли правильное наименование, поскольку она системна и всепроникающа, поскольку она — единственный способ, которым люди могут выживать, и поскольку она глубоко укоренена в структурах государственной власти. Значительная часть тех денег, которые выделяются внешними донорами, идет в руки местных источников влияния, которые выступали в роли субподрядчиков коалиционных сил. Местная полиция зачастую занимается нелегальной деятельностью либо активно ей потворствует, опасаясь последствий в случае своего сопротивления. Мэтью Эйкинс написал серию статей о полковнике Абдуле Разике, лидере племенного ополчения и пограничных полицейских сил, в зоне ответственности которых находится Кандагар и Гильменд, где растет 80% мака. Согласно Эйкинсу, на контрабанде наркотиков Разик делает примерно 5–6 миллионов долларов в год. Во время выборов 2009 года, когда Карзай победил посредством массовых подтасовок, Разик лично забрал урны для голосования на хранение и обеспечил Карзаю 99% голосов. Людей типа Разика назначают коррумпированные губернаторы, которым зачастую благоволит ЦРУ, вот почему западные силы ассоциируются часто с всепроникающей преступностью и злоупотреблениями. Генерал Вэнс, в то время канадский командующий МССБ в регионе, говорил Эйкинсу:

Мы полностью осознаем, что на этом пограничном пункте ведется ряд запрещенных видов деятельности... Он проводит эффективные операции по обеспечению безопасности, чтобы гарантировать бесперебойное течение своей деловой жизни, и для этого поддерживает общественный порядок. В идеале все должно быть

наоборот. Трагедия Кандагара состоит в том, что такой образец добродетели едва ли можно найти⁴¹.

Иными словами, в обеих странах все участники конфликта занимаются привлечением финансовых средств, которое зависит от непрекращающегося насилия, будь то усилия по захвату власти и тем самым контролю над силами безопасности и основными источниками доходов (нефтяные доходы в Ираке, иностранная помощь в Афганистане) или же усилия по контролю над территорией, где имеет место нелегальная деятельность. Это хищническая политическая экономия, которая типична для новых войн и которая включает глобальные, национальные и локальные связи. В подобных обстоятельствах поведение, свойственное для старых войн (а именно сосредоточение на военном поражении врага), лишь помогает поддерживать это всеобщее предприятие и, более того, возможно, углубляет его.

Адаптация старой войны?

Согласно Томасу Риксу, «старая война» в Ираке завершилась 15 ноября 2005 года, когда отделение морских пехотинцев после подрыва на придорожном фугасе в Хадите начало убивать всех подряд, результатом чего стала смерть 24 иракцев, среди которых были и дети. Последовавший доклад генерал-майора Барджвелла установил, что убийства были произведены «без разбора» и что коман-

41. *Aikins Matthieu*. Letter from Kandahar: The Master of Spin Boldak: Undercover with Afghanistan's drug-trafficking border police // *Harpers Magazine*. December 2009.

диры этого соединения морской пехоты считают данный подход правильным. «Все уровни командования, как правило, рассматривали гражданские потери, даже если их было значительное число, как часть рутинного порядка»⁴². Это событие положило начало переосмыслению того военного подхода, который должен ассоциироваться с «Большой волной» в Ираке, а позднее в Афганистане.

10 января 2007 года президент Буш провозгласил новый план военных действий в Ираке, известный как «Большая волна». «Большая волна» в Ираке была связана не только с увеличением числа войск, это было глубокое изменение в стратегии и тактике, в основе которого лежал, говоря на военном жаргоне, «подход, ориентированный на безопасность населения» (*population-centric approach*). Изменение стратегии было связано с генералом Петреусом, который чуть позже принял командование многонациональными силами в Ираке. Помимо защиты собственных военнослужащих, оно делало упор на защиту гражданского населения и, помимо технологий и огневой мощи, на локальную безопасность, начиная с низового уровня.

Идеи и предложения по изменению стратегии исходили не только от генерала Петреуса. На тот момент они уже выплескивались наружу: об этом говорили офицеры среднего уровня с опытом действий в реальной боевой обстановке, так же как и интеллектуалы из министерства обороны и те, кого касались вопросы гражданского населения. Веб-сайты вроде *the Small Wars Journal* или солдатские блоги с места событий подтверждали это ко-

42. *Ricks Thomas E. The Gamble: General Petraeus and the Untold Story of the American Surge in Iraq 2006–2008. London: Allen Lane, 2009. P. 7.*

ренное изменение сознания. Эти идеи исходили не только от тех, кто был фрустрирован происшедшим в Ираке и Афганистане. Что-то пришло из опыта Центральной Америки (Панама, Гаити и Колумбия), а что-то — из опыта Балкан.

В Ираке элементы новой стратегии уже были испробованы полковником Макмастером в Талль-Афаре и полковником Шоном Макфарлейном в Рамади. Основное внимание было сконцентрировано на Багдаде, что также включало в себя создание совместных станций безопасности в ряде крупных городов, укомплектованных американскими и иракскими солдатами и иракскими полицейскими. В суннитских районах цель состояла в том, чтобы помешать инфильтрации шиитских ополчений. В шиитских же районах были созданы «закрытые поселения», по всему периметру оборудованные средствами безопасности (такими, как шлагбаумы, стены и контрольно-пропускные пункты) и имевшие защищенные от возможных суннитских террористических атак рынки, магазины и общественные места. Также предполагалось, что совместные станции безопасности обеспечат отчасти обучение иракских сил и будут гарантировать более качественное исполнение ими служебных обязанностей. К тому же присутствие иракцев могло бы помочь улучшить отношение американцев к иракским гражданским лицам. Указание Петреуса «жить среди людей» имело ключевую важность. Это не было делом только лишь более совершенного знания и понимания ситуации; также это привело к возникновению большего сочувствия и уважительного отношения к иракцам.

Вопреки этим мерам насилие не переставало интенсифицироваться вплоть до середины 2007 года. Снижение уровня насилия после июля 2007 года

было обусловлено двумя факторами. Одним стало «Пробуждение». Это был переход суннитских племен на другую сторону. Уже с 2005 года суннитские племена начали дистанцироваться от «Аль-Каиды». Причин для этого было много. Сунниты отказались от некоторых самых страшных тактик «Аль-Каиды», а еще им не нравилась версия ислама «Аль-Каиды». Они были против того метода, каким «Аль-Каида» просачивалась в их сообщества и, в частности, получала контроль над их источниками дохода. Рассказывают, что «Аль-Каида» убила некоего шейха за отказ отдать им в жены дочерей из своего рода. В 2005 году некоторые племена впервые обратились к американским морским пехотинцам, прося помощи в разгроме «Аль-Каиды», однако американские силы откликнулись на эти инициативы не ранее конца 2006 года. До этого усилия суннитских племен уже потерпели катастрофический провал и привели к безжалостной жестокости и запугиванию со стороны «Аль-Каиды». Первая совместная кампания была проведена в Рамади и заметно сказалась на безопасности. Шейх Саттар ар-Ришави, контрабандист и бандит с большой дороги из племени Дулайни, объединился с Фасалем аль-Гаудом, бывшим губернатором Анбара, чьи отряды «Хамза» состояли из выходцев из племени Альбу Махал, чтобы учредить Совет спасения провинции Анбар. После объединения сил с американцами Саттар был сделан «координатором борьбы с повстанцами», а племенные ополчения стали называться «отрядами чрезвычайного реагирования». (Несмотря на свои усилия, а может быть благодаря им, в сентябре 2007 года Саттар был убит.) Были созданы местные организации соседского дозора, которые начали давать информацию, охранять свои семьи и патрулировать улицы

вместе с армией и полицией, в их рядах преобладали шииты. Американцы платили им 360 долларов в месяц. Эту модель копировали по всему Ираку, используя эвфемизм «неравнодушные местные граждане»; сами эти ополчения предпочитали называться «сыны Ирака».

Другим фактором было объявление садристами о прекращении огня в августе 2007 года. Основания для этого были различны: этнические чистки в Багдаде фактически завершились, спад суннитского насилия ослабил легитимность садристов, его ополчения теряли дисциплину, действуя все автономнее, и их нужно было снова возвращать к повиновению, народ все хуже реагировал на тактику садристов. В основном приказы Муктады ас-Садра о прекращении огня выполнялись, и это привело к заметному снижению антисуннитского насилия.

Какую же роль во всем этом играла новая стратегия? В конце концов, по существу, сами иракцы добились спада насилия. Но не только: помогавшее снять «пелену страха» присутствие коалиционных сил на улицах Багдада, равно как и оказание базовых услуг; ответ на суннитские инициативы; тот факт, что присутствие коалиционных сил оттянуло огонь «Аль-Каиды» от шиитских поселений; готовность коалиционных сил действовать в качестве местных посредников — все это, пожалуй, и было тем, что сделало такое развитие событий возможным, создав условия, в которых оказалось возможным договариваться. Спад насилия был результатом локальных соглашений о прекращении огня, заключенных с почти 779 ополченческими отрядами, каждый из которых насчитывал от 10 до 800 мужчин. Вот как говорил об этом советник генерала Петреуса по борьбе с повстанцами Дэвид Килкаллен:

Изначальная концепция Плана совместной кампании была такова: мы (коалиция и иракское правительство) создадим безопасную обстановку, а это в свою очередь обеспечит пространство для «великой сделки» на общенациональном уровне. Вместо этого в 2007 году мы увидели прямо противоположное: серию локальных политических сделок, вытеснявших экстремистов, результатом чего стало серьезное улучшение безопасности на локальном уровне, а национальное правительство затем просто поддержало происходящее. Вместо примирения «сверху вниз» под руководством коалиции мы имеем процесс, который возглавляют иракцы, который идет «снизу вверх» и базируется не на национальной политике, а на гражданском обществе⁴³.

Тем не менее в течение этого периода генерал Петреус не переставал крушить тех, кого он называл «непримиримыми» (в основном «Аль-Каиду»). Хотя начиная с 2006–2007 годов насилие значительно сократилось, оно продолжает быть выше, чем в Афганистане, — как по причине нападений остатков «Аль-Каиды», так и по причине постоянных попыток дорваться до власти, особенно в предвыборный период.

Предполагалось, что подобный подход будет взят на вооружение в Афганистане. В августе 2009 года генерал Стэнли Маккристал, в то время командующий МССБ в Афганистане, выпустил обзорный доклад, предложив план объединенной военно-гражданской кампании. Этот план заходил еще дальше, чем стратегия Петреуса по борьбе с по-

43. *Kilcullen David. The Accidental Guerilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One. Oxford and New York: Oxford University Press, 2009. P. 182.*

встанцами в Ираке. План делал акцент на защите гражданских лиц, а не на нанесении поражения врагу и даже использовал термин «безопасность человека». Он охватывал такие вопросы, как создание постоянных рабочих мест, доступ к правосудию, государственному управлению и средствам сообщения, важность во всем этом самих афганцев. В качестве мер против «непримиримых» план предлагал изоляцию, а не прямую атаку⁴⁴. Также он делал значительный акцент на создании «центров накопления населения» или «закрытых поселков». В Вашингтоне доклад вызвал интенсивные споры по поводу выбора между подходом к борьбе с повстанцами, предлагавшемся Маккрystalом, или более узкой контртеррористической операцией, концентрирующейся на уничтожении и захвате, к которой склонялся вице-президент Байден. В декабре 2009 года президент Обама согласился с предложениями Маккрystalа, и численность войск была увеличена на 30 тысяч человек с той оговоркой, что выведение войск начнется в 2011 году.

На практике стратегия, проводимая Маккрystalом и его преемником генералом Петреусом, была гораздо более «кинетична», если пользоваться жаргоном, чем сам план. Одной из главных проблем стало то, что во главе стратегии стояли военные. То, что предлагал Маккрystal, требовало гораздо больших гражданских вложений в политическую, юридическую и направленную на развитие помощь. Через Государственный департамент США прошла лишь очень малая доля военно-экономи-

44. План объединенной военно-гражданской кампании по поддержке Афганистана правительства США, 10 августа 2009 г. URL: <http://www.comw.org/qdr/fulltext/0908eikenberryandmccrystal.pdf>.

ческих мер в Афганистане — и большая часть через министерство обороны. Кроме того, очень трудно перенастроить военный менталитет с уничтожения врагов и победоносного завершения кампании на защиту гражданского населения и государственное строительство, зато в США очень хорошо принимают цифры по уничтожению лидеров Талибана и «Аль-Каиды». Весь упор «Большой волны» был сделан на повышение числа наступательных операций против Талибана и на попытку создать нечто подобное «сынам Ирака», используя локальные инициативы по осуществлению полицейских функций, нередко срываемые местными вооруженными формированиями. Кажется, будто сторонники контртеррористической операции выиграли по умолчанию.

Сосредоточение внимания на враге означало непрерывные воздушные удары, часто с помощью беспилотных дронов Predator, по предполагаемым позициям талибов или «Аль-Каиды», особенно в Пакистане. Одним из самых значимых технологических изменений, появившимся в результате войн в Ираке и Афганистане, стало возросшее использование роботов. В момент вторжения в Ирак в вооруженных силах США не было роботов. К концу 2004 года их было 150, и дальше цифры росли: 2400 в 2005-м, 5000 в 2006-м и 12 000 в 2008 году⁴⁵. Роботы могут искать мины и взрывчатые вещества, значительно увеличивают возможности наблюдения и рекогносцировки, а также выполняют целевые атаки, позволяя американским солдатам избежать риска для жизни. Их типы варьируются от доро-

45. *Singer Peter. Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century. Washington, DC: Brookings Institution, 2009.*

гостящего Global Hawk, который может оставаться в воздухе 35 часов и заменить самолет-разведчик U-2, до небольшого Raven, который может быть запущен солдатом, как дротик, и держаться в воздухе 90 минут. По состоянию на 2011 год, у Пентагона имеется около 7 тысяч аэродронов и еще больше сухопутных роботов.

Дроны, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), или дистанционно пилотируемые аппараты (ДПА), как их все чаще называют, широко используются для идентификации и уничтожения мятежников и в Ираке, и в Афганистане. Именно так, например, был убит Абу Мусаб аз-Заркави. Наводка от иорданской разведки давала понять, что аз-Заркави все больше прислушивается к советам определенного духовного лица. Американские дроны следили за этим представителем духовенства 24 часа в сутки семь дней в неделю и в конце концов он привел их к загородному дому, где у него была встреча с аз-Заркави. «Загородный дом тогда был разнесен точечным воздушным ударом, наведенным благодаря дрону по лазерам и GPS-координатам»⁴⁶.

Многие американские политические деятели с восторгом воспринимают успех атак дронов Predator, уничтожающих лидеров «Аль-Каиды» в Пакистане, Йемене и Сомали. Predator — это очень легкий беспилотник, который может держаться в воздухе 24 часа, имеет две камеры и лазерный указатель для захвата целей. Они действуют с баз дронов в Неваде и других местах в США, а также в Пакистане и Афганистане. Генерал Томми Фрэнкс отзывался о Predator словами «мой самый чуткий

46. Ibid. P. 223.

сенсор в охоте и уничтожении руководства „Аль-Каиды” и Талибана» и «[он] критически важен для нашей борьбы»⁴⁷.

Питер Сингер из Брукингского института, писавший о расширяющемся военном применении роботов, говорит, что роботы — это американский ответ на террористов-смертников. Они позволяют осуществлять гораздо более экономичные атаки. Роботам, подобно террористам-смертникам, не надо беспокоиться о том, что они подвергают свою жизнь опасности. А это уже ставит много этических вопросов относительно того, может ли война осуществляться в дистанционном режиме? Пусть даже это уже реальность и пусть даже Predator позволяет избежать потерь среди гражданских лиц (что еще не очевидно), все же моральный аспект дистанционного уничтожения врагов не только сомнителен, но и весьма проблематичен с политической точки зрения. Генерал Барно, бывший американский командующий в Афганистане, говорит, что «когда мы подобным образом атакуем среди ночи, пусть даже не убиваем ни одного гражданского, на нас смотрят как на трусов, которые бьют глухой ночью и издалека. Нам следовало бы заходить туда пешком вместе с афганскими старейшинами при свете дня и арестовывать их»⁴⁸. Свидетельство этой проблемы — текст одной популярной пакистанской песни, в которой поется о том, что США смотрят на пакистанцев как на насекомых.

В каком-то смысле войны в Ираке и Афганистане прошли полный цикл, и атаки дронов можно описывать в качестве самой последней фазы наукоемкой старой войны. Война против терроризма,

47. *Singer Peter. Wired for War...* P. 34.

48. Беседа с автором.

пусть даже она уже не носит это имя, по-видимому, сделала нормальным поведение, которое раньше считалось бы неэтичным или незаконным, например долговременные задержания подозреваемых в терроризме или дистанционные целевые убийства. В октябре 2011 года целью атаки дронов в Пакистане впервые оказался американский гражданин Анвар аль-Авлаки, и, по-видимому, это не вызвало никакого серьезного возмущения.

Чем эта новая версия старой войны отличается, например, от Второй мировой войны, так это тем, что не требует жертв от американского народа. Ему не приходится платить дополнительные военные налоги; более того, эти войны сопровождались сокращением налогов. Также население не отправляют на войну по призыву, и — в отличие от сухопутной войны в Ираке и Афганистане — когда атакуют дроны, американцы не несут никаких потерь. Все, о чем просят американскую публику, это просто смотреть телевизор и аплодировать.

Была ли альтернатива? Есть ли она сейчас?

Из Ирака уже выведены все иностранные войска, за исключением американской учебной миссии; максимальное присутствие военнослужащих США достигало там 165 тысяч человек. В 2011 году президент Обама объявил о сокращении контингента в Афганистане на 30 тысяч человек и выводе войск к 2014 году. Конечным результатом вполне могла быть долгая война, в которой США продолжали бы бороться с терроризмом посредством дистанционных атак дронов без риска потерь, что в свою очередь спровоцировало бы усиленный набор в исла-

мистские вооруженные формирования, позволяя распространиться хищничеству и низкоуровневому насилию. Случайно одержанная яркая победа, вроде уничтожения Усамы бен Ладена, помогла поддерживать в силе американскую концепцию «Войны против терроризма».

На Западе идут большие споры о целях войны в Ираке, и в частности о правильности или неправильности этих целей. По большому счету все согласны, что целью войны в Афганистане было нанести поражение терроризму. В случае Ирака выступавшие за войну утверждали, что в ее цели входит избавиться от оружия массового поражения (ОМП), накопленного Ираком, нанести поражение терроризму или принести в Ирак демократию. Те, кто был против войны, утверждали, что это империалистическая война, замысел которой заключается в том, чтобы распространить американскую власть и, в частности, взять под контроль источники нефти.

Тезис, изложенный мной здесь, состоит в том, что техника «старой войны» была очень плохим способом достичь любой из этих целей. Более того, возможно, что результаты войны диаметрально расходятся со всеми этими целями. В Афганистане собрание 300 духовных лиц, призванных муллой Омаром после 11 сентября, чтобы задать им вопрос, должен ли он защитить своего гостя («Аль-Каиду»), пришло к заключению, что «поскольку гость не должен причинять своему хозяину проблем, бен Ладена надо попросить как можно скорее покинуть Афганистан по доброй воле»⁴⁹; тем не менее через два дня после этого начались воздушные на-

49. *Barfield Thomas*. Afghanistan. P. 269.

леты. И, на чем я уже останавливалась, война рекрутировала сотни, а может быть, тысячи еще более радикализировавшихся исламистов. В Ираке никто так и не смог найти никакого ОМП — не нашли там и каких-либо связей между Саддамом Хусейном и «Аль-Каидой». Как бы то ни было, с момента начала войны «Аль-Каида» совершила много атак, а группы «Аль-Каиды» присутствуют теперь в Ираке и «экспортируют» террористов. И Афганистан, и Ирак стали магнитами для джихадистского движения. Что касается демократии, «новая война» шаг за шагом разрушает какие бы то ни было надежды на то, что могло бы быть в обеих странах, потому что она способствовала формированию крайне узкорелигиозной политики в Ираке и хищнического, коррумпированного государственного управления в обеих странах. И если американской целью в Ираке было увеличить количество своих военных баз и обеспечить поставки нефти, то, конечно, сделка с Саддамом Хусейном была бы более легким и безопасным вариантом.

Мой же тезис, напротив, состоит в том, что целью этой войны была именно война. Ее замысел заключался в том, чтобы не дать заглухнуть идее старой войны, на которой базируется американская идентичность, чтобы показать, что старую войну можно обновить — и сравнительно безболезненно — в XXI столетии. Я не хочу намекать на то, что это была циничная манипуляция, напротив, консерваторы в администрации Буша, вероятно, верили в американскую мощь и свою миссию по распространению американской идеи. Моя основная мысль скорее в том, что они угодили в ловушку идеологии их собственного изготовления, которая находит положительный отклик у американской общественности и усиливается американски-

ми СМИ. И можно точно сказать, что зеркальным отражением этой веры является подобная же вера среди некоторых слоев повстанческого движения, в особенности среди тех, кто охвачен идеей глобального джихада, идеей борьбы ислама против Запада.

Так была ли и есть ли сейчас некая альтернатива войне? Наиболее важная стратегия в выделенном мной типе новой войны, о чем я писала в предыдущей главе, — построение легитимной политической власти. Это столь же истинно в случае Афганистана и Ирака, как и в случаях других новых войн — и до, и после этих вторжений. Режим Саддама Хусейна был одним из самых беспощадных в мире — миллионы погибли вследствие его маниакальных иностранных авантюр, при подавлении восстаний на севере и юге и от чисток и репрессий, а также от экономической разрухи. Режим Талибана был не менее беспощадным, особенно в том, что касается его строгих религиозных запретов и его обращения с женщинами. В обеих странах было много моментов, когда сочетание внешнего давления и поддержки тех, кто находится внутри каждой страны, могло бы стать вкладом в постепенный процесс формирования открытости. Трагедия, особенно в Ираке, состоит в том, что страна вполне могла бы первой иметь свою Арабскую весну, не случись это вторжение и война.

В результате вторжений также были моменты, когда имелись подлинные шансы создать легитимные правительства. В Ираке проблема состояла в расчете на экспатриантов, роспуске армии и партии «Баас» и поглощенности узкорелигиозной политикой. В Афганистане проблема заключалась во включении в состав правительства Карзая командиров, прежде уже разбитых талибами и полностью дискредитированных. Крупнейшей неудачей

в обеих странах стало отсутствие должного внимания к суждениям и рекомендациям представителей гражданского общества — не только лишь НПО, которые зачастую финансируются извне, но и целого ряда местных жителей, женских групп, студенческих групп, племенных старейшин и др. В обеих странах рядовые жители чувствовали себя маргинализированными, чувствовали, что на них не обращают внимания, так как в качестве основных собеседников для внешних участников были избраны люди с оружием. И в обеих же странах, благодаря мобилизации сторонников нерелигиозного националистического мировоззрения, могла бы развиться некая космополитическая форма политики.

Даже сегодня можно было бы исправить некоторые из этих ошибок. В Афганистане, например, реальные усилия по аресту лиц, вовлеченных в коррупционные практики, у многих из которых есть американский паспорт, или осуждение мошеннических избирательных практик было бы способом избавиться от командиров-хищников и могло бы помочь обеспечить более пригодную среду для возникновения демократии. Кроме того, в обеих странах существуют «островки цивилизованности». Повышенное внимание к этим островкам, в противоположность нанесению поражения врагам, могло бы помочь распространению цивилизованных порядков взамен хищничества.

Легитимная политическая власть зависит от безопасности. В обеих странах и силам извне, и новообразованным национальным силам безопасности необходимо понять свою роль с точки зрения того феномена, который я назвала «космополитическим обеспечением правопорядка», как того, что противоположно военным действиям. Меры по такому обеспечению должны применяться способом,

отличным как от классических военных действий, так и от классических операций по поддержанию мира. В новых войнах каждая сторона нарушает законы войны и законы о правах человека. Задача легитимных сил безопасности состоит в том, чтобы защищать людей, обеспечивать общественную безопасность ради запуска политического процесса и действовать в поддержку верховенства права. Для выполнения этой роли нужны силы, включающие в себя солдат, полицию и гражданских лиц, силы, способные брать на себя различные виды гуманитарной и юридической деятельности⁵⁰. Также необходимо наличие гораздо большего внимания к механизмам правосудия вообще и переходного правосудия в частности.

И наконец, должна быть, конечно, экономическая стратегия. Приоритетом здесь является создание легитимных автономных способов, благодаря которым отдельные люди и целые семьи смогут обеспечить свое существование; с одной стороны, это станет основой для расширения демократических прав и возможностей (*democratic empowerment*), с другой — так перед людьми откроется материальная альтернатива как преступности, так и коллаборационизму (с правительством ли до вторжения или с мятежниками сейчас). Также решающее значение имеет развитие прозрачных и справедливых процедур для распределения нефтяных доходов в Ираке. В Афганистане же необходимо развивать легитимные альтернативы наркоэкономике, возможно, через легализацию наркотиков.

50. Подробное обсуждение того, что это могло бы подразумевать, см. в: *A Human Security Doctrine for Europe: The Barcelona Report of the Study Group on European Security Capabilities*. 15 September 2004.

В сложившемся положении тяжело быть оптимистом. Многие иракцы расценивают текущую ситуацию как более неблагоприятную, чем при Саддаме. В Афганистане продолжается эскалация мятежа и многие боятся, что после ухода американцев произойдет возврат к гражданской войне. Война против гражданского населения в Сирии и растущая конфронтация между Израилем и Ираном угрожает новой войной в регионе, и Ирак по-прежнему разрывается на части. Финансовый кризис и военные неудачи уменьшили у внешних участников склонность и заинтересованность в оказании какой бы то ни было помощи, даже той ее космополитической разновидности, которую я здесь предложила. Интровертированная политика США, по всей видимости, означает, что новая форма дистанционной войны продолжит рассматриваться как актуальная перспектива. Наверное, наиболее обнадеживающее развитие событий — это Арабская весна и тот воодушевляющий способ вернуть себе достоинство, который реализуют протестующие на площади Тахрир и в других местах, несмотря на попытки репрессивных режимов остановить их. Пример площади Тахрир отзывается и в таких местах, как Афганистан и Ирак. Возможно ли, что другие международные участники, такие как ООН или Европейский союз, смогут откликнуться на запросы гражданского общества и предложить альтернативу глобальной новой войне, близкую к тому, что я здесь обрисовала?

8. Управление, легитимность и безопасность

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ авторы конца XVIII–XIX веков имели телеологическое видение истории. Они верили, что ареал цивилизованности с неотвратимостью расширится во времени и пространстве. В своей книге «Размышления о насилии»¹ Джон Кин сопоставляет их оптимизм и пессимизм авторов XX века, таких как Зигмунт Бауман или Норберт Элиас, которые считали, что варварство — это неизбежное сопутствующее обстоятельство цивилизованности. С точки зрения этих авторов, насилие — часть человеческой природы. Цена того, что государству позволено монополизировать насилие, — ужасное варварство войн XX века и тоталитаризм.

С концом холодной войны, возможно, закончилось время этатистского варварства такого масштаба. Несомненно, угроза войны в новоевропейском смысле, и в частности ядерной войны — абсолютное выражение варварства XX века, — на данный момент отступила. Значит ли это, что насилие уже нельзя контролировать, что новый тип войны, описанный в предыдущих главах, это, скорее всего, всепроникающая, актуальная на данный момент характеристика постсовременного мира? Сегодня следствием этого тезиса является то, что уже невозможно

1. *Keane John*. Reflections on Violence. London: Verso, 1996.

удержать войну в географических рамках. Мирные зоны и районы военных действий существуют бок о бок на одной и той же территории. Описанные мной признаки новых войн — политика идентичности, децентрализация насилия, глобализированная военная экономика — в большей или меньшей степени можно обнаружить по всему миру. Более того, благодаря транснациональным криминальным сетям, основывающимся на идентичности сетям диаспоры, взрывному росту числа беженцев и людей, ищущих прибежища, равно как и благодаря глобальным СМИ, количество этих признаков имеют тенденцию увеличиваться. Террористические атаки в Нью-Йорке, Мадриде, Лондоне и других крупных городах, конфликты в таких местах, как Босния и Сомали, мексиканские нарковойны и даже виртуальные войны в старом стиле, ведущиеся посредством нанесения воздушных ударов, — все это является манифестацией новых типов организованного насилия.

Но если новые войны невозможно удержать в территориальных рамках, можно ли наметить возможные способы их политического сдерживания? Глобализация, в конце концов, это процесс, включающий не только фрагментацию и эксклюзивизм, но в равной мере интеграцию и включенность. Бок о бок с политикой партикуляризма возникает новая космополитическая политика, основывающаяся на таких целях, как мир, права человека или энвайронментализм. Неужели правы пессимисты? Неужели насилие внутренне присуще человеческому обществу? Или новая космополитическая политика могла бы являться основой для восстановления легитимности как на локальном, так и глобальном уровне? Можем ли мы помыслить мир, в котором насилие контролируется в транснациональном мас-

штабе, в котором глобальные или транснациональные институты возвращают себе монополию на легитимное насилие и в котором злоупотребление властью со стороны тех же самых институтов может сдерживаться бдительным и активным космополитическим сообществом граждан?

В послевоенный период военная мощь, о чем я говорила во второй главе, была в значительной степени транснационализована. Закрепление контуров альянсов в Европе и создание интегрированных систем командования вкупе с глобальной сетью военных связей посредством военной помощи, торговли оружием и военного обучения, в сущности, предполагало, что большинство стран, кроме сверхдержав, не рассчитывают на односторонний потенциал для ведения войн. Хотя по итогам холодной войны произошла некоторая ренационализация вооруженных сил, также в действие был введен целый ряд новых механизмов — многонациональные операции по поддержанию мира, соглашения по ограничению вооружений, включающие взаимные инспекционные группы, совместные учения, новые или возобновленные организации, такие как Западноевропейский союз (ЗЕС), «Партнерство ради мира», Координационный совет НАТО (КС НАТО), — механизмов, из которых складывается процесс интенсивной транснационализации в военной сфере. Провозглашение «Войны против терроризма» могло бы считаться неким повторным подтверждением суверенитета, однако в Афганистане и Ираке США открывают для себя то, насколько трудно действовать в одностороннем порядке. Во время холодной войны границы насилия отодвинулись к краям двух блоков; иначе говоря, умиротворение достигалось посредством системы блоков. Вопрос в том, сможет ли эта транснациональная агломе-

рация военной мощи привести к глобальному умиротворению. Можем ли мы помыслить умиротворение без границ?

Здесь нет самоочевидного ответа. В каждую эпоху существуют сложные отношения между процессами государственного управления (то, как устраиваются дела человеческие), легитимностью (на чем основывается власть управлять) и формами обеспечения безопасности (то, как контролируется организованное насилие). С одной стороны, способность поддерживать порядок, защищать людей в физическом смысле, обеспечивать безопасную основу для административных механизмов, гарантировать верховенство права и защищать территорию от внешнего врага — все это первичные функции политических институтов, из которых проистекает их легитимность. Кроме того, характер этих институтов определяется в основном тем, каким образом осуществляются эти функции, и тем, каким аспектам безопасности уделяется первоочередное внимание. С другой стороны, невозможно обеспечить безопасность (в вышеуказанном смысле) без какой-то подспудно существующей легитимности. Должен быть какой-то механизм, будь то религиозное предписание, идеологический фанатизм или демократическое согласие, объясняющий, почему люди подчиняются правилам, и в частности почему носители организованного насилия (например, солдаты или полицейские) выполняют приказы.

Во второй главе я описала то, каким образом эволюция нововременной (старой) войны была связана с возникновением европейского национально-го государства, в котором внутреннее умиротворение было сопряжено с экстернализацией насилия и формированием легитимности на основе понятий патриотизма, встроенных в действительный

опыт войны. Термин «национальная безопасность» был по большей части синонимичен защите национальных границ от внешних врагов. В послевоенный период различие внутреннего/внешнего распространилось на границы блоков, а идеологические идентичности — понятия свободы и/или социализма, — вынесенные из опыта Второй мировой войны, заместили, но не вытеснили полностью национальные идентичности в качестве основы блоковой легитимности. Блоковая безопасность подразумевала также и защиту блоков от внешней опасности.

Сегодня существует большая неопределенность относительно будущих моделей государственного управления и направления политики безопасности. Финансовый кризис, особенно в Европе, и растущая волна протестов по всему миру обусловлены отсутствием доверия к формальным политическим институтам. Разумеется, многие страны внедряют новые подходы к безопасности для решения проблемы того, что известно как нетрадиционные угрозы, например терроризм или организованная преступность. НАТО делает упор на то, что известно как комплексный подход, Пентагон ведет дебаты о борьбе с повстанцами и безопасности населения как противоположности контртеррористической операции. Однако потенциал обеспечения безопасности до сих пор представлен в основном обычной военной силой. Кроме того, национальную монополию на легитимное организованное насилие «сверху» разъедает транснационализация вооруженных сил. «Снизу» же ее разъедает приватизация организованного насилия, характерная для новых войн. Каковы же условия, в рамках которых существующие или новые институты обеспечения безопасности смогут ликвидировать или маргинализировать

приватизированные формы насилия и восстановить доверие к институтам?

Мой довод состоит в том, что это зависит от политического выбора, а также от того, как мы анализируем природу современного насилия и какую концепцию безопасности принимаем. Традиционная политология, укорененная в опыте XIX и XX веков, способна предсказать лишь некий новый вариант прошлого либо — в ином случае — погружение в хаос. Именно потому, что господствующее течение политологической мысли было обращено к существующей системе государственного управления, обеспечивая ту или иную форму оправдания или легитимации этой системы и в то же время основу для предоставления рекомендаций о том, как действовать внутри этой системы, оно порождает некую разновидность фатализма или детерминизма в отношении будущего. Напротив, критический или нормативный подходы к политологии учитывают влияние человеческого фактора. Они основываются на том допущении, что люди сами творят собственную историю и могут выбирать свое будущее, по крайней мере в каких-то определенных рамках, которые можно анализировать.

Ниже я обрисую некоторые возможные способы мыслить о безопасности, которые проистекают из конкурирующих политических образов будущего, в основе которых лежат те или иные представления о природе современного насилия. Одним из этих образов является восстановление мирового порядка на основе реконструкции некоей разновидности блоковой системы, в которой расхождения на основе идеологии замещаются расхождениями на основе идентичности. Этот подход отталкивается от реалистичных представлений о международных отношениях, где главными участниками

выступают политические власти, привязанные к конкретной территории, а новые войны трактуются как некий вариант старых войн — как геополитические конфликты. Наиболее известный пример этого типа мышления можно найти в книге Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций», где он предлагает вариант блоковой системы на основе культурной идентичности (вместо идеологии)². Этот образ наиболее близок к тому, на чем остановилась администрация Буша, а возможно, и «Аль-Каида».

Второй образ будущего можно описать как неомедиевизм³ или как анархию, и он эксплуатирует постсовременное неприятие реализма⁴. Сторонники данного направления мысли признают, что новые войны нельзя понять, используя старые термины, но в то же время они не в состоянии выявить в новых войнах какую-либо логику. Они трактуются в смысле гоббсовской «войны всех против всех»⁵.

-
2. *Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996; Huntington Samuel P. The clash of civilizations // Foreign Affairs. Summer 1993. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.*
 3. Тезис о неомедиевизме обычно приписывают Умберто Эко (*Travels in Hyperreality. London: Picador, 1987*). Описание см. в: *Smart Barry. Postmodernity. London: Routledge, 1996*. Его следует отличать от «нового медиевизма» Хедли Булла, который подразумевал идею перекрывающихся друг на друга политических суверенитетов и близок к концепции космополитического управления. *Bull Hedley. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. London: Macmillan, 1977.*
 4. *Kaplan Robert D. The coming anarch.; Kaplan Robert D. The Ends of the Earth: A Journey at the Dawn of the 21st Century. London: Papermac, 1997.*
 5. Согласно Мартину ван Кревельду, «по правде говоря, то, с чем мы здесь имеем дело, не является ни войной низкой ин-

Этот образ является, по сути, отчаянным средством выйти из положения, признанием нашей неспособности анализировать глобальные события. Наконец, третий образ будущего основывается на более нормативном подходе, отталкиваемом от того тезиса, который был высказан в защиту космополитизма в предыдущей главе.

Столкновение цивилизаций

Концепция Хантингтона представляет собой вариант блоковой системы, где источником легитимности является культурная идентичность — приверженность тому, что он определяет как исторические цивилизации. Его книга привлекла так много внимания, потому что выразила то, что, как многие уверены, существует в виде невысказанных убеждений части политического истеблишмента, в частности тех кругов, чьи средства к существованию зависели от холодной войны. Это была некая попытка заново внести комфортную определенность биполярного мира и сконструировать новую угрозу, заменяющую коммунизм. Наверное, можно сказать, что «Война против терроризма» представляет собой некий прообраз подхода Хантингтона. Исламский терроризм сравнивается с тоталитарными учениями фашизма и коммунизма⁶. Демократическому, либеральному и, как подразумевается,

тенсивности, ни какой-то „ненастоящей“ войной. Это скорее „warre“ в простейшем, гоббсовском смысле, наиболее важная форма вооруженного конфликта в наше время». *Van Creveld Martin. The Transformation of War; Ван Крепельд М. Трансформация войны. С. 49.*

6. Подробное раскрытие этого аргумента см.: *Berman Paul. Terror and Liberalism. London: Norton, 2003.*

христианскому Западу приходится оказывать этому учению военное сопротивление точно так же, как он противостоял фашизму и коммунизму во Второй мировой и холодной войнах, в постоянной конфронтации, которая, согласно Дональду Рамсфелду, возможно, продлится 50 лет. Тем, что «Войну против терроризма» поставили в один ряд с холодной войной, разношерстная банда фанатиков, преступников и потерянных молодых мужчин, известная как «Аль-Каида», была возведена в ранг грозного врага вроде Германии или Советского Союза.

Хантингтон полагает, что мы вступаем в мультицивилизационный мир, в котором связующим механизмом для обществ и групп государств будет культура, а не идеология. Как указали многие критики, Хантингтон довольно невнятно объясняет, что имеется в виду под культурой, хотя очевидно, что ключевым определяющим элементом для него является религия. Итак, Запад — это христианство, но исключительно только католицизм и протестантство. Он непреклонен в том вопросе, что Турции нельзя позволить присоединиться к ЕС, поскольку это мусульманская страна, и считает ошибкой членство Греции, православной страны; согласно Хантингтону, Греция определенно не входит в состав западной цивилизации. Очевидно также, что для него ключевыми гарантами цивилизаций являются государства. Он подчеркивает роль «стержневых государств», например, США — для Запада и Китая — для Азии.

Он определяет шесть или семь цивилизаций (синская, японская, индуистская, исламская, западная, латиноамериканская и, возможно, африканская). Однако господствующее расхождение, которое придает облик глобальному порядку, про-

легает, по его мнению, между Западом и исламом либо между Западом и Азией. Ислам рассматривается как угроза по причине роста населения и того, что Хантингтон считает мусульманской «предрасположенностью к насилию». Азия рассматривается как угроза по причине быстрого экономического роста, ставшего возможным благодаря тому, что Хантингтон называет «бамбуковой сетью» этнических китайцев. С точки зрения Хантингтона, Запад — это американские политические убеждения плюс западная культура. Он придерживается того взгляда, что западная культура гибнет и обязана защищать себя от чуждых культур; в частности США и Европа обязаны сплотиться, как это было в период холодной войны.

Главным источником насилия предстает то, что Хантингтон называет «войнами по линии разлома». Он полагает, что межобщинные конфликты являются данностью современного мира; иными словами, в отношении новых конфликтов он принимает примордиалистскую концепцию. Согласно Хантингтону, масштаб этих конфликтов растет отчасти по причине коллапса коммунизма, а отчасти из-за демографических изменений. (По его мнению, война в Боснии была главным образом следствием более высокого уровня рождаемости у мусульман.) Когда в межобщинные конфликты вовлекаются разные цивилизации (как в Боснии и Герцеговине), они становятся войнами по линии разлома, вызывая к жизни то, что он называет «синдромом родственных стран». Соответственно этому, Россия оказалась участницей боснийского конфликта на сербской стороне, Германия — на хорватской, а исламские государства — на боснийской. (Его немного сбивает с толку поддержка Боснии Соединенными Штатами, что не вполне соответствует его

концепции, однако это можно объяснить ложным влиянием унаследованной универсализирующей политической идеологии.) Иными словами, новые войны должны считаться частью доминирующего цивилизационного столкновения, а сверхдержавы-патроны должны быть заново созданы на основе культурной общности, а не идеологии.

Хантингтон весьма критичен в отношении глобальной универсализирующей миссии, изображая себя культурным релятивистом, и в то же время он глубоко оппозиционен к мультикультурализму. Он полагает (ссылаясь на крайнее напряжение американских вооруженных сил на момент войны в Заливе), что у США больше нет потенциала для того, чтобы действовать в качестве глобальной державы, и что их задача состоит в защите западной цивилизации в мультицивилизационном мире. Кроме того, он считает, что права человека и индивидуализм — это чисто западные феномены и мы не имеем права навязывать западные политические ценности обществам, которым это чуждо. В то же время он полагает, что у США существует задача сбережения западной культуры внутри самой страны. Соответственно, он мыслит некую разновидность глобального апартеида, при котором относительно гомогенные цивилизации, сплоченные «сверху» стержневыми государствами, становятся взаимными стражами международного порядка, путем взаимной конфронтации помогая друг другу сберечь чистоту соответствующих цивилизаций. Иными словами, он предлагает некую форму блоковой политической мобилизации на основе эксклюзивной идентичности: «В более масштабном столкновении, глобальном „настоящем столкновении“ между Цивилизацией и варварством, великие мировые цивилизации... должны держаться вместе,

или же они погибнут поодиночке. В нарождающейся эпохе столкновения цивилизаций представляют величайшую угрозу миру во всем мире, и международный порядок, основанный на цивилизациях, — самая надежная мера предупреждения мировой войны»⁷.

Большую проблему для Хантингтона представляет тот факт, что в мусульманском мире нет стержневого государства, способного следить за порядком. Как США нуждались в Советском Союзе, чтобы поддерживать биполярный порядок времен холодной войны, так и сценарий Хантингтона требует некоего стабильного врага. Отсутствие стержневого мусульманского государства — это не просто проблема данного тезиса: оно обуславливает хрупкость всей теоретической системы в целом. Для Хантингтона этой системой, как всегда, является геополитика. Согласно его системе, монополию на легитимное организованное насилие сохраняют за собой государства. Цивилизационная безопасность обеспечивается стержневыми государствами и в свою очередь, по крайней мере имплицитно, дает основание для легитимности цивилизационных блоков. Однако реалистичны ли эти представления?

Хантингтон не задается вопросом, почему рухнул Советский Союз или каковы те факторы, которыми характеризуется текущий переходный период. Например, Арабская весна и страстная приверженность идее ненасильственных действий были бы необъяснимы в рамках его концептуальной системы. Такие слова, как «глобализация» или «гражданское общество», просто не входят

7. *Huntington Samuel P.* The Clash of Civilizations. P. 321. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 532.

в словарь Хантингтона. С его точки зрения, история связана с изменяющимися государственными отношениями. Государственные образования можно моделировать, абсолютно не принимая во внимание изменение отношений между государством и обществом. Для объяснения конкретных феноменов (например, рост фундаментализма или сила Китая) приводятся такие, по-видимому, случайные события, как рост населения или урбанизация. Однако здесь не ставится вопрос о сути государственного управления, о том, как меняется характер политических институтов, и дается мало объяснений тому, как от сегодняшней неопределенности мир переходит к новому цивилизационному порядку. Предполагается, что способом обеспечения порядка является защита территории цивилизаций, однако это предположение игнорирует сложность форм насилия, которое не считается ни внутренним и ни внешним, ни публичным и ни частным.

Данная проблема стала явной в войнах в Афганистане и Ираке. «Аль-Каида» — это не государство, а Ирак и Афганистан не были могучими военными врагами, напротив, как стало видно впоследствии, оба эти государства были на краю несостоятельности. Поражения Талибана или Саддама Хусейна не означали поражения «Аль-Каиды». Напротив, доктрина «Аль-Каиды» черпает силу из понятия о постоянном цивилизационном конфликте, даже несмотря на уничтожение лагерей подготовки и ликвидацию или пленение некоторых ее ключевых лидеров. Нестабильность в Афганистане и особенно в Ираке создает благоприятную среду для терроризма, тем самым подрывая понятие цивилизационного порядка. Более того, коль скоро «Война против терроризма» потеряла свое центральное

значение, то произошло это по политическим основаниям, в частности по причине ненасильственных протестов на площади Тахрир и в других местах — и произошло это вопреки, а не благодаря непрерывным военным кампаниям.

Грядущая анархия

В противоположность тезису Хантингтона, сила концепции приближающейся анархии состоит в том, что она не игнорирует разрыв с прошлым и разницу между старыми и новыми войнами. Яркий пример этого типа мышления — книга Роберта Каплана «Концы земли: Путешествие на заре XXI столетия». Это своего рода политические путевые заметки, содержащие захватывающие описания общественной жизни в том виде, в каком она сегодня существует в разных местах. Таким образом, его заключения проистекают из непосредственного опыта современной действительности. Каплан обращает внимание на эрозию государственной власти во многих уголках мира и на ту близорукость, которая вызвана государственно-центричным мировоззрением:

Что, если на самом деле в Африке не пятьдесят с чем-то государств, как сообщают карты? Что, если на континенте есть только шесть-семь или восемь настоящих государств? Или же, вместо государств, несколько сотен племенных образований? [...] Что, если территория, находящаяся во власти партизанских армий и городских мафий, — территория, никогда не отмечаемая на картах, — более значительна, чем та территория, о правах на которую заявляют многие признанные государства? Что, если Африка еще

дальше от Северной Америки и Европы, чем показывают карты?⁸

В Сьерра-Леоне он обнаруживает развал монополии на организованное насилие, ослабление различия между «армией и гражданским населением и между армией и бандами преступников»⁹. В Пакистане он находит некое «разлагающееся политическое образование, основывающееся в большей мере на преступной деятельности, чем на эффективных структурах государственной власти»¹⁰. В Иране он размышляет о новом типе экономики, в основе которой лежит восточный базар. Путешествие дает ему широкие возможности описать растущий дефицит ресурсов, распространенную во многих местах деградацию окружающей среды, тяготы урбанизации и новые классы беспокойных, безработных молодых городских обитателей, привлеченных ответами религиозного фундаментализма на злободневные вопросы. Он говорит о глобальном неравенстве распределения богатства и о глобальной революции средств сообщения, которая сделала эти различия настолько зримыми. Он описывает рост НПО, называя их «международной армией будущего»¹¹. Он останавливается на влиянии современных технологий на традиционные общества, говоря, например, о радио, которое в Африке считают магией.

В своей статье в *Atlantic Monthly* Каплан впервые ввел выражение «грядущая анархия», чтобы изобразить мир, в котором разрушен гражданский по-

8. Kaplan Robert D. The Ends of the Earth. P. 6.

9. Ibid. P. 45.

10. Ibid. P. 329.

11. Ibid. P. 432.

рядок. В Западной Африке он был свидетелем возвращения к природе и гоббсовскому хаосу, что, как он полагает, предвосхищает будущее и других частей мира. Упомянув об Африке, Каплан рассказал журналисту ВВС в марте 1995 года следующее:

У вас в Лондоне и Вашингтоне много людей, которые летают по всему миру, останавливаются в роскошных отелях, которые считают, что английский повсюду является господствующим языком, но все же они и понятия не имеют о том, что вокруг них. А вокруг — та тонкая мембрана роскошных отелей, налаженного быта, гражданского порядка, которая чем дальше от их мира, тем все тоньше, и тоньше, и тоньше¹².

В его книге этот тезис отчасти видоизменен. Он находит островки цивилизованности и в Эритрее, в долине Риши в Индии, в трущобах Стамбула, где местные жители с успехом создают или сохраняют новые или традиционные формы самоуправления. Он не уверен, смогут ли эти сравнительно обособленные примеры стать образцами для других регионов, полагая, что их успех в основном зависит от того, унаследованы ли там определенные традиции заботы об общественном благе, от того, присутствуют ли они местной культуре. Он продолжает:

Карта мира уже никогда не будет статичной. Будущая карта — в определенном смысле «последняя карта» — будет постоянно видоизменяющейся репрезентацией картографического хаоса, в каких-то районах благоприятного или даже продуктивного, а в каких-то насильственного. Поскольку карта все время будет меняться, ее

12. Цит. по: *Keen David. Organized chaos: not the new world we ordered*//World Today. January 1996.

можно будет обновлять, как сообщения о погоде, и ежедневно передавать через Интернет в те места, где есть надежное электроснабжение или собственные генераторы. К этой карте будут все меньше и меньше применяться те правила, которыми дипломаты и другие политические элиты вот уже несколько веков упорядочивают мир. Решения главным образом будут исходить изнутри самих культур, подверженных действию этих решений¹³.

Тезис Каплана по существу детерминистский. Несмотря на то что он справедливо игнорирует геополитические решения хантингтоновского типа, отталкивающиеся от государствоцентричных допущений прошлых времен, имплицитно он разделяет гипотезу Хантингтона о том, что перспективы иметь государственное управление зависят от эссенциалистских допущений в отношении культуры. Поскольку он свидетельствует о коллапсирующих государствах и не мыслит альтернативных форм власти на глобальном уровне, то в его сценарии ничего не говорится ни о безопасности, ни о легитимности, кроме как в отдельных произвольных случаях. Как и Хантингтон, Каплан оплакивает ушедшие времена холодной войны, говоря, что в будущем мы, возможно, увидим в ней интерлюдия между насилием и хаосом, наподобие золотого века афинской демократии. Свою книгу он заканчивает, признаваясь в беспомощности:

Весь мой опыт говорит о том, что у нас нет некоего генерального решения этих проблем. Мы здесь ничего не контролируем. Общества становятся все более многолюдными и сложными, а по-

13. *Kaplan Robert D. The Ends of the Earth. P. 337.*

этому идея того, что глобальная элита вроде ООН сможет проектировать действительность «сверху», не менее абсурдна, чем идея того, что благодаря политической «науке» хоть какие-то из этих проблем могут быть решены научным путем¹⁴.

Космополитическое управление

В противоположность упомянутым выше подходам, проект космополитического управления (*cosmopolitan governance*), или, как называет его Ричард Фальк¹⁵, «гуманного управления» (*human governance*), порывает с предпосылкой политических образований, привязанных к конкретной территории. Это такой проект, который исходит из гуманистической универсалистской перспективы и который преодолевает размежевание глобального и локального. Как я писала в шестой главе, в его основе лежит альянс между островками цивилизованности, упоминаемыми Капланом, и транснациональными институтами. Здесь не существует границ в территориальном смысле. Но есть политические границы — между теми, кто поддерживает космополитические гражданские ценности, выступает за открытость, толерантность и гражданское участие, с одной стороны, и теми, кто связан партикуляристскими, эксклюзивистскими, зачастую коллективистскими политическими позициями, с другой. В XIX веке в международной политике доминирующими расхождениями были расхождения национальные, связанные с территориальным определением нации. В XX веке их сменили идеологические расхождения

14. Ibid. P. 436.

15. *Falk Richard*. On Humane Governance. Cambridge: Polity, 1995.

между левыми и правыми или между демократией/капитализмом и социализмом, и они также оказались привязаны к территории. Расхождение между космополитизмом и партикуляризмом не определимо в территориальных терминах, даже несмотря на то, что каждый отдельный партикуляризм заявляет свои собственные территориальные претензии.

Это не проект, предназначенный для некоего единого мирового правительства. Кантианское понятие о праве гражданина мира основывалось на предпосылке федерации суверенных государств: право гражданина мира было, в сущности, набором правил, одобряемых всеми членами федерации. По сути, здесь предлагается некая форма «глобального присмотра» (*global overwatch*). Можно представить ряд политических образований, привязанных к конкретной территории, от муниципалитетов и национальных государств до континентальных организаций, которые действуют в рамках набора общепринятых правил и в соответствии с определенными стандартами международного поведения. Рабочая задача международных институтов заключается в том, чтобы гарантировать выполнение этих правил, в частности во всем, что касается прав человека и гуманитарного права. Подобно тому как все больше признается вмешательство государственных властей в семейные дела для прекращения домашнего насилия, точно так же похожий принцип получил бы применение и в глобальном масштабе.

В каких-то смыслах космополитический режим уже существует¹⁶. Транснациональные НПО ведут мониторинг и привлекают общественное внимание

16. *Beetham David*. Human rights as a model for cosmopolitan democracy // *Daniele Archibugi and David Held* (eds). *Reimag-*

к преступлениям против прав человека, к геноциду и другим военным преступлениям, и международные институты тем или иным образом реагируют на это. Чего до сих пор недостает, так это контроля за выполнением. Собственно, мой тезис состоит в том, что космополитический режим должен быть подкреплён некоторой формой правоприменения, что подробно разбиралось в шестой главе. Действительно, это заполнило бы вакуум безопасности и повысило бы легитимность международных институтов, позволяя им мобилизовать общественную поддержку и действовать также и в других областях: например, связанных с проблемами окружающей среды или бедности. Конечно, международным институтам понадобилось бы повысить степень их подотчётности и прозрачности и выработать демократические процедуры для санкционирования применения легитимной силы. Недавние предложения о реформировании ООН, включающие одобрение программы «Обязанность защищать», создание постоянных полицейских сил и комиссии по миростроительству, одобренные на саммите ООН в 2005 году, это первые робкие шаги в данном направлении. Таким же шагом является учреждение Международного уголовного суда. Конечно, все эти институты часто принимают решения в пользу доминирующих государств и справедливо обвиняются в двойных стандартах, однако же само их существование даёт шансы на возникновение альтернативных подходов. Суть здесь, конечно же, в том, что подобно тому, как развитие новоевропейского государства сопровождалось симбиотическим процессом, благодаря которому изменялись представления о войне, ад-

ining Political Community: Studies in Cosmopolitan Democracy. Cambridge: Polity, 1998.

министративные структуры и легитимность, точно так же благодаря подобному, хотя еще явно хрупкому, процессу, подразумевающему рост административной ответственности за укрепление космополитических норм, уже идет развитие космополитического управления и, более того, демократии.

Каковы же следствия данного подхода с точки зрения дебатов о европейской безопасности? Любая структура безопасности должна быть инклюзивной, а не эксклюзивной. Структура «с границами» — это структура, которая имплицитно делает акцент не на космополитическом правоприменении, а на внешней защите от общего врага. При построении Европейского союза все время существовали противоречия между разными концепциями Европы. Одна концепция — это Европа как сверхдержава в процессе становления. Всегда существовал лагерь европеизма, который видит в этом проекте некий способ повернуть вспять упадок великих европейских держав. Многие европейские политики уже давно высказываются за общую оборонную политику, поскольку они уверены, что у Европы есть потенциал, чтобы стать сверхдержавой, соперничающей с США. Подобная политика выстраивала бы структуры обеспечения европейской безопасности по образцу тех же самых структур у государств-членов, только больше и лучше. Подобная концепция рисует себе перспективу усиления объединенных вооруженных сил ЕС в традиционном режиме обороны, так чтобы ЕС мог быть либо партнером, либо конкурентом США. Согласно этому подходу, главные угрозы для Европы, как и для США, представляют государства, обладающие оружием массового поражения и/или укрывающие террористов. Основные требуемые доктринальные изменения связаны с технологическим прогрессом — от войны как

«платформы» к войне как «сети»¹⁷. Однако внешняя оборона ЕС, или даже НАТО, не защитит страны ЕС от распространения новых войн, напротив, она будет рассматривать страны по ту сторону границы как потенциальных врагов. Страны победнее, с менее устоявшимися политическими институтами, возможно мусульманские и/или православные, были бы тогда назначены аутсайдерами. Маловероятно, что это создаст новый цивилизационный порядок по хантингтоновскому образцу. Наоборот, исключение скорее послужило бы вкладом в условия, порождающие этот новый тип военных действий, который с легкостью мог бы распространяться и стать почвой для терроризма.

Другой концепцией всегда была Европа как «проект поддержания мира». Это просвещенческая идея: многие из великих либеральных мыслителей (аббат Сен-Пьер, Иеремия Бентам и Кант) разрабатывали проекты вечного мира, которые по существу являлись предложениями по европейской интеграции. В этом же духе основатели того, чему суждено было стать Европейским союзом, непосредственно по итогам Второй мировой войны хотели пресечь возможность еще одной войны на европейской территории. В умах европейских граждан это по-прежнему сильный мотив: в опросе «Евробарометра» среди ответов на вопрос, что Европейский союз значит лично для них, «мир» упоминается на третьем месте, сразу после евро и свободы перемещения. Более того, 8% респондентов считают «поддержание мира и безопасности в Европе» приоритетной задачей ЕС. Также считается, что это самая эффек-

17. См.: European Defence: A Proposal for a White Paper Report of an Independent Task Force. Paris: European Union Institute for Strategic Studies, May 2004.

тивная политика для ЕС¹⁸. На планете, охваченной процессом глобализации, «проект поддержания мира» должен пониматься как процесс, а не как конечная цель. Для того чтобы этот процесс продолжался, уже должен воспроизводиться и наращивать свой масштаб процесс взаимного сближения сферы правоотношений и гражданского пространства. В сложившейся после холодной войны обстановке взаимозависимости проект поддержания мира может преуспеть только в том случае, если он будет проектом глобальным, а не только лишь европейским. Таким образом, данная концепция Европы благоприятствовала бы созданию европейского потенциала для космополитического правоприменения, будучи вкладом в глобальную безопасность¹⁹.

Преимуществом НАТО было то, что он стал тем инструментом, благодаря которому были транснационализованы вооруженные силы; он обеспечил основу для транснационального умиротворения. Вероятно, это наиболее весомая причина того, почему сейчас немыслима война между Францией и Германией. Недостатком же было то, что благодаря ему существовала перспектива войны блоков, и теперь у него появились большие трудности в адаптации доктрины к изменившейся обстановке безопасности. Космополитический подход к европейской и, более того, глобальной безопасности позволил бы примирить страны с потенциальным

18. European Commission, Eurobarometer 60: Public Opinion in the European Union, Autumn 2003. URL: http://europa.eu.int/comm/public_opinion/archives/eb/eb60/eb60_rapport_standard_en.pdf (2004).

19. A Human Security Doctrine for Europe: The Barcelona Report of the Study Group on Europe's Security Capabilities, Barcelona, September 2004. URL: <http://www.lse.ac.uk/Depts/global/Publications/HumanSecurityDoctrine.pdf>.

конфликтом интересов и в максимально возможной степени распространить процесс транснационализации вооруженных сил. Это могло бы происходить под эгидой ООН, равно как и региональных организаций, таких как ЕС, НАТО или Африканский союз. Здесь существенно не название организации, а то, как происходит концептуальное переосмысление задачи обеспечения безопасности. Космополитический подход к безопасности вбирает в себя политический и экономический подходы к безопасности, что отражено в шестой главе. Задача носителей легитимного организованного насилия под эгидой транснациональных институтов состоит не во внешней обороне, как это было с национальной или блоковой моделями безопасности, а в космополитическом правоприменении.

Заключение

В табл. 8.1 дается схематичное описание отношения между моделями управления (*patterns of governance*) и формами обеспечения безопасности и показывается, как это отношение варьировалось в зависимости от конкурирующих образов будущего, о которых я уже рассказывала.

Какой из последних трех сценариев — столкновение цивилизаций, грядущая анархия, космополитическое управление — реализуется в будущем? Предсказать это с какой-либо определенностью невозможно. Ответ зависит от итогов общественных дебатов, от эффективности институтов, от политического выбора, осуществляемого на различных уровнях общества и в разных частях мира (как показывают события войны в Афганистане); от перемен, происходящих сейчас на Ближнем Востоке,

НОВЫЕ И СТАРЫЕ ВОЙНЫ

ТАБЛИЦА 8.1. Модели управления

Модели управления	Политические институты	Источник легитимности	Режим обеспечения безопасности
Система суверенных государств	Национальные государства	Национальное строительство, патриотизм	Внешняя оборона, внутреннее умиротворение
Холодная война	Национальные государства, блоки, международные институты	Идеология — свобода или социализм	Ядерное устрашение, сплоченность блоков
Столкновение цивилизаций	Национальные государства, цивилизационные блоки	Культурная идентичность	Защита цивилизации в ее пределах и за границей
Грядущая анархия	Очаги центральной власти	Не существует	Укрепленные островки цивилизованности в океане всепроникающего насилия
Космополитическое управление	Транснациональные институты, национальные государства, местное самоуправление	Гуманизм	Конец современной войны, космополитическое правоприменение

и от того, можно ли добиться перехода к демократии в таких местах, как Ливия, Сирия или Йемен; от будущего кампании с использованием дронов или кампании против пиратства; от усилий по разрешению давних конфликтов в Израиле/Палестине или Кашмире; от будущего международных администраций в Боснии или Косове; от приверженности развитию в качестве альтернативы глобализи-

рованной военной экономике. Останется ли Босния по-прежнему поделенной на малые государства в хантингтоновском стиле, будет ли управляться международной администрацией или же в конце концов трансформируется в действующую демократию? Можно ли войну в Ираке интерпретировать в качестве примера анархии по Каплану или хантингтоновской цивилизационной войны? Исключает ли ошибка с применением программы «Обязанность защищать» в Ливии возможность альтернативного космополитического вмешательства, которое могло бы установить демократию и ввести принцип верховенства права? «Война против терроризма», прообраз хантингтоновских представлений о будущем, испытывает серьезные проблемы. Она так и не принесла ощущение безопасности ни на Ближний Восток, ни в Европу и США. И все же небезопасность не обязательно ведет к иному подходу. Возможно даже, что отсутствие безопасности будет способствовать формированию все более крайних позиций, толкая к новой войне в глобальном масштабе, когда политика идентичности, атаки против гражданского населения и теневая экономическая изнанка глобализации будут все вместе усиливать друг друга. Станет ли итогом некая форма анархии с единичными укрепленными островками цивилизованности? Или же космополитический подход сможет предложить путь преодоления пропасти между зонами военных действий и зонами цивилизованности — некую альтернативу «Войне против терроризма»?

Критики космополитического подхода могли бы сказать, что он являет собой даже более амбициозный модернистский/универсалистский проект, нежели прежние модернистские проекты (такие, как либерализм или социализм), а следовательно, со-

держит в себе тоталитарные притязания. Кроме того, учитывая секулярный характер этого концепта и его открытое неприятие любых форм коммунизма на основе идентичности, можно было бы утверждать, что этот концепт открыт для более суровых обвинений в утопизме и непоследовательности, чем прежние модернистские проекты. Я придерживаюсь того мнения, что общественную мораль надо подкреплять универсалистскими проектами, хотя эти проекты и подвержены периодическим изменениям в зависимости от обстоятельств — они всегда вызывают непреднамеренные последствия и их надо пересматривать. Именно поэтому они никогда не могут быть универсалистскими в практическом смысле, пусть даже они и выступают с универсалистскими претензиями. Значение таких проектов, как либерализм или социализм, либо подтверждается обстоятельствами (по крайней мере в течение какого-то времени), либо дискредитируется. Идея XVIII столетия о том, что природе имманентно присущ разум, подразумевала, что посредством опыта можно освоить рациональное (нравственное) поведение: в реальности существуют разные способы прожить жизнь (лучше или хуже), и тому, как прожить свою жизнь, можно научиться благодаря опыту (например, опыту счастливой или несчастливой семейной жизни или опыту войны и мира). Эти уроки никогда не выучиваются раз и навсегда, потому что реальность очень сложна и невозможно воспроизвести точный набор обстоятельств, в которых некая конкретная рациональность представляется работающей. Однако эти уроки можно осваивать на какое-то время и в близких обстоятельствах.

В нынешнюю рефлексивную эпоху космополитический проект по самой своей природе является пробным шагом. Мы живем в мире с постоянно со-

перничающими подходами, хотя характер и предпосылки разных подходов не перестают (и не перестанут) меняться. Быть может, в Афганистане не будет найдено никакого решения и Босния будет постоянно разделяться и находиться под международным протекторатом, однако вполне возможно, что войны в Ираке, Афганистане и Боснии еще какое-то время будут олицетворять начало нового нарратива — новой манеры рассказывать историю наших политических различий.

В текущих событиях оптимизм внушает устаревание нововременной войны. Возможно, что война, какой мы ее знали последние два столетия, уже стала, подобно рабству, анахронизмом. Возможно, что национальные армии, военно-морской флот и военно-воздушные силы не более чем ритуальные рудименты уходящего национального государства. «Вечный мир», как он представлялся Иммануилу Канту, глобализация цивилизованных порядков и развитие космополитических форм управления — все это реальные возможности. Пессимистичный же взгляд состоит в том, что войну, подобно рабству, всегда можно переизобрести. Способность формальных политических институтов, прежде всего национальных государств, регулировать насилие подверглась эрозии, и мы вступили в эпоху долговременного низкоуровневого неформального насилия, эпоху постсовременной войны. В этой книге я высказала мнение, что корректны и та и другая точки зрения. Нельзя считать, что в человеческой природе заложено либо варварство, либо цивилизованность. Научимся ли мы справляться с новыми войнами и сможем ли изменить курс в сторону более оптимистичного будущего, в конечном счете зависит от наших собственных действий.

Послесловие

ПРЕДЫДУЩИЕ издания этой книги, наряду с другими предшествовавшими и последовавшими работами, в которых были изложены варианты моего центрального тезиса¹, вызвали широкомасштабные дебаты о характере современного конфликта. В этой литературе использовался целый ряд других терминов — «войны среди людей» (wars among the people), «войны третьего рода» (wars of the third kind), «гибридные войны», «приватизированные войны», «постсовременные войны», — однако закрепился и стал главной мишенью критиков, по-видимому, именно термин «новые».

В этом послесловии я разберу четыре главных критических выпада:

- 1) являются ли новые войны «новыми»;
- 2) являются ли новые войны «войнами»;

1. См.: *Van Creveld Martin*. The Transformation of War; *Holsti Kalevi J.* The State, War and the State of War. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; *Snow Donald*. Uncivil Wars: International Security and the New Internal Conflicts, Boulder, CO. Lynne Rienner, 1996; *Duffield Mark*. Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security. London: Zed Books, 2001; *Munkler Hefried*. The New Wars. Cambridge: Polity, 2005; *Eppler Erhard*. Vom Gewaltmarkt zum Gewaltmarkt? Berlin: Suhrkamp, 2001; *Smith Rupert*. The Utility of Force: The Art of War in the Modern World. New York: Alfred A. Knopf, 2007.

- 3) подтверждаются ли или опровергаются мои выводы существующими данными;
- 4) могут ли новые войны быть описаны как выходящие за пределы того, как понимала войну традиция Клаузевица.

Перед тем как я начну, имеет смысл сделать одно предупреждение. Одной из проблем у многих критиков является то, что они смешивают в одно разные варианты тезиса и критику некоего конкретного аспекта, содержащегося в некоем конкретном варианте, трактуют как критику всего тезиса в целом. Читая эту критическую литературу, я каждый раз снова и снова прихожу в недоумение, каким образом авторы выявили у меня те утверждения о новых войнах, которых я определенно никогда не делала. В число подобных утверждений входят: отождествление новых войн с гражданскими войнами; утверждение о том, что их ведут только негосударственные участники и что их единственный мотив — получение экономической выгоды; или утверждение, что они смертоноснее войн более раннего времени². Отвечая критикам, я попробую не угодить в ту же ловушку.

2. *Kalyvas Stathis N.* «New» and «old» civil wars: a valid distinction? // *World Politics*. 2001. Vol. 54. P. 99–118; *De Graaff Bob.* The wars in Former Yugoslavia in the 1990s: Bringing the state back // *Angstrom Jan, Duyvesteyn Isabelle.* The Nature of Modern War: Clausewitz and his Critics Revisited. Stockholm: Swedish National Defence College, Department of War Studies, 2003; *Mellow Patrick A.* Review Article: In search of new wars: The debate about the transformation of war // *European Journal of International Relations*. 2010. Vol. 16. P. 297; *Berdal Mats.* How «new» are «new wars»? Global economic change and the study of civil war // *Global Governance*. 2003. Vol. 9. P. 477–502.

«Новы» ли новые войны?

Самый распространенный тип критики тезиса о «новых войнах» указывает на то, что новые войны не новы. Высказывается мнение, что холодная война затуманила нашу способность анализировать «малые войны» или «войны низкой интенсивности», что многие характеристики новых войн, связанные со слабыми государствами, могут быть обнаружены в раннем Новом времени и что такие феномены, как бандитизм, массовые изнасилования, вынужденное перемещение населения или зверства в отношении гражданского населения, имеют долгую историю.

Могла ли я не согласиться с этими пунктами? Конечно, многие черты новых войн могут быть найдены в прежних войнах. Конечно, доминирующее положение конфликта между Западом и Востоком затмило собой другие типы конфликтов — что это так, я вообще-то говорила во второй главе. Однако есть одна важная причина, почему я, по крайней мере на данный момент, настаиваю на прилагательном «новые».

Многие критики тезиса о «новых войнах» упускают именно то, что они сами часто признают полезным, иначе говоря, следствия этого аргумента с точки зрения формирования политики. Описывая конфликты 1990-х годов в качестве «новых», я хотела изменить сам способ восприятия этих конфликтов лицами, принимающими политические решения и формирующими политический курс. В частности, я хотела подчеркнуть растущую нелегитимность войны и необходимость появления того, что я назвала космополитическим ответом (*cosmopolitan policy response*) — ответом, который в центр

любого международного вмешательства (политического, военного или экономического) ставит права личности и принцип верховенства права.

У западных политиков господствовали два способа понимания этих конфликтов. С одной стороны, существовала тенденция навязывать стереотипную версию войны, взятую из европейского опыта последних двух столетий, согласно которой война состоит из конфликта между двумя воюющими сторонами, обычно государствами или протогосударствами с законными интересами; это то, что я назвала «старыми войнами». Когда я употребляла термин «старая война», он обозначал именно эту традиционную форму войны, а вовсе не все войны прежних времен. В подобных войнах окончанием считаются либо переговоры, либо победа одной из сторон, а внешнее вмешательство принимает либо форму традиционных операций по поддержанию мира, когда предполагается, что миротворцы должны обеспечить достигнутое на переговорах соглашение, а ведущими принципами являются согласие, нейтралитет и беспристрастность, либо форму традиционного вступления в военные действия на той или иной стороне, как в Корее или войне в Заливе. С другой стороны, в случаях, когда политики признавали недостатки этого стереотипного понимания, появлялась тенденция трактовать эти войны как анархию, состояние варварства, древнее соперничество, когда наилучший ответ — политика сдерживания, то есть защита границ западного мира от этой напасти. Я хотела продемонстрировать, что ни один из этих подходов не является подходящим, что это войны с их собственной логикой, но логикой, отличающейся от логики «старых войн», а потому требующей совсем иного политического ответа.

В одной из наиболее вдумчивых статей, касающихся предмета этих дебатов, Джейкоб Манди пишет:

Решим ли мы отбросить, принять или переформулировать такие понятия, как... новые войны, основания нашего решения не должны основываться на требованиях пресловутой согласованности с теми или иными конкретными примерами из исторического прошлого. Напротив, подобные понятия следует оценивать с точки зрения их способности работать с самими теми феноменами, которые они стремятся прояснить³.

Пусть даже так, однако я считаю, что у современных конфликтов есть некоторые подлинно новые элементы. Более того, было бы странно, если бы их не было. Главные новшества имеют отношение к глобализации и технологиям.

Во-первых, увеличение разрушительного эффекта и точности всех продуктов военной технологии сделало симметричную войну, то есть войну между одинаково вооруженными противниками, все более разрушительной, а стало быть, такой, в которой трудно победить. Первая война в Заливе между Ираком и Ираном была, пожалуй, самым последним примером симметричной войны — войны, которая (в значительной степени подобно Первой мировой войне) длилась несколько лет и в которой погибли миллионы молодых мужчин, причем политический результат был почти нулевым. Отсюда следует, что тактики, используемые в новых войнах, по необходимости должны учитывать эту реальность.

3. *Mundy Jacob*. Deconstructing civil wars: Beyond the new wars debate // *Security Dialogue*. 2011. Vol. 42. P. 289.

Во-вторых, имеется целый ряд следствий из наличия новых форм коммуникаций (информационные технологии, телевидение и радио, дешевые авиаперелеты). Даже притом, что большинство современных конфликтов весьма локальны, глобальные связи гораздо более обширны, включая сюда криминальные сети, связи диаспоры, так же как и присутствие международных агентств, НПО и журналистов. Новые средства сообщения позволяют еще быстрее мобилизовать сторонников и вокруг эксклюзивистских целей, и вокруг целей защиты. Средства сообщения также все больше оказываются и орудием войны, позволяя легче распространять страх и панику, нежели это было возможно ранее; отсюда следуют, например, рассчитанные на зрителя террористические акты.

В-третьих, я согласна с теми теоретиками глобализации, которые полагают, что она привела не к гибели государства, а, скорее, к его трансформации. Однако я считаю, что изменения государства происходят по-разному и что, наверное, самый важный аспект этой трансформации состоит в изменении роли государства в отношении организованного насилия. С одной стороны, монополия на насилие эродировала «сверху», так как некоторые государства все больше оказываются встроены в схему международных правил и институтов. С другой стороны, монополия на насилие эродировала «снизу», так как другие государства под влиянием глобализации становятся слабее. Существует, я бы сказала, большая разница между тем родом приватизированных войн, которым характеризовалась досовременная эпоха, и «новыми войнами», которые наступают по завершении эпохи модерна и связаны с дезинтеграцией.

Некоторые критики концепции «новых войн» говорят, что сам термин слишком туманен; «сбор-

ная солянка», говорят Хендерсон и Сингер. Действительно, многие похожие термины, такие как гибридная война, мультивариантная война или комплексные военные действия (complex war-fighting), явно указывают на некое смешанное состояние. Так, например, термин «мультивариантная война» обозначает «разные типы конфликта, где используются разнужданные методы Бешеного Макса, где сливаются симметричная и асимметричная войны и где Microsoft сосуществует с мачете, а технологии „стелс“ противостоят террористы-смертники»⁴. Новые концепты всегда туманны. Проблема с существующими категоризациями конфликта состоит в том, что они не без натяжек подходят для описания современной реальности (этот момент я подробно рассмотрю в разделе о данных), вследствие чего появляющиеся на их основе практические предписания оказываются невнятными и некорректными. Остается надеяться, что текущие дебаты приведут к появлению новых категорий, которые, возможно, вытеснят термин «новые».

Типичный пример данного типа критики — статья Свена Хойнацки. Хойнацки полагает, что термин «новые войны» слишком неопределен, а также «методологически проблематичен, потому что критерии для идентификации „новых“ войн в высшей степени произвольны, трудны для понимания и для приведения в соответствие с теорией конфликтов (курсив мой. — М. К.)»⁵. Далее Хойнацки устанавли-

-
4. *Evans Michael*. From Kadesh to Kandahar: Military theory and the future of war // *Naval War College Review*. Summer 2003. См. также: *Hoffman Frank*. Hybrid warfare and challenges // *JFQ*. 2009. Vol. 52. P. 34–39.
 5. *Chojnacki Sven*. Anything new or more of the same? Wars and military intervention in the international system, 1946–2003 // *Global Society*. 2006. Vol. 20. No. 1. P. 25–46.

вает свои собственные категории на основе типов участников (межгосударственные, внешнегосударственные, внутригосударственные и субгосударственные участники), которые полностью упускают тот момент, что новые войны ведутся одновременно и государственными, и негосударственными и внутренними, и внешними участниками.

Некоторые критики признают, что нечто подобное новым войнам существует. Но это не значит, что «старые войны» уже исчезли. Особенно после войн в Ираке и Афганистане некоторые исследователи и политики предупреждают о том, что, случись они, будущие войны будут выглядеть как войны в Ираке и Афганистане. Я надеюсь, что будущие войны не будут похожи на войны в Ираке и Афганистане, поскольку эти войны, о чем я пишу в шестой главе, были обострены внешним военным вмешательством. Однако, надо надеяться, будущие войны не будут похожи и на войны XX столетия. Конечно, нельзя исключать возврата к старым войнам. Можно представить постоянную гонку вооружений между государствами, нарастание напряженности между ними, тенденцию предавать забвению страдания прежних поколений. Однако отсутствие положительных результатов в решении проблемы «новых войн» настоящего времени могло бы сделать эту возможность куда более вероятной. Возможно, что реконструкцию милитаризованных государств путем ведения внешних войн начнут рассматривать в качестве способа повторного установления монополии на насилие на национальном уровне. По словам Джона Кигана, «существует угроза, что огромный труд разоружения племен, сект, полевых командиров и преступников — основополагающее достижение монархов в XVII и империй в XIX столетиях — потребуется

проделать заново»⁶. В условиях экономического кризиса настоящего времени, когда государства урезают оборонный бюджет, существует тенденция оберегать то, в чем видят стержневые оборонные задачи (то есть подготовку к «старой войне»), и ограничивать формирование потенциала, который должен способствовать усилиям по принуждению к глобальному миру.

Являются ли новые войны «войнами»?

Некоторые авторы полагают, что современное насилие преимущественно приватизировано и/или криминально, а следовательно, его никак нельзя описать в качестве войны, не погрешив против истины. Показательным примером такого рода мышления служит интересная книга Джона Мюллера «Обломки войны». Он утверждает, что сегодня война устаревает и остаются только головорезы, которые являются «остаточными комбатантами» (*residual combatants*)⁷. Иными словами, войну он определяет в терминах «старой войны»:

Таким образом, центральной характеристикой того, что сегодня по большей части фигурирует под именем «военных действий», является случайное и импровизационное столкновение головорезов, а не запрограммированное и/или истонное столкновение цивилизаций, хотя многие из этих нарушителей закона, оправдывая свою деятельность, предусмотрительно употребляют этническую, национальную или идеологическую

6. Цит. по: *Mueller John. The Remnants of War. Ithaca. P. 172.*

7. *Ibid. P. 2.*

риторику, поскольку подчеркивать волнительное удовольствие и прибыльность хищничества было бы политически неправильным⁸.

Я весьма сочувственно отношусь к подобной линии аргументации. В этой книге я пишу о новых войнах как комбинации войны (организованного насилия в политических целях), преступления (организованного насилия в частных целях) и нарушений прав человека (насилия против гражданского населения). Преимущество того, чтобы не использовать термин «война», заключается в том, что все формы современного насилия получают тем самым трактовку полностью нелегитимных и требуют применения к себе полицейского, а не политического/военного ответа. Кроме того, много примеров современного насилия, вроде нарковойн в Мексике или войн банд в крупных городах, имеют, по-видимому, схожую с новыми войнами логику, однако должны классифицироваться в качестве криминала. Аргументация того же рода уже использовалась в отношении терроризма. Термин «Война против терроризма» широко критикуется, поскольку он наводит на мысль о военном ответе на террористическое насилие, тогда как полицейские и разведывательные методы были бы, надо полагать, более эффективны⁹.

Однако я считаю, что и политический элемент должен быть принят всерьез. Он составляет часть решения. Четкое изложение космополитической политики в качестве альтернативы эксклюзивистской идентичности — это единственный способ со-

8. Ibid. P. 115.

9. См.: *Howard Michael*. What's in a Name?: How to fight terrorism// *Foreign Affairs*. January/February 2002.

здания легитимных институтов, способный обеспечить тот вид эффективного управления и обеспечения безопасности, который предлагается Мюллером в качестве решения. Война наводит на мысль об организованном насилии, обслуживающем политические цели. Именно таким образом она легитимирует криминальную деятельность. Террористы-смертники в своих прощальных видео описывают себя как солдат, а не как убийц. Даже если те, кто обрамляют насилие этническими, религиозными или идеологическими мотивами, на самом деле (а вероятно, так оно и есть) только инструменты, все равно эти политические нарративы усваиваются в процессе участия в насилии либо на стороне носителей насилия, либо на стороне их жертв. Более того, в этом суть насилия: победить на выборах или мобилизовать политическую поддержку можно лишь через политику страха. Это убедительно доказано Каливасом в его книге «Логика насилия в гражданских войнах». Он цитирует слова Фукидида о «неистовом фанатизме, проявившемся, как только вспыхнуло противоборство. [...] Люди разделились на два идеологически враждебных лагеря, и каждая сторона смотрела на другую с недоверием»¹⁰. Путь к преодолению страха и вражды не обязательно лежит через компромисс (даже если такое и возможно), поскольку компромисс может еще больше укрепить эксклюзивистские позиции. Напротив, для преодоления страха и вражды требуется иная разновид-

10. *Kalyvas Stathis N. The Logic of Violence in Civil Wars. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 78. Ср. рус. пер. этого фрагмента «Истории» Фукидида: «...жгучая страсть к соперничеству, когда люди предаются спорам и раздорам. [...] Повсюду противостояли друг другу охваченные подозрительностью враждующие партии» (Фукидид. История. Л.: Наука, 1981. С. 148–149). — Примеч. пер.*

ность политики, выстраивание общего дискурса, на который должен опираться какой бы то ни было юридический ответ.

Близкая к этому терминологическая проблема касается слова «конфликт». Между «войной» и «вооруженным конфликтом» существует юридическая разница, которая относится к тому, имел ли место формальное объявление войны. В большинстве случаев совокупность данных имеет некое пороговое значение, до достижения которого насилие нельзя считать войной; например, в базе данных «Корреляты войны» это тысяча погибших в результате боевых действий в год¹¹. Не хочу показаться излишне педантичной, но все же представляется, что термин «конфликт» подразумевает некую тяжбу сторон по поводу легитимной жалобы, которая может разрешиться либо победой одной из сторон, либо компромиссом; в Уппсальской программе данных о конфликтах используется термин «несовместимость, дошедшая до противостояния» (*contested incompatibility*)¹². Действительно, конфликт эндемичен всем обществам и необходим для изменений и адаптации. Демократия — это мирный механизм по управлению конфликтами. Насилие, как утверждает Мишель Вевёрка, как правило, противоположно конфликту. Оно сворачивает дебаты и «поощряет разрывы»¹³. В «новых войнах» «несовместимость» необходима, чтобы «стороны» могли оправдать свое существование.

11. URL: <http://www.correlatesofwar.org/>

12. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/definitions/definition_of_armed_conflict/

13. *Wievorka Michel*. *Violence: A New Approach*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009.

Спор о данных

Главный тезис моей книги базировался не на количественных, а на качественных данных. Мои идеи я выработала, используя свой непосредственный опыт войн в бывшей Югославии и на Южном Кавказе, и затем опробовала их, проведя как свое собственное исследование на примере войны в Боснии и Герцеговине, так и сравнительные исследования на примере войн в Африке и других местах, выполненные для возглавляемого мной проекта в Университете ООН¹⁴. С тех пор эти знания пополнились исследованием по Ираку и Афганистану. В поддержку своего тезиса о том, что сражения становятся редки и насилие большей частью направлено против гражданского населения, я приводила два количественных утверждения. Я утверждала, что заметно увеличилось число гражданских потерь по отношению к числу военных потерь и что растут масштабы вынужденного перемещения населения на один конфликт.

Как бы то ни было, количественные данные, вопреки утверждениям обратного, по-видимому, подтверждают мои первоначальные интуитивные выводы. Спор о данных касается трех широких областей: количество и продолжительность войн; количество потерь; численность вынужденно перемещенного населения.

Количество и продолжительность войн

Есть три основных источника данных о количестве войн:

14. Mary Kaldor and Basker Vashee (eds). *New Wars*. London: Pinter, 1997.

- Уппсальская программа данных о конфликтах, которую использует ежегодник Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), проект Human Security Report (Доклад о безопасности человека) и Всемирный банк¹⁵;
- проект «Корреляты войны» в Мичиганском университете;
- выходящий раз в два года обзор Peace and Conflict Survey, выпускаемый Центром международного развития и управления конфликтами в Университете Мэриленда¹⁶.

Все эти собрания данных основываются на предпосылках «старой войны». Чтобы насилие могло считаться войной, как минимум одна из участвующих сторон должна быть представлена государством и должно иметься определенное число боевых потерь. Кроме того, все они проводят различие между внутрисударственной и межгосударственной войной, а некоторые добавили сюда еще субгосударственные и негосударственные категории. И все же мой тезис о новых войнах в целом опирался на предпосылку трудности определения, где государственные, а где негосударственные, где внешние, а где внутренние участники, а стало быть, все эти цифры в действительности не способны уловить природу новых войн.

В частности, акцент на боевых потерях своим контринтуитивным последствием имеет выпадение из поля зрения крупных эпизодов насилия. По словам Милтона Лейтенберга, «в Камбодже между 1975

15. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/program_overview/

16. URL: <http://www.cidcm.umd.edu/pc/>

и 1978 годом было мало „боевых потерь”, сравнительно немного в Сомали в 1990 и 1991 годах или в Руанде в 1994 году; однако было бы странным, если бы в данные не включили миллион погибших в Камбодже, 350 тысяч — в Сомали и 800 тысяч или более — в Руанде»¹⁷.

Тем не менее сведения из этих трех баз данных имеют некоторое отношение к тезису о новых войнах. Все они совпадают в следующих заключениях.

- Фактическое исчезновение войн между государствами.
- Спад всех войн высокой интенсивности, в которых боевые потери превышают тысячу человек в год.
- Спад смертоносности войны, измеряемой в единицах боевых потерь.
- Увеличение продолжительности и/или рост количества рецидивов войн.
- Территориальная близость к другим войнам как фактор риска.

Иными словами, по-видимому, имеет место спад «старых войн», к которым главным образом и относятся эти измерения. Также наблюдается количественный спад гибнущих в сражениях, что согласуется с моим тезисом об уменьшении значения сражений. И если некоторые из учтенных в данных базах конфликтов являются «новыми войнами», это, по-видимому, свидетельствует в пользу моих аргументов о том, что новые войны трудно закончить и что они имеют тенденцию распространяться.

17. *Leitenberg Milton*. Deaths in War and Conflicts in the 20th Century. Cornell University Peace Studies Program Occasional Paper 29, 3rd edn, 2006.

Наиболее существенные меры по учету новых реалий приняла УПДК, добавив данные по эпизодам одностороннего насилия и по негосударственным конфликтам с использованием насилия. Обе эти цифры, вероятно, растут, и это опять-таки согласуется с моим тезисом, что новые войны могут трактоваться в качестве случаев взаимного одностороннего насилия и что незатухающие низкоуровневые конфликты низкой интенсивности станут, возможно, в будущем закономерностью.

Те, кто критиковали концепцию новых войн, используя указанные типы данных, на самом деле сражались с призраками. Так, высказывалось утверждение, что новые войны — это гражданские войны, а спад гражданских войн говорит о том, что количественного роста новых войн не происходит. Но я все время настаиваю, что новые войны не являются гражданскими, и никогда ничего не утверждала о том, увеличивается ли или уменьшается число новых войн. Мой тезис всегда касался лишь изменения характера войны. Странно, но критики также посчитали, что доводом против понятия новых войн является уменьшение тяжести сражений, тогда как, напротив, это лишь подтверждает концепцию новых войн¹⁸.

Потери

В первом издании моей книги подсчеты соотношения военных и гражданских потерь базировались на тех цифрах, которые были получены благодаря

18. *Melunder Erik, Oberg Magnus, Hall Jonathan.* Are «new wars» more atrocious? Battle severity, civilians killed and forced migration before and after the end of the Cold War // *European Journal of International Relations.* 2009. Vol. 15. P. 505.

нашим исследованиям войн 1990-х годов в рамках возглавляемого мной проекта в Университете ООН, и на статистике, содержащейся в ежегодных выпусках обзора *World Military and Social Expenditures* (Мировые военные и социальные расходы) Рут Сивард. Согласно этим вычислениям, отношение гражданских потерь к военным на рубеже XIX и XX веков составляло 20%, около 50% во Второй мировой войне, а в 1990-х годах стало в точности противоположным, достигнув значения 80%.

При данном типе подсчетов существует троякая проблема. Во-первых, цифры по гражданским потерям вопиюще неточны. Существуют различные методы получения этих чисел: сообщения СМИ (и других источников) об отдельных случаях смерти, эпидемиологические обследования, опросы общественного мнения и официальные свидетельства о смерти (там, где они доступны). Результаты варьируются в широких пределах. Так, потери в войне в Боснии варьируются от 260 тысяч человек (я использовала именно это число, предоставленное министерством информации Боснии и на тот момент широко использовавшееся международными агентствами), из которых военные потери составляют 60 тысяч человек, до 40 тысяч человек в Докладе о мировых катастрофах¹⁹. Подобным же образом предметом широких дебатов стали гражданские потери в войне в Ираке. Цифры варьировались очень значительно — от примерно 100 тысяч человек по состоянию на 2011 год (гражданские потери от насилия по оценке ресурса *Iraq Body Count*²⁰, который опирается на сообщения СМИ и официальные докумен-

19. *Roberts Adam*. Lives and statistics: Are 90% of war victims civilians? // *Survival*. 2010. Vol. 52. No. 3. P. 115–136.

20. URL: <http://www.iraqbodycount.org/>

ты) до более чем одного миллиона (эта цифра базируется на опросах общественного мнения 2007 года, где иракцам во всех 18 провинциях задавался вопрос, был ли убит кто-либо из членов их семьи)²¹.

Во-вторых, очень трудно провести границу между комбатантами и гражданским населением. Точная статистика существует только по военным потерям, так как они официально фиксируются правительствами. Из этих источников мы знаем, что по состоянию на сентябрь 2011 года военные потери составляли около 4792 человека в Ираке, из которых на американскую сторону приходилось 4474 человека, и около 2727 человек в Афганистане, из которых американских потерь было около 1776 человек²². Но поскольку в новых войнах многие комбатанты представлены ополчениями, частными военными компаниями, наемниками, членами военизированных формирований или разного рода преступниками, постольку их точное выделение затруднительно. Показательным примером служат цифры, представленные Центром исследований и документации в Сараеве. Он собирал данные о погибших в войне 1992–1995 годов на основании свидетельств о смерти; согласно его оценкам, погибло около 97 207 человек, из числа которых 39 684 человека (41%) были гражданскими лицами, а 62 626 человек (59%) — солдатами. В данные по количеству солдат вошли, впрочем, все мужчины призывного возраста. Поскольку нам известно, что в операциях по этническим чисткам гибли преимущественно мужчины призывного возраста и что большинство перемещенного населения составля-

21. URL: <http://www.opinion.co.uk/Documents/Revised%20Casualty%20Data%20-%20Press%20release.doc>.

22. URL: <http://icasualties.org/>

ли женщины, а также поскольку известно, что уровень участия в насилии был очень низок (примерно 6,5% всего населения), то просто невероятно, чтобы все те мужчины были солдатами. Это бы значило, например, что солдатами были почти все 8 тысяч мужчин и мальчиков, убитых в Сребренице.

В-третьих, очень трудно разобрать, была ли гибель гражданских лиц побочным эффектом военных действий, результатом умышленного насилия (политического или криминального) или результатом косвенных следствий войны — тягот, лишений и болезней. Одной из проблем с теми количественными данными, на которые я опиралась для проведения своих собственных вычислений, было то, что я использовала цифры, относившиеся ко всем указанным причинам смерти, в то время как мой собственный тезис касался собственно изменившейся модели ведения военных действий (от столкновения противников в бою к прямому насилию против гражданского населения). В Докладе о безопасности человека говорится, что в современных войнах снизилась смертность от косвенных следствий войны. Это происходит потому, что часто войны являются низкоуровневыми и имеют в высшей степени локализованный характер, а также вследствие того, что процесс общего улучшения здравоохранения и иммунизации не прекращается и во время войн. Главный метод вычисления этих косвенных следствий — это вычисление избыточной смертности, превышающей ожидания на основе прежних трендов. ДБЧ, например, критикует доклад МКС (Международного комитета спасения) о потерях в войне в Демократической Республике Конго, по оценкам которого, в случае «если бы войны не было», умерших было бы на 5,4 миллиона человек меньше (согласно оценкам, более 90% умерло

из-за усугубленных военными условиями болезней и недоедания). ДБЧ полагает, что оценка МКС основывалась на предположительном уровне младенческой смертности до конфликта и была заниженной и что в проведенных МКС опросах существует уклон в сторону районов с малочисленным населением и большим количеством жертв, а поэтому истинная цифра, вероятно, гораздо ниже.

Итак, что же можно сказать относительно данных о потерях? Во-первых, эти данные говорят об общем спаде смертности в результате войн. В числе прочей некорректной критики тезиса о новых войнах фигурирует мнение о том, что исследователи новых войн утверждают, будто зверства в новых войнах тяжелее зверств в войнах предшествующих периодов. Единственным утверждением, связанным с тезисом о новых войнах, является утверждение о том, что насилие в новых войнах — это в большинстве случаев не столкновение противников в бою, а насилие против гражданского населения. Было бы безумием утверждать, что насилие против гражданского населения хуже, чем зверства государственной машины в Новое время (наподобие холокоста или советских чисток). Во-вторых, произошло заметное сокращение боевых потерь. Если мы сравним не военные и гражданские потери, а боевые потери и общую смертность в результате войн, то можно будет утверждать, что это соотношение достигло уровня, соизмеримого с моим исходным утверждением²³. В-третьих, потери среди военнослужащих регулярных сил составляют очень малую долю в общем количестве погибших в вой-

23. См.: *Lacina Bethany, Gleditsch Nils Petter*. Monitoring trends in global combat: A new dataset of battle deaths // *European Journal of Population*. 2005. Vol. 21. P. 145–166.

нах, причиной чего является как уменьшение их участия в войнах, так и спад количества сражений.

И наконец, потрясает во всем этом споре тот факт, что у нас есть хорошая и точная статистика по смертности мужчин в казенной униформе, но при этом сведения о подавляющем большинстве пострадавших полностью неадекватны.

Вынужденное перемещение

Второе количественное утверждение, сделанное мной в первом издании этой книги, состояло в том, что масштабы вынужденного перемещения увеличиваются. Я пользовалась общими цифрами, предоставленными УВКБ ООН и американским обзором World Refugee Survey²⁴, а также оценками количества перемещенных лиц на один конфликт в течение нескольких лет вплоть до 1992 года, сделанными Майроном Вайнером²⁵.

Никто не спорит, что общая совокупная численность перемещенного населения увеличилась. Более того, согласно УВКБ ООН, в 2010 году цифры по принудительно перемещенным лицам достигли своей высшей отметки за 15 лет — 43,7 миллиона человек, включая 15,4 миллиона беженцев, около 27,5 миллиона внутренне перемещенных лиц и 837500 человек, чьи заявления на предоставление убежища еще не были обработаны. Однако критики считают, что эти числа следует уточнить в двух от-

24. URL: <http://www.unhcr.org/pages/4a0174156.html>; <http://www.refugees.org/resources/refugee-warehousing/archived-world-refugee-surveys/2009-world-refugee-survey.html>.

25. *Weiner Myron*. Bad neighbours, bad neighbourhoods: an inquiry into the causes of refugee flows // *International Security*. 1996. Vol. 21. No. 1.

ношениях. Во-первых, сильно усовершенствовался сбор данных, особенно что касается внутренне перемещенных лиц. В частности, основной источник данных по ВПЛ — Центр мониторинга внутренне перемещенных лиц Норвежского совета по делам беженцев, который собирает данные только с 1998 года²⁶. До этого момента основным источником служили оценки УВКБ ООН по тем ВПЛ, которые входили в зону его ответственности, и это была гораздо более низкая цифра. Во-вторых, данные о беженцах и ВПЛ, как правило, имеют кумулятивный характер, поскольку многие так и не возвращаются на родину.

Тем не менее недавние конфликты, особенно в Ираке, Сомали и Пакистане, по-видимому, подтверждают сформулированный мной тезис, что принудительному перемещению отводится центральное место в совокупности методов новых войн. Например, в Ираке в разгар войны в 2006–2008 годах было перемещено около 4 миллионов человек, приблизительно половину которых составляли беженцы, а другую половину — внутренне перемещенные лица. Более того, можно полагать, что одна из причин более низких показателей смертности на войне состоит в том, что с помощью новых средств сообщения сейчас легче, чем прежде, сеять страх и панику, так чтобы больше людей покидало свои дома. Я дополнила пятую главу своими последними оценками роста числа беженцев и внутренне перемещенных лиц в странах, переживающих конфликт (при всех вышеупомянутых оговорках).

Эта дискуссия позволяет сделать заключение о необходимости повысить качество данных о пере-

26. URL: <http://www.internal-displacement.org>.

мещенных лицах, которые вполне могли бы стать более верным индикатором проблем с безопасностью человека, чем некоторые другие количественные показатели, используемые в настоящее время.

Спор о Клаузевице

Заключительная группа критических высказываний против тезиса «новых войн» имеет отношение к утверждению о том, что новые войны — это войны постклаузевицевские²⁷. Я уже разобрала этот вопрос в одной более пространной статье, где делаю заключение, что новые войны действительно являются постклаузевицевскими, однако же не на тех основаниях, какие обычно указываются в литературе о «новых войнах»²⁸. Более того, этот вопрос приобрел большую важность, помогая мне продумывать и переформулировать следствия из тезиса о «новых войнах».

Основания, традиционно выдвигаемые для утверждения, что новые войны являются постклаузевицевскими, имеют отношение к тройственной концепции войны, первенству политики и роли рассудка. И Джон Киган, и Мартин ван Кревельд предположили, что тройственная концепция войны, с ее трехсторонним различением государства, армии и народа, перестала быть релевантной²⁹.

27. См., напр.: *Strachan Hew, Herbeg-Rothe Andreas*. Clausewitz and the Twenty First Century. Oxford: Oxford University Press, 2007; *Schurman Bart*. Clausewitz and the «New Wars» Scholars // *Parameters*. Spring 2010.

28. *Kaldor Mary*. Inconclusive wars: Is Clausewitz still relevant in these global times? // *Global Policy*. 2010. Vol. 1. No. 3.

29. *Keegan John*. A History of Warfare; *Van Creveld Martin*. The Transformation of War.

Другие авторы предполагают, что война уже не является инструментом политики и, более того, что «развод войны с политикой» характерен как для доклаузевицевских, так и для постклаузевицевских войн³⁰. Наряду с этими аргументами критики поставили под сомнение также и рациональность войны. Ван Кревельд, например, считает, что «нет ничего более нелепого, чем полагать, что именно из-за того, что люди располагают властью, они действуют как автоматы или вычислительные машины, лишённые страстей. На самом деле они поступают не рациональнее других смертных»³¹.

По моему мнению, все эти аргументы довольно тривиальны и могут быть опровергнуты в зависимости от того, как интерпретируется Клаузевиц. Я согласна с Хью Стрэченом, что эта троица отсылает к «тенденциям» или мотивациям, а не к эмпирическим категориям³². Суть этого понятия, как я его понимаю, в том, чтобы объяснить, как сложная социальная организация, составленная из многих разных индивидов, имеющих много разных мотиваций, может стать, говоря его словами, «персонализированным государством» — «стороной» или партией в войне. Война, говорит Клаузевиц,

не только бывает настоящим хамелеоном, так как она в каждом конкретном случае несколько изменяет свою природу, но также и в своих общих формах по отношению к господствующим в ней

30. Snow Donald, цит. по: Jan Angstrom, «Introduction», in Angstrom and Duyvesteyn // *The Nature of Modern War; Clausewitz and his Critics Revisited*. P. 8.

31. *Van Creveld Martin*. *The Transformation of War*. P. 10. *Ван Кревельд М.* Трансформация войны. С. 236.

32. *Strachan Hugh*. *Carl von Clausewitz's On War: A Biography*. London: Atlantic Books, 2007.

тенденциям она представляет собой странную трицу, составленную из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она принадлежит к простому рассудку³³.

Эти разные «тенденции» — рассудок, случай и эмоции — по большей части ассоциируются соответственно с государством, генералитетом и народом, однако выражение «по большей части» или «в большей мере» говорит о том, что их ассоциация с этими разными компонентами или уровнями войны не носит исключительного характера.

Клаузевиц полагает, что война — это то, что делает данную трицу единой. Эта трица была «странной», потому что сделала возможным сближение народа и новоевропейского государства. Очевидно, что в большинстве новых войн это различие между государством, военными и народом размыто. Новые войны ведутся сетями государственных и негосударственных участников и зачастую трудно провести границу между комбатантами и гражданским населением. И поэтому если мы думаем об этой трице в терминах институтов государства, армии и народа, то ее понятие неприменимо. Однако если мы думаем об этой трице как некоем концепте, объясняющем, как объединяются в войне разнородные социальные и этические тенденции, то это понятие явно весьма уместно.

Второй пункт обсуждения — это первенство политики. Среди переводчиков Клаузевица идут спо-

33. Clausewitz K. On War. P. 24; Клаузевиц К. О войне. С. 58.

ры о том, следует ли немецкое слово politik переводить как «политическая стратегия» (policy) или «политическая жизнь» (politics). Я убеждена, что оно относится к обоим понятиям, когда мы навскидку определяем «политическую стратегию» как внешнегосударственную (с точки зрения отношений с другими государствами), а «политическую жизнь» — как внутригосударственный процесс опосредования разнонаправленных интересов и взглядов.

Новые войны также ведутся ради политических целей, и, более того, саму войну можно рассматривать как некую форму политической жизни. Политический нарратив воюющих сторон — вот что удерживает в единстве рассредоточенные аморфные сети из военизированных формирований, регулярных сил, преступников, наемников и фанатиков, репрезентирующие широкий спектр устремлений: экономическая и/или криминальная корысть, любовь к приключениям, личная или семейная вендетта или даже просто очарованность насилием. Именно политический нарратив дает этим разнющим тенденциям карт-бланш. Кроме того, эти политические нарративы сами зачастую выстраиваются благодаря войне. Клаузевиц описывал, как благодаря войне возгорается патриотизм, как посредством страха и ненависти, посредством поляризации «нас» и «их» выковываются и эти идентичности. Иными словами, сама война — это некая форма политической мобилизации, способ свести воедино, сплавить те разнородные элементы, которые организуются ради войны.

Понятая таким образом, война является инструментом политической жизни, а не политической стратегии. Она связана не с внешнеполитической стратегией государств, а с внутригосударственной

политической жизнью, даже если таковая политическая жизнь преодолевает государственные границы. Если для Клаузевица целью войны была внешнеполитическая стратегия, а политическая мобилизация — ее средством, то в новых войнах все наоборот. Цель войны — это мобилизация вокруг политического нарратива, а внешнеполитическая стратегия или политика перед лицом объявленного врага — это ее оправдание.

Итак, если новые войны — это инструмент политической жизни, в чем же состоит роль рассудка? «Новые войны» рациональны в смысле инструментальной рациональности. Но одно ли и то же рациональность и рассудок? Просвещенческая версия рассудка не совпадала с инструментальной рациональностью. В системе Гегеля, берлинского современника Клаузевица, рассудок был определенным образом связан с отождествлением государства и универсальных ценностей, с той действующей силой, которая была ответственна за публичный, в противоположность частному, интерес. Государство свело воедино многообразные группы и классы ради целей прогресса — демократии и экономического развития. В деле формулирования политической стратегии Клаузевиц особо подчеркивает роль «кабинета» и высказывает мнение, что главнокомандующему следовало бы входить в его состав. Считалось, что кабинет, во времена Клаузевица представлявший собой группу министров, с которыми советовался монарх, играл определенную роль в примирении разных интересов и мотиваций и в выработке единообразных, оправданных публичным интересом аргументов как по вопросу объявления, так и по вопросу ведения войны. У членов кабинета имелись, конечно, и их собственные частные мотивации, как имеются они у генералитета (слава,

обогащение, зависть и т. д.), однако именно на них лежала обязанность достигать согласия, определять облик войны в глазах общества и руководить войной, и все это должно было базироваться на универсально приемлемых аргументах («универсальное» здесь отсылает к гражданам данного государства). Описывая эволюцию войны и государства, каковая переключается со стадийным учением Гегеля об истории, Клаузевиц высказывает мнение, что лишь в нововременной период государство может мыслиться как «единый разум, действующий по простейшим законам логики»³⁴, и что это обусловлено подъемом кабинетного правления, когда «кабинет становится мало-помалу завершенным единством, представляющим государство во внешних сношениях»³⁵. Напротив, политические нарративы новых войн базируются на партикуляристских интересах; они носят не универсалистский, а эксклюзивистский характер. Они умышленно нарушают правила и нормы войны. Они рациональны в смысле своей инструментальности. Однако они не основываются на рассудке. Рассудок все же имеет определенное отношение к общепринятым нормам, на которые опирается национальное и международное право.

Есть, впрочем, и еще один аргумент, почему новые войны являются войнами постклаузевицескими. Это связано с фундаментальными положениями мысли Клаузевица, а именно с его понятием идеальной войны, и вытекает из его определения войны. Война, говорит он,

есть не что иное, как расширенное единоборство.
Если мы захотим охватить мыслью как одно целое

34. Clausewitz K. On War. P. 342. Клаузевиц К. О войне. С. 528.

35. Ibid. P. 344. Там же. С. 529.

все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель — сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению. *Итак, война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю*³⁶ (курсив автора. — М. К.).

Насилие, говорит он, это средство. Конечным стремлением является «принудительное подчинение врага нашей воле», а чтобы достичь этого, враг должен быть разоружен.

Далее он объясняет, почему это обязательно должно вести к крайней степени применения насилия:

Некоторые филантропы могут, пожалуй, вообразить, что можно искусственным образом без особого кровопролития обезоружить и сокрушить и что к этому-де именно и должно тяготеть военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее, она содержит заблуждение и его следует рассеять. Война — дело опасное, и заблуждения, имеющие своим источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. *Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия; нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся*

36. Clausewitz K. On War. P. 5. Клаузевиц К. О войне. С. 1.

*внутренними противодействующими силами*³⁷ (курсив мой. — М. К.).

Иными словами, внутренняя природа войны — «абсолютная» война — логически следует из этого определения, так как каждая сторона тщится предпринимать все новые усилия, чтобы разгромить другую; положение, которое Клаузевиц подробно раскрывает в первой главе, обращаясь к тому, что он называет «тремя взаимодействиями», и согласно которому у насилия «нет предела»³⁸. Решающим моментом войны для Клаузевица является бой.

Действительная война по множеству разнообразных причин может отступать от войны идеальной, но пока война соответствует своему определению, она заключает в себе логику крайностей, и во второй главе своей книги я описываю, как эта логика применялась в отношении «старых войн». Это та логика крайностей, которая, как я убеждена, больше не относится к «новым войнам». Поэтому я переформулировала определение войны. Теперь я определяю войну как «акт насилия с участием двух или более организованных групп, в котором используется политический язык». По логике этого определения, война могла бы быть либо «борьбой воль» (о чем говорит определение Клаузевица), либо «обоюдным предприятием». Борьба воль подразумевает, что враг должен быть сокрушен, и поэтому война тяготеет к крайностям. Обоюдное предприятие подразумевает, что для осуществления предприятия войны обе стороны нуждаются друг в друге, и поэтому война тяготеет к затяжному течению без решительного результата. Это не обя-

37. Ibid. P. 6. Там же. С. 2.

38. Ibid. P. 7. Там же. С. 3.

зательно означает тайный сговор, более того, конфликтующие стороны сами могут рассматривать этот конфликт как борьбу воле. Скорее всего, это просто способ интерпретировать природу войны.

Мой аргумент состоит в том, что «новые войны» — это, как правило, обоюдные предприятия, а не борьба воле. Заинтересованность воюющих сторон в предприятии войны, а не в том, чтобы победить или проиграть, имеет как политические, так и экономические основания. Внутренняя тенденция подобных войн — это война без окончания, а не война без пределов. Войны, определяемые подобным образом, создают общую самоподдерживающуюся заинтересованность в войне, воспроизводящей политическую идентичность и способствующей осуществлению экономических интересов.

Как и в клаузевицевской схеме, действительные войны, по всей видимости, расходятся с идеальным описанием войны. Вражда, разоженная войной среди населения, может спровоцировать дезорганизованное насилие, или появятся реальные политические цели, которые можно будет достичь. Возможно и внешнее вмешательство, нацеленное на пресечение этого обоюдного предприятия. Или же эти войны могут неожиданно вызвать у населения отвращение к насилию, что подорвет предпосылки политической мобилизации, на которой основываются подобные войны.

Переопределяя войну подобным образом, я предлагаю иную интерпретацию войны — теорию войны, проверяемую тем, насколько хорошо она служит руководством к практическому действию. Поскольку в моем определении война представляет собой, можно сказать, некий идеальный тип, для подкрепления своей теории я пользуюсь примерами, однако в принципе она недоказуема. Вопрос

в том, способна ли она принести пользу? Возьмем, например, «Войну против терроризма». Антулио Эчеварриа определяет «Войну против терроризма» в классических терминах традиции Клаузевица. «Каждый из антагонистов стремится к политическому уничтожению другого, и на этой стадии ни один не выглядит открытым для переговорного урегулирования»³⁹. Понимаемый подобным образом, каждый акт терроризма вызывает военный ответ, который в свою очередь порождает еще более крайнюю контрреакцию. Проблема состоит в том, что здесь не может быть никакого решающего удара. Уничтожить террористов военными средствами невозможно, потому что невозможно отличить их от мирного населения. Террористы тоже не могут уничтожить вооруженные силы США. Однако если мы понимаем «Войну против терроризма» как некое обоюдное предприятие (что бы о ней ни думал каждый из антагонистов в отдельности), в котором американская администрация укрепляет свой образ покровителя американского народа и защитника демократии, а круги, заинтересованные в большом военном бюджете, получают свое вознаграждение, и в котором исламские экстремисты имеют возможность воплотить идею глобального джихада и мобилизовать молодых мусульман на поддержку их общего дела, то действие и противодействие всего лишь способствуют «долгой войне», выгодной обеим сторонам. Предполагаемый курс действий в терминах традиции Клаузевица — это тотальный разгром террористов военными средствами. Предполагаемый образ действий в постклаузевицевских терминах совсем иной; он связан и с применени-

39. *Echevarria Antulio*. Clausewitz and Contemporary War. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 211.

ем законов, и с мобилизацией общественного мнения — не на той или другой стороне, но против самого этого обоюдного предприятия.

Вынесенная на первый план противоположность между новыми и старыми войнами — это, таким образом, противоположность между идеальными типами войны, а не противоположность между действительными историческими прецедентами. Войны XX века, по крайней мере в Европе, были, конечно, близки к идеалу старой войны, а войны XXI века приближены к представленной мной картине новых войн. Я не уверена, что в действительности все современные войны больше подходят под мое описание, чем войны прежних времен подходили под описание старых войн. Может быть, помимо реалистических интерпретаций войны как конфликта между группами (обычно государствами, действующими от лица всей группы в целом) и интерпретаций войны, видящих в поведении политических лидеров выражение целого комплекса политических и, пожалуй, бюрократических стремлений обеспечить собственные узкие интересы или интересы их фракции (фракций) вместо интересов целого, есть еще какой-нибудь способ описать это различие. Есть основания полагать, что реалистическая интерпретация была более релевантна в вестфальскую эпоху суверенных национальных государств, нежели сегодня.

Данное концептуальное различие несколько отличается от того, каким образом я описываю «новые войны» в предыдущей работе, в которой речь шла о вовлечении негосударственных участников, о роли политики идентичности, о размывании различия между войной (политическое насилие) и преступлением (насилие ради частных интересов), так же как и о том факте, что в новых

войнах сражения являются редкостью и насилие по большей части направлено против гражданского населения⁴⁰. Однако оно не входит в противоречие с тем прежним описанием, оно лишь предполагает более высокий уровень абстракции.

Заключение

Спор о новых войнах позволил мне улучшить и переформулировать мои аргументы. Спор о Клаузевице помог осуществить более концептуальную интерпретацию новых войн, а спор о данных привел к выявлению новых источников фактических сведений, которые помогли обосновать главное положение этой книги.

Единственное, с чем склонны соглашаться критики, это то, что тезис о «новых войнах» приобрел важное значение, открыв перспективы нового научного анализа и новой политики⁴¹. Дебаты еще более углубили понимание этого круга вопросов. Этот тезис стал вкладом в стремительно разрастающуюся область исследований конфликтов. И он оказал влияние на имеющие место интенсивные дебаты по вопросам политической стратегии, особенно среди военных и в министерстве обороны, — например, на дебаты в Пентагоне о борьбе с повстанцами и на дебаты в Европейском союзе о безопасности человека и, более того, о нетрадиционных подходах

40. *Kaldor Mary*. *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. 2nd edn. Cambridge: Polity, 2007.

41. *Newman Edward*. The «new wars» debate: a historical perspective is needed // *Security Dialogue*. 2004. Vol. 35. No. 2. P. 173–189; *Henderson Errol A.*, *Singer David*. «New wars» and rumours of «new wars» // *International Interactions*. 2002. Vol. 28. No. 2.

к безопасности вообще. Показательным примером того, в какой мере изменяется дискурс, служит Доклад Всемирного банка о мировом развитии 2011 года. Его лейтмотив таков:

Глобальные системы XX века создавались для снижения напряженности в отношениях между государствами и урегулирования единичных случаев гражданских войн. Войны между национальными государствами и гражданские войны протекают в соответствии с данной логикой... Насилие в XXI веке не соответствует моделям XX века... Конец насилию и конфликтам пока не положен... Но поскольку в сокращении числа войн между государствами были достигнуты определенные успехи, сохраняющиеся сегодня конфликты и проявления насилия невозможно однозначно отнести к категориям «войны» и «мира», либо «уголовного насилия» и «политического насилия».

Многие страны и регионы имеют сегодня дело с *повторяющимися* циклами насилия, слабости управления и нестабильности... Новые формы насилия, порождаемые переплетением местных политических конфликтов с организованной преступностью и конфликтами, имеющими международное измерение, означают, что проблема насилия актуальна и для богатых, и для бедных⁴².

Мне по-прежнему кажется, что этим дебатам недостает запроса на космополитический политический ответ. В конце концов, осуществление полицейских функций, верховенство права, механизмы право-

42. World Development Report 2011: Conflict, Security and Development: Overview. Washington, DC: The World Bank, 2011. P. 4–5. Русскоязычную версию см.: URL: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2011.pdf>.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

судия и строительство институтов зависят от распространения норм на локальном, национальном и глобальном уровнях. А нормы формируются благодаря политическому процессу. Замечательным примером того, о чем я говорю, являются те настойчивые попытки преобразовать действительность, которые происходят сейчас на Ближнем Востоке, где исламисты и светски мыслящие люди, мужчины и женщины из разных сообществ, отказываются быть втянутыми в узкорелигиозную политическую борьбу. Однако величайшая значимость происходящего и его потенциальное значение для других ситуаций, по-видимому, имеют очень слабый отклик среди тех самых принимающих политические решения лиц, которые и дебатировали между собой об этих предметах.

МЭРИ КАЛДОР
НОВЫЕ И СТАРЫЕ ВОЙНЫ
Организованное насилие
в глобальную эпоху

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ
Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА
Корректор ИРИНА ТРУСОВА
Художник серии ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Верстка СЕРГЕЯ ЗИНОВЬЕВА

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

Подписано в печать 20.04.2015. Тираж 3000 экз.
(1-й завод 1000 экз.) Формат 84×108/32
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chprd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1

Институт экономической политики
имени Егора Тимуровича Гайдара —
крупнейший российский научно-исследова-
тельский и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был
учрежден Академией народного хозяйства
в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен
как Институт экономики переходного
периода, бессменным руководителем
которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива
в соответствии с Указом Президента РФ
от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся
к исходному наименованию, и ему было
присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано
в 2010 году. Задачей издательства является
публикация отечественных и зарубежных
исследований в области экономических,
социальных и гуманитарных наук, трудов
классиков и современников.

